

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Формы политического сотрудничества России
и государств Центральной Азии
в области защиты интеллектуальной собственности:
пути развития диалога сторон

№ 2 (75)
2022

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Социальная технология формирования
микролокальных режимов взаимодействия
субъектов муниципальной власти
и городских стейкхолдеров

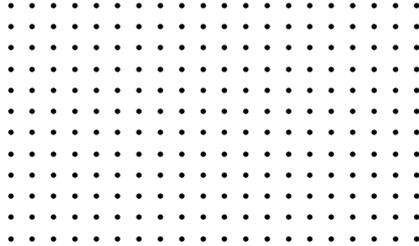
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

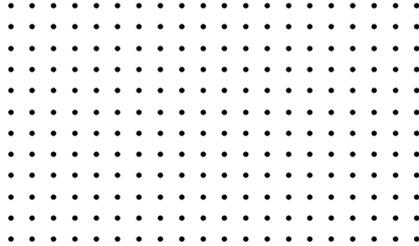
ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT
ISSUES

№ 2 (75) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Долженко Руслан Алексеевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Бальнская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробогаткий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Пирожкова Ирина Сергеевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Ruslan A. Dolzhenko – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Irina S. Pirozhkova – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
 - на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
 - в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
 - в ЭБС «Лань»
 - в библиотеке «ЛитРес»
- Подписной индекс – 66020.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес: CYBER LENINKA ЛАНЬ®

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

Registry of Open Access Repositories

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Брехова Ю.В., Севостьянова С.А.

Трансформация рынка малоэтажного строительства в условиях введения карантинных мер на примере Южного федерального округа

Вербицкая Т.В.

Формы политического сотрудничества России и государств Центральной Азии в области защиты интеллектуальной собственности: пути развития диалога сторон

Орехова С.В., Ярошевич Н.Ю.

Экосистемы и новая конкуренция: феномен «яйца и курицы»

Сандоян Э.М., Восканян М.А., Галстян А.Г.

Оценка политики Центрального банка Армении в условиях кризиса

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Нотман О.В.

Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров

Кожевников С.А., Патракова С.С.

Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село»

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Brekhova Yu.V., Sevostyanova S.A.

Transformation of the low-rise construction market under the imposed quarantine measures, exemplified by the Southern Federal District

Verbitskaya T.V.

Forms of political cooperation between Russia and Central Asian countries in the field of intellectual property protection: ways of developing dialogue of the parties

Orekhova S.V., Yaroshevich N.Yu.

Ecosystems and new competition: “chicken-and-egg” phenomenon

Sandoyan E.M., Voskanyan M.A., Galstyan A.G.

Assessing the Central Bank of Armenia policy under crisis

SOCIAL MANAGEMENT

Notman O.V.

Social technology of developing microlocal modes of municipal government subjects and urban stakeholders interaction

Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S.

Priorities and tools for ensuring intra-regional space integration along the “urban-rural” line

5

19

34

49

61

76

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА МАЛОЭТАЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ КАРАНТИННЫХ МЕР НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ю.В. Брехова^{1а}, С.А. Севостьянова^{2а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу изменений, происходящих на рынке малоэтажного строительства, связанных с введением карантинных мер против новой коронавирусной инфекции COVID-19. Трансформация экономики в процессе адаптации к новым условиям функционирования, помимо всего прочего, затронула предпочтения граждан при выборе места жительства и их финансовое поведение в части рационального использования ресурсов. Взрывной рост ипотечного кредитования первичного рынка городской недвижимости за счет государственной программы субсидирования ставок отразил накопленный спрос граждан на собственное жилье. Однако возрастающий спрос на сегмент малоэтажного строительства все еще не имеет адекватного способа удовлетворения за счет кредитных ресурсов.

Цель работы – анализ происходящих изменений на рынке малоэтажного строительства Южного федерального округа в условиях введения карантинных мер и перспектив его развития. Основные задачи исследования ставятся в области причин роста популярности загородной недвижимости и выявления особенностей развития рынка ипотечного кредитования индивидуального жилищного строительства в Южном федеральном округе.

Исследование базируется на методе кластерного анализа, при помощи которого оценивается потенциал регионов к развитию данного сегмента рынка. На основе полученных результатов определяются направления дальнейшей разработки актуальных программ финансирования отрасли строительства малоэтажных домов, совмещающих в себе субсидирование процентных ставок государством и стимулирующих население к повышению финансовой грамотности. Главным выводом исследования является обозначение активно развивающегося тренда на развитие рынка загородной недвижимости, которое сопровождается значительным отставанием предложения специальных кредитных программ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ипотечное кредитование, малоэтажное строительство, инвестиции, недвижимость, народная ипотека, жилье, национальный проект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Брехова Ю.В., Севостьянова С.А. Трансформация рынка малоэтажного строительства в условиях введения карантинных мер на примере Южного федерального округа // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 5–18.

События 2020 года, главным образом пандемия COVID-19, оставили отпечаток во всех сферах человеческой жизни [1]. В частности, предпочтения людей претерпели серьезные изменения, а затем изменилось и их финансовое поведение.

Вынужденный переход на удаленный формат занятости спровоцировал сразу несколь-

ко изменений. Во-первых, потребовалось обустроить рабочее место в своем жилье. Для многих российских семей это стало практически невозможной задачей из-за весьма ограниченной жилой площади. Так, в среднем на одного жителя России приходится 26,6 кв. м. жилой площади, в Европе данный показатель составляет 40 кв. м, в США – 70 кв. м на человека.

¹AuthorID РИНЦ: 664343, ORCID: 0000-0002-2832-1290

²AuthorID РИНЦ: 820490, ORCID: 0000-0001-7768-2888

Все члены семьи находились одновременно дома, мешали друг другу учиться и работать в дистанционном формате. В результате все большее число домохозяйств активнее принимали решения о необходимости расширения жилой площади и переезде.

Во-вторых, с приходом весны городские жители оказались в явно худших условиях, чем семьи с загородной недвижимостью, которые могли свободно перемещаться по своему участку даже в период самых жестких карантинных мер. Если раньше существовало устойчивое мнение о дороговизне содержания частного дома, то в период карантина на первый план вышел комфорт, а подсчеты расходов на содержание современного и энергоэффективного дома показали, что в отдельных регионах затраты на содержание квартиры превысили расходы на частный дом [2]. К таким регионам в первую очередь стоит отнести Юг России, где затраты на обогрев или охлаждение помещений в среднем ниже по стране по причине мягких климатических условий.

В-третьих, из-за роста инфляционных ожиданий граждан возрос инвестиционный спрос на ипотечные кредиты [3]. По данным ВЦИОМ, 46 % россиян считают недвижимость самым надёжным способом вложения денег. При этом рост стоимости недвижимости за последние пять лет стал общемировым трендом по причине мягкой денежно-кредитной политики центральных банков развитых стран [4].

Основной научной гипотезой исследования, обозначенной при формировании цели данной работы, является перспективность развития рынка малоэтажного строительства в России, в том числе Южном федеральном округе, с помощью кредитных ресурсов в условиях пандемии COVID-19 и ее последствий.

Актуальность темы исследования отражается также в возрастающем интересе научного сообщества к вопросам дальнейшего развития данной области. Вопросам изучения теоретических и прикладных аспектов потенциала малоэтажного строительства, его развития и преимуществ посвятили свои научные труды российские и зарубежные ученые. Такие авторы, как О. А. Гуляева, Д. О. Жапова, Р. М. Нуреев [5], В. М. Саврадым, Е. Н. Шуле-

кина [6] рассматривают феномен роста частного домостроения с позиции перспективности дальнейшего развития рынка. С точки зрения особенностей финансирования такого вида строительства подходят такие авторы, как Ю. О. Баикина, А. Л. Колтунов, Н. П. Назарчук, О. А. Коростелева и др. Именно вопросы финансирования приобретения и строительства малоэтажных жилых домов вызывают наибольший интерес из-за по сути отсутствия успешного опыта в истории современной России.

Существенную роль в подогреве современного рынка недвижимости в России сыграли государственные программы поддержки ипотечного кредитования. К существовавшим ранее программам (семейная ипотека, сельская ипотека, дальневосточная ипотека, специальные условия для военнослужащих), направленным в основном на поддержку многодетных семей, добавилась более широкодоступная программа льготного кредитования на покупку недвижимости в новостройках напрямую от компании-застройщика под 6,5 % годовых. Это привело к ситуации, когда рост цен на первичном рынке городской недвижимости значительно превысил рост цен вторичного рынка [7].

В итоге сложилась ситуация, когда стоимость однокомнатной квартиры в новостройке площадью 40 кв. м стала сопоставима со стоимостью загородного дома площадью 100 кв. м, причем уже включая стоимость земельного участка. Поэтому особенностью современного этапа развития рынка жилой недвижимости стала переориентация покупателей на загородную недвижимость [8]. Период само-

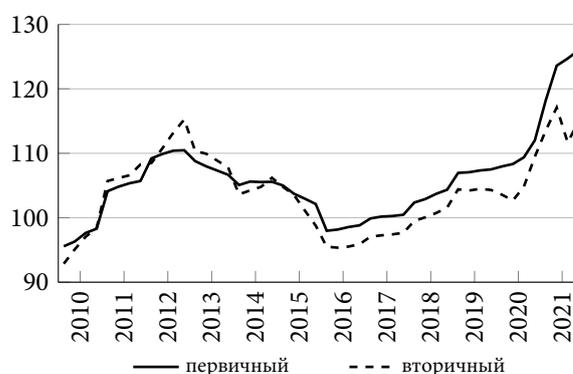

Рисунок 1 – Индекс стоимости жилья, в % к предыдущему году

Figure 1 – House Price Index, % of the previous year

изоляции обострил проблемы домохозяйств, арендующих жилье в центре города или имеющих небольшую жилплощадь. Во-первых, так как пропала необходимость оплачивать дорогостоящую недвижимость, близкую к центру города, то многие квартиросъемщики предпочли переехать либо дальше от центра, либо вообще вернуться в родной город из-за возможности теперь работать удаленно. Во-вторых, если раньше многие семьи предпочитали проводить много времени вне дома (школа, парки, детские сады, торговые центры, офисы), то теперь они были вынуждены обустроить в своей квартире рабочие места для взрослых и школьников, организовать домашний досуг для детей дошкольного возраста, что оказалось достаточно проблематично в условиях небольшой жилплощади. В-третьих, закрытые границы ограничили большое число людей в их возможностях провести летний отдых вдали от дома. Вместе эти новые условия жизни оформились в желания многих граждан приобрести загородную недвижимость. При этом спрос, как на готовые дома, так и на земельные участки настолько превысил предложение, что буквально за первый месяц карантинных мер на Юге России была продана практически половина объектов, имеющих на тот момент на рынке загородной недвижимости. В последующие месяцы рост цен на загородную недвижимость составил от 12 % до 50 % в годовом выражении в зависимости от региона и категории объектов.

Несмотря на возросший спрос, оказалось, что банки не готовы к кредитованию загородной недвижимости, за исключением рынка Московской области. К примеру, такие программы как «Сельская ипотека от 1,9 %» подразумевают либо строительство загородной недвижимости исключительно через специализированных застройщиков, либо покупку уже готовой недвижимости со всеми подключенными коммуникациями (в том числе наличие газа является обязательным). Такие условия практически невыполнимы в большинстве регионов: специализированных застройщиков просто нет, как и зачастую возможности для подключения газа. Логичным ответом на потребности граждан стало предложение Правительства внедрить программу льготной

ипотеки на индивидуальное жилищное строительство по ставке от 6,1 %, которая была запущена 1 декабря 2020 г., но пока получить кредит смогут только семьи с детьми. На данную программу выделено 2,2 млрд. рублей, и срок ее действия был ограничен 1 декабря 2021 г., но продлен до 1 июля 2022 г. с повышением ставки до 7 % и предельной суммой займа до 3 млн руб. По нашему мнению, данный рынок имеет важное значение для развития экономики России. Помимо поддержки для отрасли производства материалов и строительства, развитие пригородных территорий позволит повысить качество жизни, развить инфраструктуру небольших городов, решить вопросы перенаселенности городских районов и проблемы привлечения молодых специалистов в небольшие города и поселки [9].

Вызывает интерес ситуация, складывающаяся на рынке недвижимости Юга России. Так, к нему принято относить регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов Российской Федерации. Диверсифицированная экономика, высокая плотность населения и значительный миграционный поток в южные регионы формирует инвестиционную привлекательность рынка жилья этих регионов. Особенностью этого рынка недвижимости является большая доля загородной недвижимости по причине мягкого климата, развитого сельского хозяйства и традиций частного домовладения. Итак, к Южному федеральному округу (ЮФО) относят следующие субъекты:

- Республика Адыгея;
- Астраханская область;
- Волгоградская область;
- Республика Калмыкия;
- Краснодарский край;
- Ростовская область
- Республика Крым и город Севастополь.

К Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО) относятся:

- Республика Дагестан;
- Республика Ингушетия;
- Кабардино-Балкарская Республика;
- Карачаево-Черкесская Республика;
- Республика Северная Осетия — Алания;
- Ставропольский край;
- Чеченская Республика.

Краткий сравнительный анализ двух федеральных округов между собой показал схожие климатические и географические условия, высокий потенциал развития территорий, но явный разброс уровня экономического развития регионов.

Так, Южный федеральный округ занимает выгодное экономико-географическое положение, располагаясь между развитыми странами Европы и Центральной Азии, а также имеет выход к незамерзающему Черному морю и богат природными ресурсами. Однако промышленное производство в округе развито намного хуже среднероссийского уровня, и округ также слабо участвует во внешней торговле. Осуществляемых инвестиций явно недостаточно для ускорения социально-экономического развития. Только сельскохозяйственное производство является массовым видом деятельности.

Северо-Кавказский федеральный округ выделяется своим самым сложным политическим и географическим положением в России. Среди всех регионов страны он расположен на минимальном расстоянии от Ближнего Востока, который является главным очагом военно-политической напряженности в мире. В целом, в этом районе хорошо развито только сельское хозяйство. По всем остальным ключевым показателям экономического развития он занимает последнее место среди федеральных округов страны.

При более детальном анализе региональной статистики оказалось, что лидерами по вводу жилых домов в эксплуатацию стали Краснодарский край и Ростовская область. Оба региона являются в настоящее время привлека-

тельными для миграции. Темпы роста строительства и ипотечного кредитования в данных регионах неизменно растут. Население близлежащих «депрессивных» субъектов все чаще выбирают два этих региона как место для переезда (в том числе пригородная жизнь в частных домах). Причиной этому является наличие рабочих мест, благоприятные климатические условия и развитость инфраструктуры [10]. Но негативные последствия такой привлекательности уже ощутил на себе Краснодарский край, который с конца 2017 года причислен к городам с перенаселением. Это выражается в отсутствии достаточного количества школ, детских садов, недостаточной развитости транспортной инфраструктуры для такого количества населения [11].

Еще одним из важнейших макроэкономических показателей является уровень цен на жилую недвижимость, так как в случае возникновения трудностей с обслуживанием ипотеки заемщик сможет продать жилье для покрытия ипотечного долга [12]. Цены на недвижимость в Краснодарском крае уступают цене как первичного, так и вторичного рынка жилья Ростовской области. Самая низкая цена среди регионов Южного федерального округа на первичном рынке оказалась в Республике Калмыкия, а на вторичном рынке – в Республике Адыгея. Оба региона формируют наибольшую долю спроса на ипотечные займы по программе «Сельская ипотека». По состоянию на апрель 2021 года средства, выделенные на данную программу в ряде банков, были уже исчерпаны.

Также по причине растущего спроса на доступные инструменты ипотечного кредито-

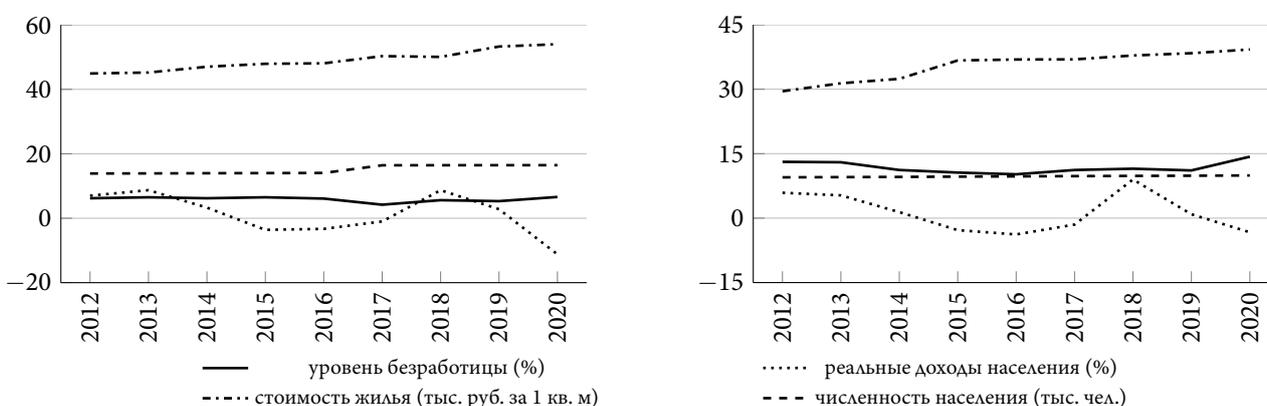

Рисунок 2 – Некоторые экономические показатели Южного и Северо-Кавказского федеральных округов
Figure 2 – Some economic indicators of the South and North Caucasus Federal Districts

ния недвижимости Краснодарский край и Ростовская область, входящие в Южный федеральный округ, стали пилотными регионами по апробации программы «ипотечных касс».

Суть данного вида поддержки развития малоэтажного строительства заключается в следующем. Заемщик открывает вклад в банке-партнере сроком от 4 до 6 лет с минимальной суммой ежемесячного пополнения от 3 до 10 тыс. рублей (за этот период предполагается возможность накопления необходимой суммы для внесения первоначального взноса). Одновременно на этот же вклад из регионального бюджета начисляется безвозмездная субсидия в размере 30 % от суммы поступающих денег, но не больше 3 тыс. рублей в месяц (минимальный размер субсидии составляет 1 тыс., а максимальный – 3 тыс. рублей). После окончания срока накопления средств клиент оформляет льготную ипотеку со сроком погашения долга от 6 до 9 лет с льготной процентной ставкой 6–7 % в год.

Полученную ипотеку можно потратить на покупку жилья на первичном и вторичном рынке недвижимости или на строительство собственного дома. Оформить «народную» ипотеку можно только в ПАО «Сбербанк», который выиграл конкурс на право стать партнером Правительства Краснодарского края и Ростовской области.

Участникам льготной ипотечной программы могут стать российские граждане с пропиской в Краснодарском крае или Ростовской области, стоящие в очереди в органах местной власти на улучшение жилищных условий или имеющие менее 10 кв. м на каждого члена семьи. Ключевые условия получения льготного ипотечного кредита включают в себя следующие параметры:

- величина процентной ставки – 6 % годовых для клиентов, открывших пополняемый вклад сроком на 5 или 6 лет, и 7 % в год для клиентов с вкладом на 4 года;

- максимальный срок возврата задолженности – не более 9 лет;

- величина заемных средств – до 1,5 млн рублей для заемщиков с депозитами на 5 и 6 лет и до 1 млн рублей по вкладам на 4 года.

Основным преимуществом данной программы является возможность научить лю-

дей грамотно распределять свои ресурсы и дать возможность подготовиться к ежемесячным платежам по ипотеке, по сути пока ее не взяв. В настоящее время, несмотря на повсеместное распространение программ повышения финансовой грамотности населения, вопросы стимулирования рационального потребительского поведения по-прежнему недостаточно развиты в нашей стране [13]. В этом нам видится главная причина, по которой следует преимущественно применять такой способ поддержки жилищного строительства, а не концентрироваться только на субсидировании ставок.

На сегодняшний день малоэтажное строительство более активно ведется во всех регионах страны, в том числе и по причине реализации государственных проектов. К концу 2021 года в России начинает действовать программа поддержки индивидуального жилищного строительства, разработанная Минстроем России, одним из ее аспектов является поддержка жилищно-коммунального хозяйства для повышения качества и доступности жилья для граждан Российской Федерации посредством развития этого сегментированного механизма предоставления жилищно-ипотечных кредитов [14]. Реализация других мер государственной поддержки, направленных на достижение цели паспорта Федерального жилищного проекта: увеличение объема ввода жилья в эксплуатацию до 40 млн кв. м к 2024 году. Это одна из целей, поставленных Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», которая предусматривает введение 120 млн кв. м ежегодно. В целом, расходы российского бюджета на реализацию государственного проекта к апрелю 2021 года достигли 16,8 % от плана, или 384,5 млрд рублей. Наибольшее исполнение бюджета было отмечено в национальном проекте «Жилье и городская среда» – 27,5 %. В то же время Министерство строительства предложило продлить действие государственной программы жилищного строительства, которая включена в проекты жилищного строительства и городской среды, до 2030 года.

Негативной стороной расширения предложений на рынке кредитных ресурсов стал рост стоимости недвижимости, который вызывает опасения даже у мегарегулятора финансового рынка, предлагающий остановить действие программы льготного кредитования в ряде регионов с самым высоким ростом стоимости новостроек (Москва и область, Санкт-Петербург, Ленинградская область и Краснодарский край). Однако в большей степени эта статистика относится к рынку городской недвижимости – первичному и вторичному рынку многоэтажного строительства. В то же время рынок загородной недвижимости ощутил на себе потребность во ведении мер государственного субсидирования ипотечного кредитования. В 2020 году именно на эту недвижимость больше всего в процентном выражении вырос спрос: больше половины семей, проживающих в квартирах, хотят поменять их на частные дома (23,2 млн семей или 59 %). Стоимость частного жилья за год выросла на 10 %, поэтому не все, мечтающие о собственном доме, могут на сегодняшний день себе его позволить. Из 5 млн семей, планирующих в ближайшие три года улучшить свои жилищные условия, 3,6 млн не имеют финансовой возможности сразу купить или простроить частный дом за счет собственных средств.

Развитие отрасли индивидуального жилищного строительства имеет важное значение для экономики России. Этот тренд обусловлен сочетанием рациональных и эмоциональных причин. Во-первых, заселение пригородных поселков стимулирует строительство и расширение инфраструктуры (строительство дорог, магазинов, детских садов и школ). Это способствует увеличению рабочих мест и открывает ниши для малого бизнеса (частные детские сады, няни, магазины у дома, пекарня, мастерская обуви и пр.). Во-вторых, плотность населения многих городов России увеличивается с каждым годом, что создает проблемы самим жителям в виде пробок, перегрузок общественного транспорта, переполненности школ, больниц и т. д. Более равномерное расселение граждан по территории страны способствует снижению экологической нагрузки на города, улучшению физического здоровья населения [15]. В-третьих, расширяет количе-

ство рабочих мест за счет вовлечения людей и производителей в экономическую деятельность [16].

По нашему мнению, оба из анализируемых федеральных округов обладают полным перечнем всевозможных ресурсов, чтобы стать локомотивом инноваций в системе ипотечного кредитования малоэтажного строительства в России. Однако для более углубленного анализа остановимся на исследовании ЮФО, так как экспресс-анализ рынка недвижимости отразил большую потребность входящих в него регионов в расширении данного рынка. В целом потенциал регионов ЮФО определяется следующими факторами:

- количество застройщиков сферы малоэтажного строительства;
- площадь земель с категориями, пригодными для жилой застройки, в неотдаленных от крупных городов местностях;
- уровень финансовой грамотности населения;
- количество выданных ипотечных кредитов на душу населения и их условия;
- уровень общей долговой нагрузки населения;
- объём просроченной задолженности по ипотечным кредитам на душу населения;
- уровень занятости населения;
- среднедушевые денежные доходы населения.

Для того чтобы определить потенциал развития ипотечного кредитования частного жилья, необходимо рассмотреть указанные выше данные в разрезе региона с использованием экономико-математических методов. Наиболее подходящим способом сформировать такую оценку и представить весь результат графически является кластерный анализ [17].

Кластерный анализ предпочтителен в рамках исследования по следующим причинам:

1. На основе этого анализа возможно построить дендрограмму, которая представляет собой дерево или граф без циклов, построенный по матрице, отражающей меру близости исследуемых элементов. Это позволяет наглядно изобразить взаимные связи между объектами из заданного множества;
2. Позволяет проверить гипотезу исследования о перспективности развития рынка ма-

лоэтажного строительства в России, в том числе Южном федеральном округе;

3. Позволяет рассматривать достаточно большой объём информации и сильно сжимать большие массивы социально-экономической информации, делать их компактными и наглядными.

Для создания такой дендрограммы необходимо определить метод построения и меру кластеризации. Методы кластер-анализа имеют эвристический характер. В связи с этим важнейшим шагом исследования является выбор наиболее подходящей метрики. В рамках нашего исследования для переменных, относящихся к интервальной шкале (метрические переменные) было выбрано евклидово расстояние. Обычное евклидово расстояние определяется по формуле:

$$d_E(X_i X_j) = \sqrt{\sum_{k=1}^p (x_i^{(k)} - x_j^{(k)})^2}. \quad (1)$$

Эта метрика применяется, если компоненты вектора наблюдений X независимы, однородны и подчиняются нормальному закону распределения, а также имеют одинаковый вес для решения вопроса об отнесении объекта к тому или иному классу.

Базой для проведения кластерного анализа стали следующие относительные показатели, отражающие особенности развития рынка малоэтажного строительства на Юге России:

– P_1 – количество застройщиков сферы малоэтажного строительства. Введение показателя непосредственно формирует новизну исследования в части включения данного фактора, влияющего на современное состояние и перспективы развития рынка малоэтажного строительства на Юге России (шт.);

– P_2 – площадь земель с категориями, пригодными для жилой застройки, в неотдаленных от крупных городов местностях. К неотдаленным приняты участки с удаленностью до 30 км от крупного населенного пункта (более 100 тыс. жителей) с категорией земель индивидуального жилищного строительства (ИЖС) или для личного-подсобного хозяйства (ЛПХ) (кв. м);

– P_3 – уровень финансовой грамотности населения. Показатель введен по причине значительной взаимосвязи между умением экономически активного населения пользоваться

финансовыми услугами и перспективностью развития программ ипотечного кредитования малоэтажного строительства (%);

– P_4 – количество выданных ипотечных кредитов на душу населения и их условия. Данный показатель разбит на две категории: первая – по количеству кредитов и вторая – на три подкатегории в зависимости от процентной ставки, установленной в кредитном договоре (шт.);

– P_5 – уровень общей долговой нагрузки населения. С точки зрения перспективности развития ипотечного кредитования загородной недвижимости долговая нагрузка населения является показателем, отражающим, с одной стороны «незанятый» объем рынка, а с другой – предпочтительность использования такого инструмента как ипотечное кредитование (%);

– P_6 – объём просроченной задолженности по ипотечным кредитам на душу населения. Важный показатель с точки зрения возможности и умений обслуживать свой долг по ипотечному кредиту (%);

– P_7 – уровень занятости населения. Данный показатель важен именно с точки зрения развития рынка кредитования, который имеет прямую корреляцию с возможностями заработка населения и его объемам, о чем говорит следующий показатель (%);

– P_8 – среднедушевые денежные доходы населения (тыс. руб.).

С целью отражения особенностей формирования кластеров в таблице 1 отражены средние значения показателей по кластерам.

Потенциала развития ипотечного кредитования индивидуального жилищного строительства Южного федерального округа выглядит следующим образом:

– 1 уровень: Республика Адыгея и Республика Калмыкия;

– 2 уровень: Астраханская область, Волгоградская область и Республика Крым;

– 3 уровень: Краснодарский край и Ростовская область.

По результатам анализа становится ясно, что субъекты с наибольшими значениями по всем показателям, за исключением суммы просроченной задолженности, относятся к уровню 1. Эти особенности объясняются тем, что

данный уровень активно развивается и состоит из густонаселенных районов, то есть потенциал этих районов явно выше, чем у других кластеров, идущих в порядке убывания возможностей для развития ипотечного кредитования индивидуального жилищного строительства. Как и ожидалось, самые низкие показатели у Республики Адыгея и Республики Калмыкия. В то же время региональная кластеризация позволяет определить уровень потенциала региона для развития ипотечного кредитования частного жилья и сравнить его с основными экономическими показателями и оценить потребность во внедрении кредитных инструментов поддержки отрасли.

На современном этапе рыночной экономики при планировании развития территорий субъекта Российской Федерации становится весьма важным решение проблемы развития малоэтажного жилищного строительства [18].

Следует отметить, что в настоящее время в нормативных правовых актах отсутствует четкое определение малоэтажного жилищного строительства. Так, например, в соответствии с п. 5.1.1 СП 30-102-99 «Планировка и застройка территорий малоэтажного жилищного строительства» малоэтажное жилье понимается как здание с количеством этажей не более трех, а в приложении к этому документу говорится о четырех этажах включительно. Также в экономической литературе отсутствует единый подход к определению понятия «малоэтажное жилищное строительство». Предлагается интерпретировать малоэтажное строительство как загородную недвижимость (дуплексы, квадрохаусы (мезонеты), коттеджи, лэйнхаусы), предназначенные для создания одного или нескольких жилых объектов максимум с четырьмя этажами, на отдельном земельном участке с инженерной, транспортной и социальной инфраструктурой.

В целом, неразвитость и недостаточное проникновение ипотечного кредитования на рынок индивидуального жилищного строительства (около 15 тыс. кредитов в год или 1 % общего объема выдачи ипотеки по ставкам на 1–6 п.п. выше ставок по кредитам под залог жилья в многоквартирных домах) ввиду:

– нестандартизированности рынка, что затрудняет оценку предмета залога;

– недостаточной ликвидности домов и земельных участков как предметов залога по сравнению с квартирами, в том числе из-за отсутствия типовых индивидуальных жилых домов;

– высокие риски несоблюдения технологий строительства, нарушения сроков строительства, в том числе из-за малого количества комплексных проектов индивидуального жилищного строительства, реализуемых промышленным способом по типовым проектам;

– отсутствие экономических стимулов у коммерческих банков расширять свой портфель за счет индивидуального жилищного строительства [19].

Согласно майскому указу Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», для не менее 5 млн семей ежегодно должны улучшаться жилищные условия [20]. В результате, 24 декабря 2018 г. был представлен национальный проект «Жильё и городская среда», состоящий из четырёх федеральных проектов. Целью одного из них, а именно проекта «Жильё», является увеличение к 2024 г. объемов жилищного строительства до 120 млн кв. м жилья в год. Федеральный проект «Жильё» предусматривает финансовое обеспечение реализации в размере 271,2 млрд руб. с 2019 по 2024 гг. Однако в данной программе, по нашему мнению, недостаточное внимание уделяется развитию рынка малоэтажного строительства. При этом у строительства частных домов существуют следующие основные преимущества, которые позволяют конкурировать с многоэтажными:

1. Доступность цен. Низкая стоимость малоэтажного строительства объясняется отсутствием необходимости использования тяжелой строительной техники и подъемных механизмов. Низкая стоимость эксплуатации связана с отсутствием лифтов и дорогостоящего оборудования, а также использованием энергоэффективных материалов.

2. Короткое время строительства. Время строительства малоэтажного здания в несколько раз превышает время строительства многоэтажного здания.

3. Сохранение и поддержание экологически чистых зон [21].

4. Низкая плотность населения.

5. Возможность строительства домов по индивидуальным проектам с использованием современных технологий, материалов и архитектуры [22]. В то же время малоэтажные дома не уступают городским квартирам по уровню комфорта и даже превосходят за счет возможности использования прилегающего земельного участка.

6. Данный тип зданий устойчив к сложным типам грунта и прочим внешним воздействиям, поэтому возможно строительство в районах со слабыми грунтами, сложным рельефом, сейсмически опасных районах [23].

Вышеперечисленные преимущества малоэтажного строительства определяют перспективность его развития на строительном рынке, о чем свидетельствует официальная статистика. Одним из видов малоэтажного строительства является индивидуальное жилищное строительство, и доля от общего объема ввода жилья в среднем чуть превышает 40 %. Так, по состоянию на 1 октября 2021 г. ввод жилья на территории Российской Федерации составил 62,7 млн кв. м, из них многоквартирных домов – 27,7 млн кв. м, что на 22,1 % выше показателя аналогичного периода 2020 г., а строений индивидуального жилищного строительства – 35,0 млн кв. м, что на 39,4 % выше показателя аналогичного периода 2020 года.

Несмотря на развитие строительной отрасли в целом и особенно малоэтажного строительства, существуют факторы, препятствующие этому. Основными ограничивающими факторами являются высокий уровень налогов, недостаточный спрос, банкротство клиентов, нехватка финансирования, высокие затраты и высокие ставки по кредитам. С одной стороны, на сегодняшний день ставки по ипотечным программам малоэтажного строительства в анализируемых федеральных округах находятся на уровне 12–15 %, что более чем в два раза превышает средние ставки по ипотечному кредитованию квартир. При этом, говоря о преимуществах расширения ипотечного портфеля банков в сторону строительства частных домов, следует обратить внимание на главный показатель успеха такого инструмента поддержки экономики – возвратность этих кредитов. В условиях снижения темпов эконо-

мического роста и реальных доходов населения, повышения безработицы и расходов домохозяйств на импортные товары актуализируется вопрос кредитного качества заемщиков. С одной стороны, пристальное внимание регулятора к качеству ипотечного портфеля всегда позволяло утверждать, что любые кризисы банкам не страшны. Однако на практике оказалось, что в погоне за рекордными объемами выдачи ипотечных кредитов требования к заемщикам в 2020 году резко снизились. Это выражается в отсутствии необходимости подтверждения какого-либо дохода, наличия имущества, места работы; снижении уровня первоначального взноса при покупке недвижимости в многоквартирном доме. К заемщикам же малоэтажного строительства требования остались на прежнем уровне, и рост объемов таких кредитов сдерживается в основном по причине высоких ставок, а не отсутствия спроса на такой кредитный продукт [24].

С другой стороны, основными недостатками и проблемными точками малоэтажного строительства является отсутствие государственных ассигнований и отчислений, а также финансирования со стороны банков, отсутствие развитой социальной инфраструктуры вследствие отсутствия централизованного зонирования территорий, доступа к сетям ресурсоснабжения; отсутствие транспортного сообщения и большие расстояния до городов, увеличивающие затраты денежные и временные, низкая рентабельность; отсутствие единых норм контроля над строительством, в том числе и из-за несовершенства нормативной базы [25].

Вместе с тем, даже с учетом рассмотренных проблем малоэтажного строительства возведение малоэтажных домов по современным технологиям способствует эффективному решению жилищной проблемы. В случае привлечения к строительству малоэтажных объектов частных инвесторов и осуществления государственной поддержки возможно существенное повышение эффективности их строительства. Со стороны государственных и муниципальных органов необходимо, прежде всего, создание инженерной и социальной инфраструктуры. В заключение, следует отметить, что малоэтажное строительство в России является пер-

спективным направлением в сфере жилищного строительства.

В связи с постоянными изменениями требований к качеству и функциональности жилья, необходимо учитывать постоянно изменяющиеся потребности и внедрение новых технологий при осуществлении комплексной малоэтажной застройки. В то же время, даже с учетом рассмотренных проблем данного рынка, строительство малоэтажных зданий с использованием современных технологий способствует эффективному решению жилищных проблем. При привлечении частных инвесторов к строительству малоэтажных объектов и реализации государственной поддержки можно значительно повысить эффективность строительства. Со стороны государства и местных властей, в первую очередь, необходимо создать необходимую инженерную и социальную инфраструктуру.

Обозначенные особенности современного этапа развития рынка индивидуального жилищного строительства сформировались в условиях введения карантинных мер, а также экономической и геополитической нестабильности, что привело к трансформации рынка в следующих значимых направлениях:

- переориентация около 30 % покупателей недвижимости на рынок малоэтажного строительства;
- осознанность при выборе площади дома – больше половины (55 %) покупателей предпочли общую площадь дома в пределах от 100 до 180 кв. м;
- предпочтение энергоэффективным технологиям строительства и инженерных систем загородных домов;
- рост популярности Краснодарского края и Ростовской области при миграции внутри страны;
- рост неудовлетворенного спроса на кредитные ресурсы для покупки частного дома;
- потребность в единых стандартах строительства малоэтажного строительства.

Выявленные направления трансформации, возможно, имеют распространение и в других федеральных округах, однако, не в полном объеме, так как в силу своего специфического географического месторасположения и экономического потенциала именно Юг Рос-

сии характеризуется данной совокупностью, характеризуемой как трансформация рынка. Её масштабность определяется совокупным и взаимосвязанным влиянием всех перечисленных направлений. Однако, в первую очередь, трансформация произошла по причине появления интереса граждан к покупке загородной недвижимости и далее будет только набирать популярность в условиях реализации мер поддержки данной отрасли. Анализ данного рынка должен быть продолжен в новых условиях функционирования российской экономики, так как начатая трансформация рынка носит важное значение для повышения качества жизни населения и с точки зрения перспективных направлений экономики России.

Таким образом, регионы Юга России имеют высокий потенциал развития ипотечного кредитования индивидуального жилищного строительства. Такие особенности, как мягкий климат, диверсификация населенных пунктов, экономический потенциал городов и значительный миграционный поток делают данные территории наиболее предпочтительными для разработки и апробации программ развития индивидуального жилищного строительства.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что масштабность трансформации рынка во многом зависит от уровня государственной поддержки отрасли. В настоящее время она нуждается в мерах по стабилизации цен, установлении стандартов застройки и финансовой поддержке граждан в части снижения ставок ипотечного кредитования. Наиболее перспективным направлением государственной поддержки устойчивого развития региональной экономики является расширение программы «народной ипотеки», предусматривающей этап накопления первоначального капитала в кредитном учреждении с последующим субсидированием ставки по ипотечному кредитованию.

Также следует отметить, что малоэтажное строительство в России является перспективным направлением в сфере жилищного строительства, а формирование цивилизованного рынка индивидуального жилищного строительства является одним из ключевых критериев устойчивого развития Южного федерального округа и в целом Юга России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дадаев З.А. К вопросу об ипотечном кредитовании в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 683–686.
2. Бабич С.Г. Усиление региональной дифференциации в сфере ипотечного жилищного кредитования в РФ // Экономические науки. 2020. № 186. С. 35–41.
3. Берлизев Б.М., Берлизева М.С. Анализ рынка жилищно-ипотечного кредитования в России // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности : Материалы II Международной научной конференции (Костанай, 28 сентября 2020 г.) / редкол.: О. В. Мишулина [и др.]. Чебоксары : ИД «Среда», 2020. С. 54–59.
4. Cooper A.P., Fedorov I.A., Mokronos V.I. (2016). Instruments of support by bank of Russia of mortgage housing lending, *Almanac of modern science and education*, no. 4 (106), pp. 24–26.
5. Цыренов Д.Д., Жапова Д.О., Цыденов М.Б. Рынок жилой недвижимости в дальневосточном федеральном округе: тенденции и перспективы // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-zhiloy-nedvizhimosti-v-dalnevostochnom-federalnom-okruge-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 15.10.2021).
6. Саврадым В.М., Шулекина Е.Н. Перспективы развития малоэтажного строительства как приоритетного направления отрасли жилищного строительства // Инновации и инвестиции. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-maloetazhnogo-stroitelstva-kak-prioritetnogo-napravleniya-otrasli-zhilishchnogo-stroitelstva> (дата обращения: 15.10.2021).
7. Синякова Е.В. Факторы формирования спроса на ипотечные продукты банка на рынке кредитования физических лиц // Финансы и кредит. 2020. Т. 26. № 1 (793). С. 125–141.
8. Лосев Ю.Г., Лосев К.Ю. Малоэтажное жилищное строительство как основа инновационного развития строительной отрасли // Вестник евразийской науки. 2021. Т. 13. № 2. С. 7.
9. Манько О.В., Оганов К.К. Государственно-частное партнерство в сфере малоэтажного жилищного строительства // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 31. С. 669–673.
10. Буянов О.В. Современные подходы к разработке концепции развития малоэтажного строительства в системе предпринимательства // Известия Международной академии аграрного образования. 2020. № 52. С. 75–78.
11. Kauškalea L., Geipeleb I. (2017). Integrated approach of real estate market analysis in sustainable development context for decision making, *Procedia Engineering*, no. 172, pp. 505–512.
12. Балабанов И.Т. Экономика недвижимости : Учебное пособие. СПб. : Питер, 2000. 206 с.
13. Слепов В.А., Бондарева С.А. Персональные финансы : Учебник / Под ред. проф. В.А. Слепова. М. : ООО «Издательство МАГИСТР», 2019. 240 с.
14. Абрамова Н.В. Влияние ипотечного кредитования на доступность жилья в регионах // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 156–164.
15. Аминева А.Ю., Королева Д.В. Жилищное право : Учебное пособие / Башкирский государственный университет. 2-е изд. перераб. и доп. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019, 410 с.
16. Клочкова Е.Н., Толстякова М.А. Рынок жилой недвижимости: тенденции и перспективы // Статистика и экономика. 2019. № 3. С. 24–33.
17. Золотарева Т.В. Эконометрический анализ ипотечного жилищного кредитования в Сибирском федеральном округе // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 1. С. 432–438.
18. Рой О.М. Основы градостроительства и территориального планирования: пособие для специалистов. М. : Юрайт, 2018. 232 с.
19. Baron M., Verner E., Xiong W. (2021). Banking crises without panics, *Quarterly Journal of Economics*, no. 136 (1), pp. 51–113.
20. Шулекин А.Н., Шулекина Е.Н. Жилищное строительство в Новосибирской области: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Сибирская финансовая школа. 2018. № 6 (131). С. 41–49.
21. Jacobs D.E., Ahonen E., Dixon S.L., Dorevitch S., Breysse J., et al. (2015). Moving into green healthy housing, *J. Public Health Manag. Pract.*, no. 21, pp. 45–54.
22. Джальчинова Т.Б., Манджиева А.О., Бондарева О.В., Сангаджиев С.Б. Применение современных технологий и строительных материалов при малоэтажном строительстве // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. С. 280–282.
23. Короткова М.А. Специфика малоэтажного строительства // Сметно-договорная работа в строительстве. 2020. № 6. С. 61–65.

24. Потомова С.А. Роль мониторинга стоимости заложенной недвижимости в процессе секьюритизации ипотечных активов // Финансы и кредит. 2020. № 1. С. 35–49.

25. Демирова В.А., Суханова П.А. Ипотечное кредитование как инструмент социально-

экономического развития России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ipotechnoe-kreditovanie-kak-instrument-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 15.10.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Брехова Юлия Викторовна – кандидат экономических наук, доцент; Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (400066, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8); brechova7@mail.ru.

Севостьянова Софья Александровна – кандидат экономических наук; Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (400066, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8); sevostyanova.sa@ya.ru.

TRANSFORMATION OF THE LOW-RISE CONSTRUCTION MARKET UNDER THE IMPOSED QUARANTINE MEASURES, EXEMPLIFIED BY THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Yu.V. Brekhova^{3a}, S.A. Sevostyanova^{4a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The article analyzes changes in the low-rise construction market in connection with the imposed quarantine measures to prevent COVID-19 new coronavirus infection. The economy transformation in the process of adapting to the new operating conditions, among other things, affected citizens' preferences in choosing a place of residence as well as their financial behavior in terms of rational resources use. The explosive growth of mortgage lending in the primary urban real estate market through the national program to subsidize rates reflected the citizens' accumulated demand for homeownership. However, the growing demand for the low-rise construction segment is not yet adequately met at the expense of credit resources.

The research goal is to analyze current changes in the low-rise construction market of the Southern Federal District under the imposed quarantine measures and its development prospects. The main objectives of the work are set in the field of identifying the reasons of the growing demand for the countryside real estate and revealing the development specifics of the mortgage lending market for individual housing construction in the Southern Federal District.

The research is based on the cluster analysis method, through which the potential of the regions for this market segment development is assessed. Based on the results obtained, directions are identified for the further development of relevant programs of low-rise construction funding, combining state subsidizing of interest rates and stimulating the population to improve financial literacy. The main research conclusion is the identified actively developing trend in the countryside real estate market development, going with considerable lag in the special loan programs.

KEYWORDS: mortgage lending, low-rise construction, investment, real estate, people's mortgage, housing, national project.

³RSCI AuthorID: 664343, ORCID: 0000-0002-2832-1290

⁴RSCI AuthorID: 820490, ORCID: 0000-0001-7768-2888

FOR CITATION: Brekhova Yu.V., Sevostyanova S.A. (2022). Transformation of the low-rise construction market under the imposed quarantine measures, exemplified by the Southern Federal District., *Management Issues*, no. 2, pp. 5–18.

REFERENCES

1. Dadaev Z.A. (2020). On the issue of mortgage lending in the context of Covid-19, *Economics and Entrepreneurship*, no. 5 (118), pp. 683–686.
2. Babich S.G. (2020). Strengthening of regional differentiation in the field of mortgage housing lending in the Russian Federation, *Economic Sciences*, no. 186, pp. 35–41.
3. Berlizev B.M., Berlizeva M.S. (2020). Analysis of the housing and mortgage lending market in Russia. In: Mishulina O.V. (ed.) Proceedings of the II International Scientific Conference “Actual problems of management, economics and economic security” (Kostanay, 28 September, 2020). Cheboksary: Publishing House “Sreda”, pp. 54–59.
4. Cooper A.P., Fedorov I.A., Mokronos V.I. (2016). Instruments of support by bank of Russia of mortgage housing lending, *Almanac of modern science and education*, no. 4 (106), pp. 24–26.
5. Tsyrenov D.D., Zhapova D.O., Tsydenov M.B. (2021). Residential real estate market in the Far Eastern Federal District: trends and prospects, *Bulletin of BSU. Economics and management*, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-zhiloy-nedvizhimiosti-v-dalnevostochnom-federalnom-okrugentendentsii-i-perspektivy> (accessed: 15.10.2021).
6. Savradym V.M., Shulekina E.N. (2021). Prospects for the development of low-rise construction as a priority direction of the housing construction industry, *Innovation and Investments*, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-maloetazhnogo-stroitelstva-kak-prioritetnogo-napravleniya-otrasli-zhilishchnogo-stroitelstva> (accessed 15.10.2021).
7. Sinyakova E.V. (2020). Factors for the formation of demand for mortgage products of the bank in the lending market of individuals, *Finance and credit*, vol. 26, no. 1 (793), pp. 125–141.
8. Losev Yu.G., Losev K.Yu. (2021). Low-rise housing construction as the basis for the innovative development of the construction industry, *Bulletin of Eurasian science*, vol. 13, no. 2. P. 7.
9. Manko O.V., Oganov K.K. (2021). Public-private partnership in the field of low-rise housing, *Innovation. The science. Education*, no. 31, pp. 669–673.
10. Buyanov O.V. (2020). Modern approaches to the development of a concept for the development of low-rise construction in the entrepreneurship system, *Izvestia of the International Academy of Agrarian Education*, no. 52, pp. 75–78.
11. Kauškalea L., Geipeleb I. (2017). Integrated approach of real estate market analysis in sustainable development context for decision making, *Procedia Engineering*, no. 172, pp. 505–512.
12. Balabanov I.T. (2000). Real estate economy: Textbook. Saint Petersburg: Piter. 206 p.
13. Slepov V.A., Bondareva S.A. (2019). Personal finances: Textbook. Moscow: MAGISTR Publishing House. 240 p.
14. Abramova N.V. (2017). The impact of mortgage lending on housing accessibility in the regions, *Bulletin of the University of Omsk. Series: Economics*, no. 3, pp. 156–164.
15. Aminyva A.Yu., Koroleva D.V. (2019). Housing Law: Textbook. Bashkir State University. 2nd ed., rev. and add. Ufa: BSU RPC. 410 p.
16. Klochkova E.N., Tolstyakova M.A. (2019). Residential real estate market: trends and prospects, *Statistics and economics*, no. 3, pp. 24–33.
17. Zolotareva T.V. (2020). Economical analysis of mortgage housing lending in the Siberian Federal District, *Actual issues of modern economy*, no. 1, pp. 432–438.
18. Roy O.M. (2018). Fundamentals of urban planning and territorial planning: Manual for specialists. Moscow: Yurayt. 232 p.
19. Baron M., Verner E., Xiong W. (2021). Banking crises without panics, *Quarterly Journal of Economics*, no. 136 (1), pp. 51–113.
20. Shulekin A.N., Shulekina E.N. (2018). Housing construction in the Novosibirsk region: current state, problems and development prospects, *Siberian financial school*, no. 6 (131), pp. 41–49.
21. Jacobs D.E., Ahonen E., Dixon S.L., Dorevitch S., Breyse J., et al. (2015). Moving into green healthy housing, *J. Public Health Manag. Pract.*, no. 21, pp. 45–54.
22. Dzhalchinova T.B., Mandzhiyeva A.O., Bondareva O.V., Sangagiyev S.B. (2021). The use of modern technologies and building materials for low-rise construction, *Innovation and Investments*, no. 3, pp. 280–282.

23. Korotkova M.A. (2020). The specifics of low-rise construction, *Estimated and contract work in construction*, no. 6, pp. 61–65.

24. Potomova S.A. (2020). The role of monitoring the value of the mortgaged real estate in the process of securitization of mortgage assets, *Finance and Credit*, no. 1, pp. 35–49.

25. Demirova V.A., Sukhanova P.A. (2020). Mortgage lending as a tool of socio-economic development of Russia, *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ipotechnoe-kreditovanie-kak-instrument-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii> (accessed 15.10.2021).

AUTHORS' INFORMATION:

Yuliya V. Brekhova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (8, Gagarin St., Volgograd, 400066, Russia); brekhova7@mail.ru.

Sofya A. Sevostyanova – Ph.D. of Economic Sciences; Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (8, Gagarin St., Volgograd, 400066, Russia); sevostyanova.sa@ya.ru.

ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПУТИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА СТОРОН

Т.В. Вербицкая^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования обусловлена тем, что интенсификация диалога России с государствами Центральной Азии (включая Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан) в двустороннем и многостороннем формате, как в области политики, экономики, так и в гуманитарной сфере, является геополитическим приоритетом России на постсоветском пространстве. Установлено, что несмотря на осознание значимости обеспечения защиты интеллектуальной собственности как средства сохранения и накопления духовного богатства стран в рамках гуманитарного сотрудничества России и государств Центральной Азии, а также большого количества связей научных, образовательных учреждений и проектов сторон, потенциал сотрудничества сторон в данной области, как в двустороннем, так и многостороннем формате, не является достаточно раскрытым.

Цель: определить инструменты, позволяющие совершенствовать механизм защиты интеллектуальной собственности на основе соглашений России и государств Центральной Азии.

Методы: количественный, качественный анализ, структурно-функциональный анализ, *case-study*, компаративистика. Применение метода структурно-функционального анализа позволило установить корреляцию между положениями двусторонних соглашений России и государств Центральной Азии. *Case-study* применен для определения путей развития сотрудничества сторон в сфере защиты интеллектуальной собственности. Сравнительное исследование двусторонних соглашений и положений стратегических документов России и государств Центральной Азии в сфере защиты интеллектуальной собственности необходимо для выявления степени налаженности диалога сторон в исследуемой сфере.

Результаты. Установлено, что дискуссионным является вопрос об эффективности использования многостороннего формата гуманитарного сотрудничества сторон в области защиты интеллектуальной собственности, при котором Россия будет выступать одной из сторон, а все государства Центральной Азии – в качестве другой стороны. Тем не менее, уровень развития диалога сторон в гуманитарной и иных сферах, основанный на глубоких исторических корнях, позволяет прийти к выводу о целесообразности внедрения подобного формата гуманитарного сотрудничества, однако, после того как будут заключены двусторонние соглашения России и государств Центральной Азии в области защиты интеллектуальной собственности, учитывающие специфику каждого из центрально-азиатских государств и специфику их двусторонних отношений с Россией в гуманитарной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное сотрудничество, региональная идентичность, культурные связи акторов, постсоветское пространство, инструменты правового регулирования, правовой механизм, межгосударственный диалог, Центральная Азия, взаимодействие сторон в гуманитарной сфере, двусторонние договоры, совершенствование правовых норм, форматы сотрудничества, развитие потенциала, удовлетворение духовных потребностей, национальные интересы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вербицкая Т.В. Формы политического сотрудничества России и государств Центральной Азии в области защиты интеллектуальной собственности: пути развития диалога сторон // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 19–33.

¹AuthorID РИНЦ: 819721, ORCID: 0000-0002-0405-2735, ResearcherID: E-2083-2019

Введение

Центральная Азия – интеграционное объединение на постсоветском пространстве (включающее Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), один из геополитических интересов России в регионе. С одной стороны, Россия стремится к лидирующему положению в Совещании по сотрудничеству и укреплению мер доверия в Азии (в котором участвуют центральноазиатские государства постсоветского пространства, а также страны Юго-Восточной Азии, Ближний Восток и Северная Африка). Данный форум имеет стратегическое значение, так как позволяет держать руку на пульсе политических и экономических процессов поступательного развития паназиатского сотрудничества. Не менее важно для России не допустить ослабления своих позиций на постсоветском пространстве в условиях конкуренции со стороны таких важных акторов мировой арены, как Китай и США, определяющих Центральную Азию как один из столпов своего влияния в регионе и успешно реализующих программы совместного сотрудничества на постсоветском пространстве.

С другой стороны, Центральная Азия является важным элементом инициативы Президента России В. В. Путина по созданию многоуровневой модели интеграции в Евразии с целью обеспечения устойчивого развития всего континента². В этом геополитическом контексте ключевой интерес России заключается в поддержании жизнеспособности центральноазиатских государств, что также означает содействие их развитию, многоплановое сотрудничество, причем не только политическое и экономическое, но и совместные проекты в сфере образования, науки и искусства [10, с. 52]. Поэтому с 2019 г. успешно работает механизм консультаций на уровне министров иностранных дел «Центральная Азия плюс Россия». Контакты на высоком уровне между главами России и государств Центральной Азии продолжают происходить на регулярной

основе³. Нормативно-правовая база России со странами Центральной Азии включает более 900 двусторонних договоров и межправительственных соглашений; 70 % из них касаются сферы экономики. В силу убежденности центральноазиатских государств в единой идентичности невозможно продвижение интересов России в Центральной Азии без активизации диалога сторон как в многостороннем и двустороннем форматах, так и в различных сферах, в т. ч. гуманитарной, что позволяет развивать диалог между государствами, создавая положительный образ сторон друг у друга.

Гуманитарное сотрудничество, определяемое как одно из направлений межгосударственного диалога, ведущегося в таких сферах, как наука, искусство, культура, туризм, защита интеллектуальной собственности [6, с. 575], направлено на укрепление уже сложившихся отношений государств в других областях (прежде всего экономической) [9, с. 79]. Для стран одного региона, отношения которых развиваются давно, укрепление диалога в гуманитарной сфере является одним из приоритетов [16, с. 9]. Таким образом, отношения между государствами на постсоветском пространстве имеют глубокие исторические корни, и поэтому в условиях глобализации важно развитие интеграционных процессов, характерных для подобных территориальных объединений государств. Одним из таких интеграционных процессов является взаимодействие России с государствами Центральной Азии (включая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан).

Следует подчеркнуть, что развитие диалога между Россией и государствами Центральной Азии в гуманитарной сфере, в том числе в области защиты интеллектуальной собственности, важно, так как эти акторы активно развивают взаимодействие в других сферах (например, в экономике, по вопросам безопасности) и имеют хорошо налаженные связи, которые развивались даже после распада СССР. Создание международного механизма защи-

²Interview of Russia Minister of Foreign Affairs S. V. Lavrov to the magazine «International Affairs», published on March 15, 2017. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2680435 (accessed 03.02.2020).

³Шестаков Е. Деньги решают не все. Чем и как Россия помогает Центральной Азии. URL: <https://rg.ru/2020/02/19/chem-i-kak-rossiia-pomogaet-centralnoj-azii.html> (дата обращения: 15.02.2020).

ты интеллектуальной собственности как комплекса мер, направленных на предупреждение, пресечение неправомерного доступа, использования результатов творческого труда участников сотрудничества, иных неправомерных действий в отношении объектов интеллектуальной собственности, авторского права, правообладателей и привлечение виновных в правонарушениях к ответственности, является основой развития диалога сторон в различных сферах, прежде всего в сфере экономики, но также в сфере образования, науки и искусства. Актеры, уверенные в том, что их права на результаты творческого труда не будут нарушены, выразят готовность участвовать в различных экономических, научных и образовательных проектах, предполагающих обмен идеями, использование информационных технологий, что будет способствовать развитию цифровой экономики, человеческого капитала и межгосударственной системы противодействия правонарушениям в интеллектуальной сфере. Иными словами, активизация взаимодействия сторон в области совершенствования механизма защиты интеллектуальной собственности станет основой для развития диалога между Россией и государствами Центральной Азии и по другим направлениям межгосударственного гуманитарного сотрудничества в таких сферах, как наука, образование и искусство.

Кроме того, уже подготовлена достаточная политико-правовая база для выстраивания отношений сторон в сфере охраны интеллектуальной собственности на основе двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве между Россией и государствами Центральной Азии, которые, однако, не включали положения о создании механизма защиты интеллектуальной собственности в рамках диалога сто-

рон в гуманитарной сфере⁴. Изучение положений двусторонних соглашений между Россией и странами Центральной Азии позволяет установить, что гуманитарное сотрудничество на двустороннем уровне осуществляется в сфере образования (в том числе в области изучения русского языка в странах Центральной Азии), науки, образования, культуры, туризма, искусства, спорта [7, с. 26; 27, с. 12; 30, с. 230]. Тем не менее, несмотря на разнообразие форматов и инструментов гуманитарного сотрудничества, не все двусторонние договоренности между Россией и государствами Центральной Азии имеют детальный механизм реализации каждого из направлений в развитии диалога сторон. Поскольку функционирование механизма защиты интеллектуальной собственности является основой для укрепления сотрудничества сторон в сфере искусства, науки и культуры путем предотвращения неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности, обеспечение его функционирования является инструментом, направленным на развитие сотрудничества между сторонами в гуманитарной сфере [24, с. 45]. В каждой из сфер межгосударственного взаимодействия (образование, искусство, наука и культура) важно наличие инструментов защиты интеллектуальной собственности, позволяющих предотвратить или пресечь неправомерное использование результатов творческого труда в процесс реализации научных, творческих и образовательных проектов учреждениями науки, образования и культуры, искусства в рамках двустороннего сотрудничества России с государствами Центральной Азии. Однако двусторонних соглашений о сотрудничестве в области защиты интеллектуальной собственности России и стран Центральной Азии, которые включали бы в себя до-

⁴Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between Russian Federation and Republic of Tajikistan dated June 15, 1993. No. 5442-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902068> (accessed 02.02.2022); Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between Russian Federation and Republic of Kyrgyzstan (Moscow, June 10, 1992) dated October 9, 1992. No. 3607-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901728231> (accessed 01.12.2022); Treaty on the foundations of interstate relations, friendship and cooperation between Russian Federation and Republic of Uzbekistan // Bulletin of international treaties. 1994. No. 9; Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between Russian Federation and Republic of Kazakhstan dated July 16, 1992. No. 3319-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764295> (accessed 14.01.2021); Treaty between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on good neighborliness and alliance in the XXI century. dated November 11, 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1560> (accessed 15.01.2022); Treaty of Friendship and Cooperation between the Russian Federation and Turkmenistan // Ratified by the Federal Law of the Russian Federation of November 9, 2002 No. 135-FZ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901834834> (accessed 13.01.2021).

говоренности, достигнутые в процессе развития политического диалога сторон в этой сфере, заключено не было. Взаимодействие сторон в данном вопросе происходит на основании актов СНГ⁵. Кроме того, существуют отдельные соглашения между Россией и государствами Центральной Азии по охране промышленной собственности; интеллектуальной собственности в процессе военно-технического сотрудничества сторон, а также двусторонние соглашения, заключенные между Ассоциацией российских авторов и Государственными агентствами интеллектуальной собственности государств Центральной Азии об управлении имущественными правами авторов⁶. В целях активизации сотрудничества России и Центральной Азии как интеграционного объединения на постсоветском пространстве в гуманитарной сфере важно заключение многостороннего соглашения об охране интеллектуальной собственности, которое бы кодифицировало положения вышеприведенных двусторонних соглашений, посвященных отдельным вопросам защиты интеллектуальной собственности.

⁵Agreement on Cooperation in the Field of Law Enforcement and Protection of Intellectual Property and the Establishment of the Interstate Council on Law Enforcement and Protection of Intellectual Property (Moscow, August 14, 2011) // Bulletin of International Treaties. 2012. No. 4. P. 17–29.

⁶Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the mutual protection of rights to the results of intellectual activity used and obtained in the course of bilateral military-technical cooperation (Moscow, November 28, 2007) // Bulletin of international treaties. 2009. No. 2. P. 19–21; Agreement between the Russian Authors' Society and the State Agency for Intellectual Property under the Government of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzpatent) in the field of managing authors' property rights on a collective basis and providing mutual legal assistance (Moscow, June 03, 1997). URL: <http://test.patent.kg/index.php/ru/66-laws/international-agreements/agreement-avtor/691-soglashenie-mezhdu-rossijskim-avtorskim-obshchestvom-i-gosudarstvennym-agentstvom-intellektualnoj-sobstvennosti-pri-pravitelstve-kyrgyzskoj-respubliki-kyrgyzpatent-v-sfere-upravleniya-imushchestvennymi-pravami-avtorov-na-kollektivnoj-osnove-i-okazaniya-vz.html> (дата обращения: 18.01.2022); Agreement between the Government of Russian Federation and the Government of Kyrgyz Republic on cooperation in the field of industrial property protection (Bishkek, October 13, 1995). URL: <https://rupto.ru/ru/documents/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-rossiyskoy-federacii-i-pravitelstvom-kirgizskoy-respubliki> (accessed 12.01.2022); Agreement between the Government of Kyrgyz Republic and the Government of Russian Federation on the mutual protection of rights to the results of intellectual activity used and obtained in the course of bilateral military-technical cooperation (Moscow, September 05, 2005). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17613> (date of access: 21.01.2020); Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Kazakhstan on the mutual protection of rights to the results of intellectual activity used and obtained in the course of bilateral military-technical cooperation (Moscow, January 18, 2005) // Bulletin of international treaties. 2007. No. 5. P. 13–19; Agreement between the Government of Russian Federation and the Government of Kazakhstan on cooperation in the field of industrial property protection (Moscow, March 28, 1994). URL: <https://rupto.ru/ru/documents/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-rossiyskoy-federacii-i-pravitelstvom-respubliki-kazahstan> (accessed 11.01.2022); Agreement between the Government of Russian Federation and Government of Tajikistan on the mutual protection of rights to the results of intellectual activity used and obtained in the course of bilateral military-technical cooperation // Bulletin of international treaties. 2009. No. 12. P. 11–14; Agreement between the Government of Russian Federation and the Government of Uzbekistan on cooperation in the field of industrial property protection (Tashkent, July 27, 1995). URL: <https://rupto.ru/ru/documents/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-rossiyskoy-federacii-i-pravitelstvom-respubliki-uzbekistan> (accessed 03.02.2022).

Методология исследования

Наметить пути развития диалога с Центральной Азией как объединением государств, возникновение и развитие которых имеет глубокие исторические корни, невозможно без изучения геополитических реалий Центральной Азии. Необходимо познакомиться со спецификой Центральной Азии при определении путей углубления многостороннего и двустороннего сотрудничества этого объединения государств в гуманитарной сфере, развития межцивилизационного диалога культур и формирования положительного имиджа сторон друг у друга. Особенности регионализма в Центральной Азии, своеобразие этого интеграционного объединения, которые необходимо учитывать, чтобы сотрудничество в гуманитарной сфере с конкретным актором было эффективным, позволяют изучить работы как российских ученых [10, с. 12; 13, с. 36; 14, с. 71] и зарубежных [25, с. 12; 22, с. 480; 31, с. 550; 34, с. 35, 35, с. 76], в том числе ученых из стран Средней Азии [12, с. 117; 17, с. 129].

Также исследователи уделяют внимание изучению специфики двусторонних отноше-

ний России с государствами Центральной Азии в гуманитарной сфере, обстоятельств, препятствующих сторонам наращивать темпы диалога, путей эффективного использования потенциала сотрудничества сторон в это область межгосударственного взаимодействия [1, с. 17; 2, с. 23; 8, с. 45; 20, с. 37; 19, с. 89].

Анализ специфики сотрудничества государств в сфере формирования механизма защиты интеллектуальной собственности в многостороннем формате представляется актуальной темой научных исследований, о чем свидетельствуют работы О. М. Виноградовой [5, с. 300], О. В. Буторина и М. А. Домбровской [4, с. 57], Ю. А. Бобыловой [3, с. 17], Е. А. Салицкой [18], Крюгера [26, с. 298]. Несмотря на наличие работ, раскрывающих специфику регионализма в Центральной Азии, особенности взаимоотношений государств, входящих в это интеграционное объединение как потенциального участника как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества в области создания межгосударственного механизма защиты интеллектуальной собственности, отсутствует всестороннее исследование, направленное на изучение особенностей гуманитарного сотрудничества России с государствами Центральной Азии в сфере защиты интеллектуальной собственности как в двустороннем, так и в многостороннем форматах.

Исследование проводится с применением таких методов, как количественный и качественный анализ. Опираясь на статистические данные, аналитические отчеты [10, с. 52; 35, с. 68], содержащая информацию о совместных научно-исследовательских, образовательных и творческих проектах между Россией и странами Центральной Азии, можно сделать вывод о наличии большого количества контактов между сторонами в гуманитарной сфере, нуждающихся в гарантиях – инструментах защиты от несанкционированного доступа и использования объектов интеллектуальной собственности, что необходимо для накопления интеллектуального богатства, полученного в ходе реализации проектов.

Сравнительный анализ действующих двусторонних договоров между Россией и государствами Центральной Азии как о дружбе и сотрудничестве, так и об охране прав

на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и получаемые в рамках двустороннего военно-технического сотрудничества, а также акты СНГ об охране интеллектуальной собственности позволяют создать достаточные основы для создания межгосударственного механизма защиты интеллектуальной собственности, однако потенциал взаимодействия сторон в этой сфере реализован не в полной мере. Анализ документов стратегического планирования как России, так и государств Центральной Азии, совместных деклараций сторон позволил определить межгосударственный диалог в сфере охраны интеллектуальной собственности, как в двустороннем, так и в многостороннем формате, как перспективный и наличие во многом нереализованный потенциал гуманитарного сотрудничества сторон, несмотря на большое количество их контактов по этому поводу. Констатируется, что для укрепления диалога сторон в данной сфере необходимо заключение двусторонних соглашений о защите интеллектуальной собственности, которые бы учитывали специфику каждого государства Центральной Азии и специфику двусторонних отношений России с ними.

Использование структурно-функционального метода в концепции Н. Лумана необходимо для оценки роли гуманитарного сотрудничества России с государствами Центральной Азии для создания межгосударственного механизма защиты интеллектуальной собственности в условиях происходящих на постсоветском и паназиатском пространстве политических изменений в виде развития Центральной Азии как интеграционного объединения, а также усиления значимости диалога сторон на конкретном направлении сотрудничества в условиях конкуренции за позиции в регионе с другими влиятельными акторами [29, стр. 360]. На основании изучения содержания аналитических отчетов, статистических данных, положений стратегических документов установлено, что в структуре отношений сторон политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество определено как важное, но не приоритетное. Однако большое количество образовательных и научных проектов сторон, геополитическое значе-

ние центральноазиатского территориального объединения государств для России в контексте обеспечения формирования многоуровневой модели интеграции в Евразии, предполагающей многоаспектность диалогов государств, определяет важность создания межгосударственного механизма защиты интеллектуальной собственности как средства сохранения и аккумуляции результатов творчества, полученных участниками в ходе реализации совместных проектов. Метод *case-study* позволил учесть значимость событий и процессов, возникающих на политической арене (в виде формирования нового образа азиатского пространства, инициирования евразийских интеграционных процессов, конкуренции за лидерство влиятельных на мировой арене акторов на постсоветском пространстве) в контексте формирования регионализма в Центральной Азии; выстраивание диалога между Россией и каждой из стран Центральной Азии в сфере защиты интеллектуальной собственности как элемент гуманитарного сотрудничества сторон.

Сотрудничество в сфере защиты интеллектуальной собственности является одним из ключевых элементов диалога сторон в гуманитарной сфере, заключается в установлении в рамках межгосударственных отношений механизма противодействия злоупотреблениям и нарушениям в области результатов творческого труда. Этот механизм позволит развивать «креативную экономику» [21, с. 761; 23, с. 1078], сосредоточенную на развитии человеческого капитала в рамках двустороннего сотрудничества России и государств Центральной Азии. В целях обеспечения эффективности механизма защиты интеллектуальной собственности сотрудничество России с государствами Центральной Азии возможно в многостороннем формате [32, с. 178]. При этом с одной стороны будет действовать Россия, а с другой – все центральноазиатские государства в пределах постсоветского пространства.

Результаты

Изучение материалов с сайтов государственных органов, в компетенцию которых входит принятие решений по приоритетным направлениям сотрудничества с другими странами (сайт Президента России, Минобрнауки России, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства культуры России, интервью с ключевыми представителями правительства и статистические данные) позволяют сделать вывод, что всемерное продвижение диалога цивилизаций является важным средством укрепления взаимного доверия, формирования нового облика Азии. Среди таких мероприятий – развитие диалога в гуманитарной сфере, в том числе по защите интеллектуальной собственности.

Уже 7 сентября 2002 г. Президент России подчеркнул важность паназиатского сотрудничества по многим направлениям – от двустороннего взаимодействия государств до совместных масштабных региональных проектов⁷. На II Саммите государств-участников Совещания по сотрудничеству и мерам доверия в Азии 17 июня 2006 г. глава Российского государства обратил внимание участников саммита на то, что потенциал такого формата взаимодействия сторон еще недостаточно изучен и что существуют широкие перспективы развития диалога в сфере экономического сотрудничества, экологической, гуманитарной и других сферах межгосударственного взаимодействия⁸. 15 июня 2019 г. Президент России подчеркнул, что Азия является локомотивом глобального роста, так как в регионе сосредоточены промышленные и технологические центры, мощные финансовые, человеческие и интеллектуальные ресурсы, что дает региону уникальные конкурентные преимущества. Такие активы должны быть полностью использованы для общего блага, устойчивого и динамичного развития⁹. Поэтому для подготовки основы для налаживания диалога в форме паназиатского сотрудничества важно укреп-

⁷Speech by the President of Russian Federation Vladimir Putin at the plenary session of the meeting of heads of state and government of the participating countries of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21709> (accessed 11.02.2022).

⁸Opening remarks at the Second Summit of Member States of the Conference on Interaction and Confidence-Building in Asia (CICA) 17.06.2006. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23650> (accessed 10.02.2022).

⁹Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia 15.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60756> (accessed 09.02.2022).

лять отношения с различными географическими и политическими объединениями азиатских стран (в том числе центральноазиатскими государствами постсоветского пространства, странами Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки). Одним из таких этапов является всестороннее налаживание диалога между Россией и государствами Центральной Азии в сфере безопасности, борьбы с преступностью, в том числе защиты интеллектуальной собственности.

При этом важным является развитие сотрудничества не только в многостороннем, но и в двустороннем формате.

Так, в ходе XVI Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана 7 ноября 2019 г. глава Российского государства подчеркнул, что Россия и Казахстан эффективно развивают диалог в гуманитарной сфере, в том числе в сфере образования и обучения. Также на заседании Подкомиссии по культурно-гуманитарному сотрудничеству Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Россией и Казахстаном стороны указали, что их двусторонний культурно-гуманитарный диалог поддерживается на высоком уровне, и предложен ряд новых совместных проектов¹⁰, что предполагает также совершенствование механизма защиты от правонарушений в указанной сфере, и инструментов защиты интеллектуальной собственности.

В рамках подготовки и подписания Декларации об укреплении стратегического партнерства между Россией и Кыргызстаном 20 июня 2017 г. было отмечено, что одним из важных направлений укрепления диалога сторон в гуманитарной сфере является разработ-

ка механизма защиты интеллектуальной собственности¹¹.

Сотрудничество России и Таджикистана, в том числе в гуманитарной сфере, было определено сторонами, как диверсифицированное, динамично развивающееся¹². Совместные проекты, в том числе связанные с изучением Памира, космоса с использованием высокогорных компонентов¹³, предполагают гарантии в виде принятия мер по защите от неправомерного использования указанных научных разработок.

Важность развития диалога между Россией и Узбекистаном в гуманитарной сфере, как в целом, так и по отдельным направлениям, была подчеркнута главами государств в ходе российско-узбекских переговоров 10 декабря 2014 г. Было отмечено, что в Узбекистане успешно действует филиал МГК, Центр российской науки и культуры¹⁴. Стороны подчеркивают «чрезвычайную заинтересованность» в дальнейшем наращивании сотрудничества и поиске новых форм взаимодействия в гуманитарной сфере, углублении прямых «горизонтальных связей» между учреждениями и деятелями образования, науки и культуры России и Узбекистана¹⁵, что предполагает и функционирование механизма защиты интеллектуальной собственности.

Важность развития и укрепления диалога между Россией и Туркменистаном, в том числе в гуманитарной сфере, была подчеркнута в ходе российско-туркменских переговоров 22 октября 2010 г. Президент Туркменистана подчеркнул важность активизации диалога научных мероприятий, укрепления традиции сотрудничества между научными вуза-

¹⁰Issues of Russian-Kazakh cooperation in the field of culture were discussed in Nur-Sultan 16.10.2019. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/pervoe_zasedanie_podkomissii_po_kulturno_gumanitarnomu_sotrudnichestvu_/?phrase_id=2687719 (accessed 15.01.2022).

¹¹State dinner on behalf of the President of Russia Vladimir Putin in honor of the President of Kyrgyzstan Almazbek Atambayev and Raisa Atambayeva 20.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/54829#sel=5:2:yVW,5:14:ITf> (accessed 22.01.2022).

¹²Ambassador of the Russian Federation to the Republic of Tajikistan I.S. Lyakin-Frolov to the Asia-Plus news agency 25.12.2018. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/tj/-/asset_publisher/VfByAd5UOwu3/content/id/3464949 (accessed 22.01.2022).

¹³Meeting with President of Tajikistan Emomali Rahmon 01.08.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/18983> (accessed 09.02.2022).

¹⁴Beginning of Russian-Uzbek talks in expanded format 10.12.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/47215> (accessed 22.01.2022).

¹⁵Alla Manilova: "Our friendship with Uzbekistan has deep roots" 30.08.2019. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/u_nashey_druzhyby_glubokie_korni/?phrase_id=2687725 (accessed 17.01.2022).

ми двух стран, академиями наук и организации симпозиумов, конференций¹⁶. В поздравлении Президента Туркменистана Г. Бердымухамедова с 20-летием установления дипломатических отношений между Россией и Туркменистаном и 10-летием подписания Договора о дружбе и сотрудничестве от 6 апреля 2012 г. подчеркивается, что потенциал взаимодействия сторон в гуманитарной сфере в значительной степени не раскрыт и важно дальнейшее развитие межгосударственного диалога¹⁷. Также на заседании туркмено-российской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству 05.08.2019 было отмечено, что сотрудничество сторон в гуманитарной сфере продолжает теснее развиваться, о чем свидетельствует ряд совместных проектов¹⁸. При этом накопление духовно-культурных богатств, являющихся интеллектуальной собственностью участников гуманитарного сотрудничества, невозможно без принятия мер по формированию механизма защиты от нарушений.

Статистические данные также позволяют сделать вывод о том, что сотрудничество России с государствами Центральной Азии в гуманитарной сфере, особенно в области образования и науки, продолжает развиваться, и в целях усиления этой тенденции реализуется все большее количество научно-образовательных проектов. Именно поэтому важно обеспечить образовательные, научные и культурные учреждения средствами защиты результатов их совместного творчества. Российская сторона ежегодно выделяет около 100 млн долларов США на реализацию совместных образовательных и научных проектов и их защиту¹⁹. Тем не менее, изучение аналитических отчетов таких научных центров, как РСМД и Институт Центральной Азии и Кавказа и Програм-

ма исследований Шелкового пути (Вашингтон), позволяет сделать вывод, что Центральная Азия на постсоветском пространстве не является однородным регионом, не только в плане социально-экономического развития и политического, но и в желании сотрудничать. И если Казахстан и Кыргызстан максимально открыты для международного сотрудничества со всеми великими державами, в том числе с Россией и Китаем, то Узбекистан и особенно Туркменистан отдают предпочтение двустороннему сотрудничеству как формату взаимодействия сторон; Таджикистан занимает промежуточную позицию, не предпочитая ни один из форматов. Также в обоих аналитических отчетах отмечается, что регион в силу специфики своего географического положения является объектом геополитических противоречий и конкуренции со стороны значимых акторов, а именно России, стран Европы, Китая, США [10, с. 5; 34, с. 54]. Поэтому для России важно развивать не только многоформатный, но и двусторонний диалог с государствами Центральной Азии, уделяя особое внимание динамике двустороннего диалога с каждым из государств Центральной Азии. Также обеспечение достоверности и безопасности заключаемых контрактов и партнерских проектов в сфере образования, науки и культуры в форме разработки механизма защиты интеллектуальной собственности будет способствовать заинтересованности государств Центральной Азии в поддержании и углублении партнерских отношений с Россией в гуманитарной сфере.

Следует подчеркнуть, что анализ положений российских стратегических документов, касающихся планирования внешней политики и выстраивания отношений на постсоветском пространстве, позволяет сделать вывод

¹⁶Beginning of Russian-Turkmen talks in expanded format 22.10.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/9318> (accessed 13.02.2022).

¹⁷Congratulations to Gurbanguly Berdimuhamedov on the 20th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Turkmenistan and the 10th anniversary of the signing of the Treaty of Friendship and Cooperation from 06.04.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14953> (accessed 23.01.2022).

¹⁸Russia and Turkmenistan strengthen cooperation in the field of culture 08.05.2019. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/rossiya_i_turkmenistan_ukreplyayut_sotrudnichestvo_v_sfere_kultury/?sphrase_id=2687723 (accessed 07.02.2020).

¹⁹Выступление статс-секретаря – заместителя Министра иностранных дел России Г. Б. Карасина на презентации Концепции российского председательства в СНГ, Ашхабад, 7 декабря 2016 г. URL: https://www.mid.ru/web/quest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2551477 (дата обращения: 14.01.2022).

о том, что гуманитарное сотрудничество со странами СНГ (в том числе в сфере защиты интеллектуальной собственности) является одним из региональных приоритетов России [28, с. 128]. Так, в соответствии с п. 53, 54 Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г.²⁰ Россия поддерживает высокий уровень развития взаимовыгодного сотрудничества, в том числе в рамках СНГ, где будет развиваться широкий спектр межгосударственного взаимодействия, в том числе гуманитарной сфере, однако детализации особенностей развития диалога с отдельными странами и объединениями таких стран на постсоветском пространстве в документе не представлено. Более подробные положения, касающиеся интересов России в рамках сотрудничества с другими странами (включая Центральную Азию), отражены в пп. 4) п. 25 Стратегии национальной безопасности России 2021 г.²¹, в котором подчеркивается важность развития безопасного информационного пространства, а также пп. 14) п. 57 данного документа подчеркивает необходимость укрепления сотрудничества Российской Федерации с зарубежными партнерами в сфере обеспечения информационной безопасности, в том числе функционирования международно-правового режима обеспечения безопасности при использовании информационно-коммуникационных технологий. Аналогичные положения содержатся в стратегических документах государств Центральной Азии о сотрудничестве с Россией в сфере защиты интеллектуальной собственности.

Так, в государственной программе «Цифровой Казахстан» отражено, что государство создаст все условия для стимулирования

транснациональных компаний локализовать разработку своих продуктов, а также тестирование прорывных технологий на территории Казахстана, для чего будет обеспечен надлежащий режим защиты продуктов интеллектуальной собственности любой компании мира, которые могут тестироваться в контролируемой среде²².

В Стратегии развития Республики Киргизии отмечено, что задача резкого улучшения качества человеческого капитала, основанная на способности создавать и осваивать новые технологии в рамках международного сотрудничества, не может быть решена без обеспечения надлежащего режима защиты интеллектуальной собственности²³.

В документе стратегического планирования Республики Таджикистан отражено, что индустриально-инновационный сценарий развития страны, основанный на усилении защиты прав собственности, включая интеллектуальную, будет благоприятствовать росту как внутренних частных, так и прямых иностранных инвестиций²⁴. Аналогичные положения о значимости усиления защиты прав собственности, включая интеллектуальную, для привлечения внешних инвестиций и внешнеэкономической деятельности отражено также и в Стратегии развития Узбекистана²⁵.

Несмотря на то, что в указанных документах стратегического планирования государств Центральной Азии не содержится прямых указаний на значимость сотрудничества с Россией в области обеспечения защиты интеллектуальной собственности, необходимость развития диалога сторон в указанной сфере вытекает из активного двустороннего взаимодей-

²⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. (утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.2016. № 49. Ст. 6886.

²¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.02.2022).

²² Государственная программа Республики Казахстан «Цифровой Казахстан», утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategy_es_and_programs (дата обращения: 12.01.2022).

²³ Стратегия развития Кыргызстана до 2031 г. (Национальная стратегия развития – 2031). URL: <http://static.aki.press.org/127/.storage/business/files/e2ee50c2348acff371a35e7c256a0c33.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

²⁴ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., принятая в 2016 г. URL: http://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

²⁵ Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 6. Ст. 70.

ствия России и государств Центральной Азии в указанной области [2, с. 68].

В результате одним из перспективных форматов такого межгосударственного взаимодействия станет выстраивание диалога между Россией и государствами Центральной Азии в сфере охраны интеллектуальной собственности [1, с. 126], однако сотрудничество с этим объединением государств не выделяется как одно из направлений выстраивания отношений между Россией и другими государствами постсоветского пространства [20, с. 133]. При этом государства Центральной Азии позиционируют себя как самостоятельный субъект международных отношений [8, с. 176]. С одной стороны, страны региона осознают «свою субъектность и особенность», а с другой – не осознают своей субъектности вне позиционирования себя на постсоветском пространстве [11, с. 99]. Поэтому государства Центральной Азии могут выступить одним из участников межгосударственного соглашения с Россией как доминирующим актором на постсоветском пространстве [11, с. 31; 33, с. 17], в том числе в сфере гуманитарного сотрудничества, в сфере защиты интеллектуальной собственности [19, с. 259].

Специфика отношений между странами Центральной Азии определяет, что для дальнейшего развития диалога с ними в сфере гуманитарного сотрудничества целесообразно выделить взаимодействие со странами Центральной Азии в сфере защиты интеллектуальной собственности как отдельное направление межгосударственных отношений. Внешнеполитическая деятельность России на постсоветском пространстве и ее отражение в документах стратегического планирования.

Выводы

Гуманитарное сотрудничество России с государствами Центральной Азии в сфере защиты интеллектуальной собственности важно для России, так как отвечает ее геополитическим интересам. Во-первых, такой диалог позволяет России укрепить свои позиции, позиционируя себя как государство, способное содействовать всестороннему укреплению интеграционных процессов с участием большого количества акторов на значимых международных площадках, в ведении которых вопро-

сы развития азиатского пространства в целом. (Конференция по взаимодействию и довериям в Азии) и особенно в Центральной Азии (Центральная Азия плюс Россия). Установлено, что для укрепления интеграционных процессов важны не только экономические и политические связи государств как основа взаимовыгодного партнерства, но и гуманитарное сотрудничество, направленное на обеспечение межцивилизационного диалога, создание позитивного имиджа сторон друг у друга, и в частности механизм защиты интеллектуальной собственности, позволяющий развивать сотрудничество в сфере образования, науки, искусства, предотвращающий неправомерный доступ к накопленному интеллектуальному богатству.

Во-вторых, идет конкуренция между мощными акторами на мировой арене, Россией, европейскими государствами, Китаем и США за влияние на постсоветском пространстве и на евразийском континенте в целом. Общие исторические корни и налаженные связи во многих областях позволяют России эффективно конкурировать за лидерство, но для сохранения своих позиций на постсоветском пространстве Россия должна подчеркивать преимущества сотрудничества с ней, для чего важно учитывать специфику стран, с которыми планируется диалог при выдвижении программ сотрудничества (а именно то, что государства Центральной Азии видят себя как интеграционное объединение). Межгосударственный режим защиты результатов творческого труда, полученных в рамках выполнения совместных научных, образовательных проектов, является таким конкурентным преимуществом.

Иными словами, гуманитарное сотрудничество России и государств Центральной Азии в сфере защиты интеллектуальной собственности является одним из региональных приоритетов России на постсоветском пространстве. Совместные научные и творческие проекты учреждений и деятелей науки и культуры предполагают, что стороны разработают систему защиты интеллектуального труда для накопления богатства. Однако на сегодняшний день потенциал взаимодействия сторон в направлении гуманитарного сотрудничества в

значительной степени не реализован и остается место для развития диалога между Россией и государствами Центральной Азии в этой сфере. Изучение совместных заявлений государств, актов стратегического планирования, интервью с лидерами государств, аналитических документов позволяет установить, что причина недостаточного раскрытия потенциала гуманитарного сотрудничества сторон в сфере защиты интеллектуальной собственности заключается в том, что необходимо адаптировать форматы сотрудничества к специфике каждого государства Центральной Азии. Так, Казахстан и Кыргызстан готовы как к двустороннему, так и к многостороннему сотрудничеству, в том числе в рамках развития системы образования, цифровой экономики и человеческого капитала через функционирование межгосударственного механизма защиты интеллектуальной собственности, но готовы сотрудничать не только с Россией, но и с другими акторами, что делает необходимым демонстрацию конкурентных преимуществ России как партнера для развития диалога с этими странами. Узбекистан и Туркменистан предпочитают двустороннее сотрудничество как форму взаимодействия с Россией; ввиду важности развития отношений с Россией Таджикистан будет готов к диалогу как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Поэтому представляется, что в первую очередь необходимо заключить двусторонние договоры между Россией и государствами Центральной Азии об охране интеллектуальной собственности, но не такого типа, как в случае договоров о дружбе и сотрудничестве, а так, чтобы были учтены уже существующие двусторонние соглашения сторон, научные проекты, образовательные, творческие достижения. Далее развитие диалога может происходить в многостороннем формате Центральная Азия плюс Россия.

Развитие отношений этих акторов в многостороннем формате Центральной Азии и России возможно по двум направлениям: во-первых, в стратегических документах о взаимодействии России с государствами постсоветского пространства (например, в рамках поло-

жений о защите интеллектуальной собственности) целесообразно учитывать специфику взаимодействия России и Центральной Азии на конкретной территории; во-вторых, возможно заключение соглашений об охране интеллектуальной собственности в формате, в котором Россия будет выступать в качестве одной из сторон, а все государства Центральной Азии – в качестве другой.

Также для развития сотрудничества России и государств Центральной Азии важно отразить меры, которые будут приняты сторонами для обеспечения функционирования эффективного механизма защиты интеллектуальной собственности в виде оказания помощи друг другу в выявлении и пресечении незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, создания базы объектов интеллектуальной собственности, в которую на основании решения специально созданной комиссии по интеллектуальной собственности сторон будут включаться результаты творческой деятельности граждан и учреждений России и государств Центральной Азии для недопущения неправомерного использования этих объектов на территории сторон. Углубление диалога России и государств Центральной Азии по защите интеллектуальной собственности будет также способствовать и развитию отношений акторов в иных сферах гуманитарного сотрудничества, таких как образование, наука, культура, искусство.

Таким образом, гуманитарное сотрудничество России и стран Центральной Азии в развитии межгосударственного механизма защиты интеллектуальной собственности создаст основу для построения многоуровневой модели интеграции в Евразии в целях обеспечения устойчивого развития всего континента в виде не только интенсификации образовательных, научных и творческих проектов, но и предотвращения незаконного доступа и использования накопленных богатств. Это создаст положительный имидж России как ключевого участника интеграционных объединений не только в Евразии, но и на паназиатском пространстве и международных форумах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдиканова Н.Н. Защита прав интеллектуальной собственности в условиях межгосударственной экономической интеграции (на примере России и Республики Казахстан) // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 125–129.
2. Алиев С.Б., Измайлова Е.Ю. Правовые основы регулирования интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 3 (28). С. 65–75.
3. Бобылов Ю.А. Преодоление научно-технического кризиса // Аккредитация в образовании. 2016. № 5 (89). С. 16–19.
4. Буторина О.В., Домбровский М.А. Новая концептуальная модель межстранового взаимодействия на этапе регионализации в рамках современного макроцикла // Инновации и инвестиции. 2018. № 4. С. 56–60.
5. Виноградова О.М. Проблемы охраны интеллектуальной собственности: глобальный уровень // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 3. С. 299–307.
6. Герасимова В.А. Инструменты и ресурсы «мягкой силы» России на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 6. С. 574–582.
7. Дорошков В.В. Современные проблемы защиты интеллектуальной собственности в условиях формирования рынка интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. 2019. № 2. С. 25–30.
8. Исмаилова Б.М. Язык и идентичность в постсоветских странах Центральной Азии // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2017. № 3 (91). С. 174–178.
9. Казаков О.И. О некоторых аспектах гуманитарного сотрудничества Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 77–100.
10. Казанцев А.А., Звягельская И.Д., Кузьмина Е.М., Лузянин С.Г. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. № 28/2016 / Гл. ред. И. С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2016. 52 с.
11. Кочкунов А.С. Некоторые вопросы изучения историко-культурного наследия Центральной Азии в контексте формирования общерегиональной идентичности // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2016. № 22. С. 97–105.
12. Комилова Х.Г. Государства Центральной Азии в системе региональных и международных отношений в условиях нового мирового порядка // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховадиноа Академии наук Республики Таджикистан. 2019. № 1. С. 116–120.
13. Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 32 (269). С. 35–49.
14. Никитина Ю.А. Российские исследования проблематики постсоветского пространства: приоритеты в выборе терминологии и структуры учебных курсов // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 70–78.
15. Омаров М.М. Интеграция стран Центральной Азии на основе региональной идентичности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 1. № 4 (42). С. 29–32.
16. Печищева Л.А. Сотрудничество в области культуры и образования между Германией и странами СААРК (на примере Бангладеш и Пакистана) как неотъемлемая часть гуманитарного партнерства в XXI в. // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 9–13.
17. Рашидов Б. Россия в Центральной Азии: переход к позитивной внешней политике // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 2 (38). С. 128–136.
18. Салицкая Е.А. Подходы к формированию системы трансфера технологий в России // Наука. Инновации. Образование. 2018. № 4 (30). С. 6–23.
19. Урманбетова Ж. Центральная Азия: региональная идентичность как ответ на вызов истории // Alato Academic Studies. 2015. № 4. С. 258–265.
20. Шугурова И.В. Направления гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в государствах – участниках СНГ // Современное право. 2014. № 10. С. 131–139.
21. Croix S.J.L., Konanq D.E. (2002). Intellectual property rights in China: the changing political

economy of chinese-american interests, *The World Economy*, vol. 25, no. 6, pp. 759–761.

22. Dani A.H. (1996). History of Civilizations of Central Asia. New Delhi: Motilal Banarsidass. 732 p.

23. Gleason G. (2001). Interstate Cooperation in Central Asia from the CIS to the Shanghai Forum, *Europe Asia Studies*, no. 53 (7), pp. 1077–1095.

24. Guimaraes M.A.S. (1996). Policy-making in multidimensional trade negotiations: testing a «modified liberal model». Erade-related aspects of intellectual property rights in the Uruguay round. Uruguay: University of Cincinnati. 189 p.

25. Von Humboldt A. (1843). *Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée*. Paris: Gide. 425 p.

26. Kreuger A.O. (1974). The Political Economy of the Rent-Seeking Society, *American Economic Review*, vol. 64, no. 3, pp. 291–301.

27. Lee B.H. (2002). Determinants of firm value in international technology alliances: attributes of parent firms, partnerships, and institutional environments. Bloomington: Indiana University. 243 p.

28. Libman A. (2017). Subnational Political Regimes and Formal Economic Regulation: Evi-

dence from Russian Regions, *Regional & Federal Studies*, no. 27, pp. 127–151.

29. Luhmann N. (2007). Introduction to systems theory. N. Y.: Polity. 459 p.

30. Mezei P. (2019). International Cooperation in the Field of Intellectual Property Protection. *Opera Iurisprudentiae*. Iurisperitus Kiadó. Szeged. 734 p.

31. Olcott M.B. (1994). The Myth of Tsentral'naiia Aziia, *Orbis*, vol. 38, no. 4, pp. 549–565.

32. Shugurova I.V., Shugurov M.V. (2015). The international legal policy in the field of technology transfer and the intellectual property rights: some controversial issues, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 5, pp. 177–185.

33. Sitdikova R.I., Sitdikov R.B., Shpagonov A.N. (2016). Participation of Russia in international agreements on author's right, *Academy of Marketing Studies Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 16–21.

34. Starr F.S., Cornell S.E. (2018). Long Game on the Silk Road. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 342 p.

35. Starr F.S., Cornell S.E. (2018). Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 68 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Вербицкая Татьяна Владимировна – кандидат политических наук; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); aquitania-17@yandex.com.

FORMS OF POLITICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION: WAYS OF DEVELOPING DIALOGUE OF THE PARTIES

T.V. Verbitskaya^{26a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The research relevance is justified by the fact that the intensification of Russia's dialogue with the Central Asian countries (including Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan) in a bilateral and multilateral format, both in the field of politics, economics, and in the humanitarian sphere, is Russia's geopolitical priority in the post-Soviet space. It is revealed that despite the recognized importance of ensuring the protection of intellectual property as the means of preserving and accumulating the national spiritual wealth in the framework of humanitarian cooperation between Russia and the countries of Central Asia, as well as a large number of connections between scientific, educational institutions and projects of

²⁶RSCI AuthorID: 819721, ORCID: 0000-0002-0405-2735, ResearcherID: E-2083-2019

the parties, the potential for cooperation between the parties in this field, both in bilateral and multilateral formats, is not sufficiently transparent.

Purpose: to identify tools to improve the mechanism for intellectual property protection based on agreements between Russia and Central Asian countries.

Methods: quantitative, qualitative analysis, structural-functional analysis, case-study, comparative studies. The application of structural-functional analysis method allowed for establishing a correlation between the provisions of bilateral agreements between Russia and the countries of Central Asia. Case-study was used for identifying ways to develop cooperation between the parties in the field of intellectual property protection. A comparative study of bilateral agreements and provisions of strategic documents of Russia and the Central Asian countries in the field of intellectual property protection is important to identify the degree of engagement into dialogue between the parties in the area under research.

Results. The issue of the efficient use of multilateral format of humanitarian cooperation of the parties in the field of intellectual property protection, where Russia will act as one of the parties, and all the Central Asian countries as the other party, has been found debatable. However, the development level of the dialogue between the parties in humanitarian and other fields, being deeply historically rooted, provides for the conclusion of the expedience of introducing such a format of humanitarian cooperation, however, only after bilateral agreements are signed between Russia and the Central Asian countries in the field of intellectual property protection property, considering the specifics of each of the Central Asian countries and the specifics of their bilateral relations with Russia in the humanitarian field.

KEYWORDS: international cooperation, regional identity, cultural ties of actors, post-Soviet space, legal regulation tools, legal mechanism, inter-governmental dialogue, Central Asia, interaction of the parties in the humanitarian field, bilateral agreements, legal norms improvement, ration formats, potential development, catering for spiritual needs, national interests.

FOR CITATION: Verbitskaya T.V. (2022). Forms of political cooperation between Russia and Central Asian countries in the field of intellectual property protection: ways of developing dialogue of the parties, *Management Issues*, no. 2, pp. 19–33.

REFERENCES

1. Abdikanova N.N. (2016). Protection of intellectual property rights in the context of interstate economic integration (on the example of Russia and the Republic of Kazakhstan), *Spaces in Russian legislation*, no. 8, pp. 125–129.
2. Aliev S.B., Izmaylova E.Yu. (2015). The legal basis for regulating intellectual property in the Eurasian Economic Union, *Eurasian Economic Integration*, no. 3 (28), pp. 65–75.
3. Bobylov Yu.A. (2016). Overcoming the scientific and technical crisis, *Accreditation in education*, no. 5 (89), pp. 16–19.
4. Butorina O.V., Dombrovsky M.A. (2018). A new conceptual model of cross-country interaction at the stage of regionalization within the framework of a modern macrocycle, *Innovation and Investments*, no. 4, pp. 56–60.
5. Vinogradova O.M. (2015). Intellectual property protection problems: global level, *Issues of the theory and practice of journalism*, vol. 4, no. 3, pp. 299–307.
6. Gerasimova V.A. (2018). Tools and resources of the “soft power” of Russia in the CIS space, *Post-Soviet studies*, vol. 1, no. 6, pp. 574–582.
7. Doroshkov V.V. (2019). Modern problems of intellectual property protection in the conditions of the formation of the intellectual property market, *The right of intellectual property*, no. 2, pp. 25–30.
8. Ismailova B.M. (2017). Language and identity in the post-Soviet countries of Central Asia, *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn*, no. 3 (91), pp. 174–178.
9. Kazakov O.I. (2018). About some aspects of the humanitarian cooperation of Japan with the countries of East Asia, *Yearbook of Japan*, no. 47, pp. 77–100.
10. Kazantsev A.A., Zvyagelskaya I.D., Kuzmina E.M., Luzyanin S.G. (2016). Prospects for cooperation between Russia and China in Central Asia, no. 28/2016. Russian Council for International Affairs. Moscow: NP RSMD. 52 p.
11. Kochkunov A.S. (2016). Some issues of studying the historical and cultural heritage of Central Asia in the context of the formation of general re-

gional identity, *Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic*, no. 22, pp. 97–105.

12. Komilova Kh.G. (2019). The states of Central Asia in the system of regional and international relations in the context of a new world order, *Izvestiya of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, no. 1, pp. 116–120.

13. Morozov Yu.V., Safronova E.I. The importance of humanitarian cooperation between Russia and China with Central Asian partners in the framework of the Shanghai Cooperation Organization, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 10, no. 32 (269), pp. 35–49.

14. Nikitina Yu.A. (2016). Russian studies of the problems of the post-Soviet space: priorities in choosing the terminology and structure of training courses, *Bulletin of the University MGIMO*, no. 5 (50), pp. 70–78.

15. Omarov M.M. (2012). Integration of Central Asia countries based on regional identity, *Bulletin of Cherepovets State University*, vol. 1, no. 4 (42), pp. 29–32.

16. Pechischeva L.A. (2013). Cooperation in the field of culture and education between Germany and the countries of the SAARC (on the example of Bangladesh and Pakistan) as an integral part of the humanitarian partnership in the XXI century, *Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 4, pp. 9–13.

17. Rashidov B. (2005). Russia in Central Asia: the transition to a positive foreign policy, *Central Asia and the Caucasus*, no. 2 (38), pp. 128–136.

18. Salitskaya E.A. (2018). Approaches to the formation of a technology transference system in Russia, *Science. Innovation. Education*, no. 4 (30), pp. 6–23.

19. Urmanbetova Zh. (2015). Central Asia: regional identity as a response to a challenge to history, *Alatoo Academic Studies*, no. 4, pp. 258–265.

20. Shugurova I.V. (2014). Directions of harmonization of legislation in the field of intellectual property in the CIS participants, *Modern Law*, no. 10, pp. 131–139.

21. Croix S.J.L., Konanq D.E. (2002). Intellectual property rights in China: the changing political economy of chinese-american interests, *The World Economy*, vol. 25, no. 6, pp. 759–761.

22. Dani A.H. (1996). History of Civilizations of Central Asia. New Delhi: Motilal Banarsidass. 732 p.

23. Gleason G. (2001). Interstate Cooperation in Central Asia from the CIS to the Shanghai Forum, *Europe Asia Studies*, no. 53 (7), pp. 1077–1095.

24. Guimaraes M.A.S. (1996). Policy-making in multidimensional trade negotiations: testing a «modified liberal model». Erade-related aspects of intellectual property rights in the Uruguay round. Uruguay: University of Cincinnati. 189 p.

25. Von Humboldt A. (1843). *Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée*. Paris: Gide. 425 p.

26. Kreuger A.O. (1974). The Political Economy of the Rent-Seeking Society, *American Economic Review*, vol. 64, no. 3, pp. 291–301.

27. Lee B.H. (2002). Determinants of firm value in international technology alliances: attributes of parent firms, partnerships, and institutional environments. Bloomington: Indiana University. 243 p.

28. Libman A. (2017). Subnational Political Regimes and Formal Economic Regulation: Evidence from Russian Regions, *Regional & Federal Studies*, no. 27, pp. 127–151.

29. Luhmann N. (2007). Introduction to systems theory. N. Y.: Polity. 459 p.

30. Mezei P. (2019). International Cooperation in the Field of Intellectual Property Protection. Opera Iurisprudentiae. Iurisperitus Kiadó. Szeged. 734 p.

31. Olcott M.B. (1994). The Myth of Tsentral'naia Aziia, *Orbis*, vol. 38, no. 4, pp. 549–565.

32. Shugurova I.V., Shugurov M.V. (2015). The international legal policy in the field of technology transfer and the intellectual property rights: some controversial issues, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 5, pp. 177–185.

33. Sitdikova R.I., Sitdikov R.B., Shpagonov A.N. (2016). Participation of Russia in international agreements on author's right, *Academy of Marketing Studies Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 16–21.

34. Starr F.S., Cornell S.E. (2018). Long Game on the Silk Road. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 342 p.

35. Starr F.S., Cornell S.E. (2018). Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 68 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Tatiana V. Verbitskaya – Ph.D. of Political Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); aquitania-17@yandex.com.

ЭКОСИСТЕМЫ И НОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: ФЕНОМЕН «ЯЙЦА И КУРИЦЫ»

С.В. Орехова^{1а}, Н.Ю. Ярошевич^{2а}

^аУральский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

Трансформация экономики находит отражение в эволюции форм организации бизнеса от иерархии к экосистемам. Эта трансформация одновременно связана с изменениями условий конкуренции: цена и качество продукции уходят на второй план, большую значимость приобретают дифференциация и кастомизация предложения, скорость внедрения инноваций. Наиболее успешными на рынках становятся бизнесы, способные предложить широкий перечень продуктов и услуг в одной системе. Таким образом, наблюдается двусторонний эффект: новая конкуренция заставляет фирмы встраиваться (или создавать) экосистемы, которые, в свою очередь, изменяют рынки.

Методологическая база исследования представлена процессным и экосистемным подходами в части анализа функционирования экосистем, а также неинституциональной экономической теорией, экономической социологией и теориями управления в части формирования положений новой конкуренции. В работе использованы методы семантического, библиометрического и сравнительного анализа, формализации и систематизации.

В результате исследования особенностей рыночного взаимодействия экосистем обосновано существование и представлена модель новой конкуренции. Она рассматривается как формирующий каркас развития экосистем, обусловленный изменением эндогенных факторов и увеличением скорости инноваций. Основными условиями конкурентоспособности бизнеса становятся встроенность в экосистему (в ряде случаев – создание собственных экосистем); способность использовать коллективные знания для генерации инноваций и формировать новые тренды; постоянный процесс саморазвития; сочетание материальной и цифровой элементов бизнес-модели и особая организационная культура. Модель новой конкуренции может стать основанием для дальнейших теоретических и прикладных исследований в области изучения эволюции экосистем, особенно в части сочетания материальных и цифровых технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экосистема, бизнес-модель, процессный подход, конкуренция, новая конкуренция, экономическое развитие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орехова С.В., Ярошевич Н.Ю. Экосистемы и новая конкуренция: феномен «яйца и курицы» // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 34–48.

Введение

Развитие интернета и цифровых технологий изменило принципы создания потребительской стоимости и идеологии предпринимательства в целом, а также трансформировало представление о конкуренции как «соревновании» по качеству, ассортименту или цене продукта. По данным компании *McKinsey*, к 2025 году около 30 % корпоративного дохо-

да в мире будут генерировать цифровые экосистемы³. Так, крупнейшая из них, Амазон, появилась на рынке менее 30 лет назад – в 1994 году, а сегодняшний объем выручки компании составляет около 470 млрд. долл., что в 19 раз больше бюджета США⁴. Компания прошла путь от небольшого букинистического интернет-магазина до второй в мире (после *Apple*), ее капитализация составляет около 1,6

¹ResearcherID: ABG-9345-2021

²AuthorID РИНЦ: 490015, ORCID: 0000-0003-2372-1196

³<https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6087e5899a7947ed35fdbbf3MacK>

⁴<https://www.investing.com/>

тран. долл., а численность персонала сопоставима с населением небольшой страны в 1,5 млн человек.

Развитие таких экосистем как *Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft* в США, *Baidu, Alibaba, Tencent* в Китае, а также Сбер, МТС, Яндекс и ВКонтакте в России существенно изменяют сложившиеся производственные цепочки стоимости, отраслевые структуры, принципы и механизмы ведения бизнеса. Трансформация среды развития экосистем формирует иные условия взаимодействия участников рынка – новую конкуренцию.

Целью настоящей работы является формирование теоретической модели новой конкуренции, объясняющей развитие феномена экосистем и актуальных механизмов взаимодействия участников рынка. В основу статьи положена идея о взаимодополняющем и взаимообуславливающем онтогенезе форм организации бизнеса и рынка.

Достижение поставленной цели реализуется через систематизацию и уточнение ряда исследовательских моментов. Требуется: 1) требуется выявить ключевые параметры развития экосистем, одновременно формирующие условия новой конкуренции; 2) сформировать теоретическую платформу новой конкуренции; 3) на базе сравнения принципов классической и новой конкуренции разработать модель новой конкуренции.

Логика изучения новой рыночной конкуренции реализуется в нескольких теоретических плоскостях: посредством анализа существующих понятий «экосистема» для выявления признаков новой конкуренции, систематизации особых черт обменов и трансакций в экосистемах (со стороны спроса и предложения) и определения конкурентных преимуществ бизнеса на разных уровнях иерархии экосистем.

Условия новой конкуренции: анализ параметров развития экосистем

Библиографический анализ понятия «экосистема» в менеджменте насчитывает более 10000 научных публикаций, число которых растет год от года (рис. 1), что говорит о системной трансформации рыночных процессов.

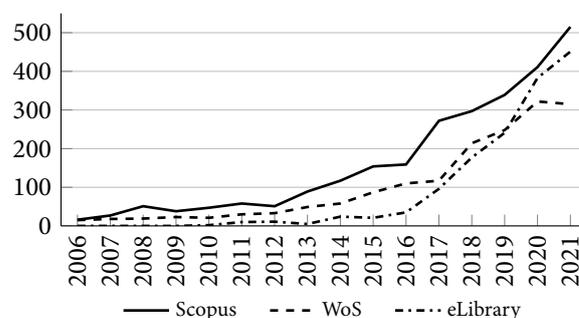

Рисунок 1 – Количество публикаций, посвященных исследованию экосистем в базах данных *eLibrary, Scopus, Web of Science*

Figure 1 – Statistics on the number of studies on ecosystem research in the *eLibrary, Scopus, Web of Science* databases

Концепция экосистем появилась с «легкой руки» А. Tansley в 1935 году. Под экосистемой он понимал локальное сообщество организмов, которые взаимодействуют друг с другом и окружающей средой. Чтобы процветать, эти организмы конкурируют и сотрудничают, совместно эволюционируют и адаптируются к внешним потрясениям [1]. Для экономических целей концепция экосистемы впервые была использована в работах J. D. Valdez 1988 года как «структура для рассмотрения формирования или запуска нового бизнеса, которая содержит два динамических элемента: предпринимателя и предпринимательскую среду» [2]. Идеология экосистем получила развитие в работе J.F. Moore в 1998 году, где он трактует экосистему как форму консолидации «капитала, интереса клиентов и талантов, порожденного новой инновацией точно также, как успешные виды возникают из природных ресурсов, солнечного света, воды и питательных веществ в почве» [3, с. 16].

Но наиболее широкое распространение экосистемный подход получил после значимой статьи R. Adner в 2006 году в *Harvard Business Review*. Он определил экосистему как «механизм сотрудничества, посредством которого фирмы объединяют свои индивидуальные предложения в единое, ориентированное на клиента решение» [4, с. 98]. В таблице 1 представлена эволюция определения понятия «экосистема» с этой публикации до сегодняшних дней. Авторы оставили за собой право отобрать определения, являющиеся базовыми для понимания условий развития экосистем⁵.

⁵Эти условия и формируют, по нашему мнению, каркас новой конкуренции.

Таблица 1 – Терминологическое разнообразие понятия «экосистема»

Table 1 – Evolution of ecosystem definition

Авторы, год	Определение понятия «экосистема»	Признаки новой конкуренции
1	2	3
Adner R. (2006) [4, с. 98]	Механизм сотрудничества, посредством которого фирмы объединяют свои индивидуальные предложения в единое, ориентированное на клиента	Сотрудничество, укрупнение фирм
Carayannis E.G., Campbell D.F. (2006) [5, с. 204]	Объединение «инновационных сетей и кластеров знаний (как кооперации человеческого, социального, интеллектуального и финансового капитала) и развивается во всех социальных, политических, экономических сферах»	Укрупнение фирм, объединение ресурсов, самообучающаяся форма организации
Adner R., Kapoor R. (2010) [6, с. 311]	Триада консолидированной производительности участников, единых цели и задач, единая база знаний и навыков	Повышение концентрации производства, объединение ресурсов, культур, ориентация на стратегическое развитие
Isenberg D.J. (2010) [7, с. 47]	Набор отдельных элементов, таких как лидерство, культура, рынки капитала и клиентов, которые сложным образом сочетаются друг с другом	Рост концентрации производства, эволюция бизнес-моделей
Jackson D.J. (2011) [8, с.3]	Соединение «двух экономик: экономики знаний, движимой фундаментальными исследованиями, и коммерческой экономикой, движущей силой которой является рынок»	Самообучаемая организация, ориентация на инновационное и стратегическое развитие
Russell M.G., Still K., Huhtamäki J., Rubens C., Yu N. (2011) [9, с. 6]	Сеть взаимоотношений, через которые информация, таланты и финансовые ресурсы проходят через системы, создавая устойчивое создание ценности	Объединение ресурсов, совещательная координация в основе формирования ценностной цепочки
Hwang V.W., Horowitz G. (2012) [10, с.56]	Сетевая бизнес-модель взаимодействия людей, формирующие необычайную и устойчивую креативность	Самообучаемые организации, ориентированные на стратегическое развитие
Autio E., Thomas L. (2014) [11, с. 209]	Сеть взаимосвязанных организаций, существующих вокруг центральной фирмы или технологической платформы, и сосредоточенных на разработке новых ценностей посредством инноваций	Сетевое инновационное взаимодействие
Gobble M. M. (2014) [12, с. 55]	Динамичные, целеустремленные сообщества со сложными взаимосвязанными отношениями, построенными на сотрудничестве, доверии и совместном создании ценности и специализирующиеся на использовании общего набора дополнительных технологий или компетенций	Наличие совещательной координации, ориентированной на стратегическое и инновационное развитие
Gawer A. (2014) [13, с. 1241]	Технологическая платформа как набор общих активов, стандартов и интерфейсов, лежащих в основе принимаемых решений	Активизация инновационной деятельности за счет кооперации
Still K, Huhtamäki J., Russell M.G., Neil R. (2014) [14, с. 246]	Бизнес-модель, которая характеризуется постоянной перестройкой синергетических отношений, способствующих гармоничному росту системы и гибкости реагирования на изменение внутренних и внешних сил	Эволюция бизнес-моделей в рамках развития совещательной координации
Scozzi B., Bellantuono N., Pontrandolfo P. (2017) [15, с. 859]	Сообщество заинтересованных сторон, которые связаны конкурентными и кооперативными отношениями, совместно создают ценность, принимая открытый подход	Наличие внутренней конкуренции и кооперации как принципов единой культуры в рамках совещательной координации
Jacobides M.G., Cennamo S., Gawer A. (2018) [16 с. 2258]	Сеть с уникальными, либо с взаимодополняемыми модулями продуктов и услуг, требующими создания определенной структуры отношений и согласования для создания добавленной ценности	Совещательная координация

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Crane D. (2019) [17, с. 21]	Многоакторная группа взаимодействующих агентов (т. е. к альтернативам «теории фирмы» вертикальной интеграции или механизмам цепочки поставок) и пакетам продуктов, предлагаемым клиентам (т. е. горизонтально или диагонально связанным товарам и услугам, которые «упакованы» вместе)	Сетевое сотрудничество
Harima J. (2020) [18, с. 43]	Динамические, институционально встроенные взаимодействия между предпринимательскими установками, способностями и устремлениями, управляющие распределением ресурсов от различных участников через создание и функционирование новых предприятий	Динамические институциональные взаимодействия, в рамках инновационного развития
Jacobides M.G. (2020) [19, с.3]	Платформы обеспечивают основу для сети взаимодействий, которые определяют экосистемы; если платформы связаны с технологиями, экосистемы связаны с межорганизационными отношениями	Сетевые взаимодействия
Baldwin C.Y., Clark K.B. (2020) [20 с. 6]	бизнес-среда, характеризующейся модульностью производства, коэволюцией и сложностью принятия решений, где инновации должны быть скоординированы в разных иерархиях, на разных рынках и в разных отраслях	Сетевое сотрудничество и совещательная координация, институциональное и структурное развитие бизнес-моделей

Результаты семантического анализа понятия «экосистема» (таблица 1) позволяют сделать следующие выводы.

1. Большинство работ рассматривают новую конкуренцию как динамический процесс развития бизнеса (в данном случае экосистем), обусловленный изменением эндогенных факторов и увеличением скорости инноваций.

2. Можно выделить основные параметры экосистем: направленность на инновации, формирование консолидированного знания – самообучающейся организации, высокую значимость единой организационной культуры, стратегический характер развития (ориентация на долгосрочный характер существования). Это позволяет авторам определить экосистему как предпринимательскую фирму (сеть)⁶.

3. Имеющиеся исследования (например, [7, 10, 11, 14, 16, 18, 20]) ставят акцент на постоянной эволюции экосистем. Это служит основанием о предположении существования особой конкурентной стратегии, определяющей технологический базис экосистемы как гибкой системы производственных, управленческих и иных бизнес-процессов.

Кроме того, контент-анализ публикаций [23, 24, 25, 26, 27, 28, 29] позволяет выявить, что

в экосистемах происходит трансформация параметров классического обмена. Со стороны спроса наблюдаются следующие изменения:

– ценовой фактор перестает играть определяющую роль потребительского выбора. В рамках экосистем (особенно в случае многосторонних платформ) существуют продукты (услуги) с «нулевой ценой». Например, доступ к облачным хранилищам или электронная почта для потребителя субсидируются за счет доходов от рекламы [30];

– объем спроса определяется количеством цифровых сервисов, представляемых экосистемой. Так, по мнению экспертов, «если пользователям не предложен удобный путь к нескольким взаимосвязанным сервисам, то по факту нет и экосистемы»⁷;

– спрос существует не как платежеспособная потребность со стороны потребителя, а как полная информация о нем, его предпочтениях и поведении. Именно доступ к информации о потребителе становится основным продуктом экосистемы. Соответственно, конечным продуктом становится не конкретный продукт (услуга), а информация (знание) о потребителе.

Со стороны предложения важными изменениями являются такие как:

⁶Определение предпринимательской фирмы формируется в рамках интеграции положений двух теорий – теории предпринимательства Й. Шумпетера [21] и теории фирмы Э. Пенроуз [22].

⁷<https://w/ww.vedomosti.ru/technology/articles/2021/02/23/858980-ekosistemi>

– инновационные (и в первую очередь, цифровые) технологии становятся определяющим параметром рыночного обмена. Так, согласно [31], экосистемы могут стать источниками значительных распределенных инноваций и творчества благодаря экономии за счет масштаба и специализации, что определяет существенный рост размера и уровня дохода бизнеса;

– предложение становится комплементарным, поскольку в экосистемах потребительская ценность формируется за счет комплекса продуктов (услуг), чаще всего вокруг технологического ядра [32] или цифровой платформы [33]. При этом, как отмечалось ранее, продукты экосистемы могут быть предложены потребителю на условиях «нулевой цены»;

– межотраслевой характер предложения. Например, около 60 % продаж *Amazon* в 2018 году сформировали так называемые независимые продавцы (англ. *third party sellers*), представители малого и среднего бизнеса с

достаточно узкой рыночной специализацией, что позволяет экосистеме быть гибкой. Для сравнения, в 1999 году их доля составляла 3 %, почти весь оборот *Amazon* делал сам⁸.

Специфические характеристики экосистем как форм организации бизнеса порождают своеобразные конкурентные механизмы взаимодействия между ними. Особенности конкуренции экосистем представлены в таблице 2, при этом следует учесть ее многоуровневый характер: внутренний – горизонтальный (на уровне предложения продуктов-заменителей) и вертикальный (определен местом и ролью в производственной цепи); внешний – на межотраслевом уровне разнородных экосистем.

Конкуренция экосистем носит сложный, разноуровневый характер. На внутреннем горизонтальном уровне она проявляется в рамках доступа и возможности эффективно использовать специфичные ресурсы (знания, информацию, технологии), на вертикальном – конкуренция реализуется в способности фор-

Таблица 2 – Особенности конкуренции экосистем

Table 2 – Features of ecosystem competition

Параметры	Особенности
Внутренняя конкуренция – Вертикальная	
Инновации	Основным параметром, определяющим место компании в вертикальной структуре, является способность генерировать и масштабировать инновации
Информация (как ресурс)	Способность концентрировать, обрабатывать большой объем информации, обеспечивать ее безопасность
Знания (как компетенции)	Способность генерировать знания, передавать их, формировать на их основе общую организационную культуру определяет место компании в иерархии экосистемы
Внутренняя конкуренция – Горизонтальная	
Высокие стандарты качества и сервиса	Формируются как коллективная организационная культура
Склонность к кооперации	Позволяет поддерживать соответствующие стандарты, эффективно перераспределять ресурсы, получать синергетические эффекты, формировать общую стратегию развития
Совещательная координация	Является механизмом организации цепочки ценности, в рамках которой остается ценовая конкуренция (заказчик выбирает лучшее по качеству и цене предложение)
Внешняя конкуренция	
Количество и структура участников. Специализация и совместимость	Конкуренция существует не на уровне отдельного продукта, или даже его набора, а на уровне бизнес-модели создания потребительской ценности. При этом, уже сейчас происходит сочетание цифровых и материальных технологий.
Эффект масштаба	Чем большее количество продуктов и услуг предоставляется экосистемой, тем более значимым становится эффект масштаба. При этом это могут быть абсолютно не совместимые продукты. Конкуренция реализуется в межотраслевой плоскости.
Формирование трендов	Конкуренция происходит на уровне влияния на аудиторию «создание единых взглядов на будущее». Это существенно повышает устойчивость к турбулентности внешней среды.

Таблица составлена авторами по [10, 11, 15, 29, 34–38].

⁸<https://vc.ru/trade/74117-kak-amazon-pokoryaet-rynok-ssha>

мировать и адаптироваться к институциональной среде. На внешнем уровне конкуренция определяется способностью создавать лучшие бизнес-модели, сочетающие в себе разнообразие кастомизированных товаров и услуг, материальные и цифровые технологии, способность прогнозировать и самостоятельно создавать тренды.

Теоретическая платформа новой конкуренции в логике развития экосистем

Развитие экосистем представляет собой определенный этап эволюции конкурентных отношений, исследование которых осуществляется экономистами через призму различных теорий (рис. 2.)

Согласно [39, с. 12], роль экосистемы (как объекта конкуренции), помимо прочего, состоит в формировании механизма выявления предпринимательских возможностей. И здесь наиболее содержательно близкой является предпринимательская концепция конкуренции Й. Шумпетера [22]. Именно в рамках шумпетерианской теории источником конкурентного процесса является его объект – предприниматель, «хозяйственный субъект, функцией которого является осуществление новых комбинаций и которые выступают как его активный элемент» [22, с. 169–170].

В рамках австрийской школы объект конкуренции – предприниматель, создающий идеи. Согласно Л. фон Мезису [40], деятельность предпринимателя трактуется как разумная, творческая воля, основной экономической задачей которой является процесс поиска новых целей и средств их достижения. Развивается этот тезис и в теории динамической эффективности Х. Уэрта де Сото [41].

И. Кирцнер и А.Е. Шаститко [42] используют термин «бдительность» для описания предпринимательских идей. В их трактовке это чувствительность к изменениям, догадливость и воображение, позволяющие выявлять скрытые и лучше других оценивающие новые возможности извлечения выгоды⁹.

Предпринимательские идеи являются источником инноваций или «новых комбинаций»¹⁰, или «рутин»¹¹, которые формируются на двух уровнях: на первом – как «операционные правила» конкурентного соперничества, на втором – как «инвестиционные правила», определяющие стратегический потенциал развития бизнеса. Появление инноваций и рутин является следствием коллективного принятия решений. Таким образом, происходит переход от индивидуального предпринимателя к коллективному – предпринимательской фирме.

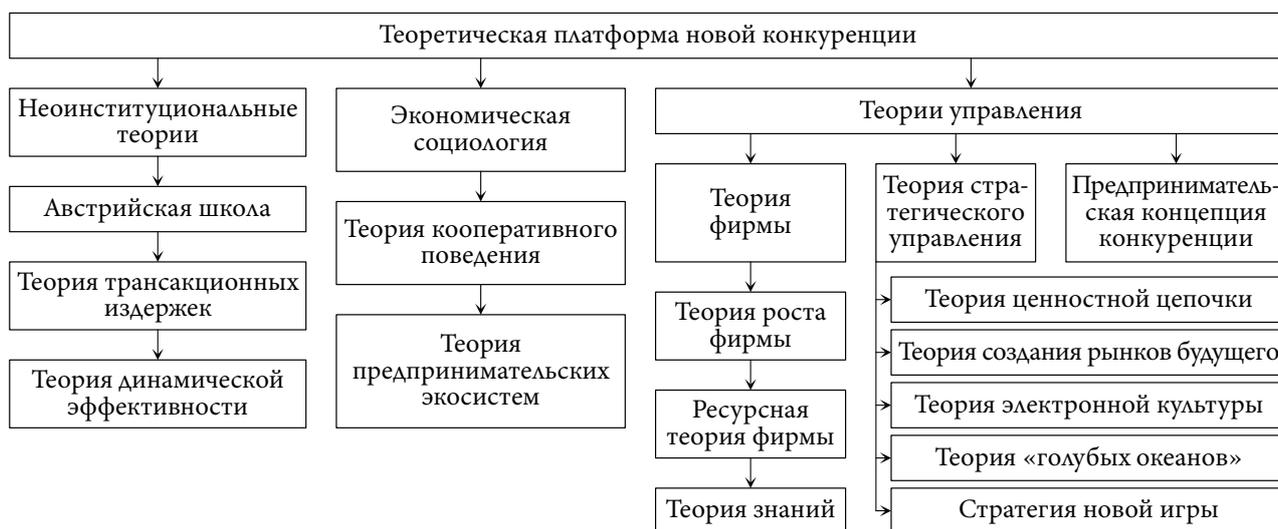

Рисунок 2 – Теории, объясняющие появлению феномена новой конкуренции

Figure 2 – The theoretical basis of the new competition

⁹При этом К. Маркс определяет «бдительность» предпринимателя как способность учитывать не только существующие обстоятельства места и времени, но и действия соперников [43 с.164].

¹⁰Термин по Й. Шумпетеру [21]. К ним относятся: товары новинки, новые технологии производства, новые рынки сбыта, использование новых ресурсов, новые типы организации

¹¹Термин Р. Р. Нельсона и С. Дж. Уинтера [44].

Согласно М. Бесту [45], такая фирма имеет следующие особенности:

– система управления фирмы строится на кооперации функций и формировании предпринимательских команд на всех уровнях управления;

– система управления позволяет формировать механизмы самосовершенствования и создание новых рутин, знаний;

– эти рутины в дальнейшем реализуются в определении области конкуренции и приоритетах стратегического развития.

В теории роста фирмы Э. Пенроуз предпринимательская фирма создает новое знание, полученное на основе имеющегося опыта эффективного применения имеющихся производственных ресурсов всех участников коллектива – команды. «Фирма может извлекать рента не потому, что обладает лучшими ресурсами, а скорее вследствие наличия у нее отличительной способности, позволяющей лучше использовать эти ресурсы» [22, с. 54]. Знание формируется внутри фирмы и не может быть приобретено на рынке. Именно это знание дает фирме возможность становиться лидером, рассчитывать на большой рост.

Дальнейшее раскрытие этого положения происходит в работах представителей ресурсной теории фирмы и ее отдельного направления – положений теории динамических способностей. В работе Дж. Барни отмечается значимость «активов, способностей, организационных процессов, фирменных атрибутов, информации и знаний, которые контролируются предприятием и позволяют применять стратегии, ведущие к повышению рациональности и эффективности производства» [46, с. 100]. У Д. Тиса динамические способности фирмы определены как склонность фирмы к интеграции, созданию и реконфигурации внутренних и внешних компетенций в ответ на быстрые изменения окружающей среды [47, с. 515].

Раскрытие понятия предпринимательской фирмы происходит в работе [46], где говорится о развитии интеллектуальной фирмы. Т. А. Стюарт [48], А. Л. Сергеев [49] отмечают существование особого интеллектуального капитала фирмы и определяют его как совокупность знаний, навыков, производственного опыта, а также нематериальных активов,

включая патенты, базы данных, программное обеспечение, товарные знаки и др.

При этом, по мнению Г. Б. Клейнера, «уровень интегрального интеллекта фирмы может быть как выше, так и ниже уровня интеллекта каждого участника деятельности предприятия. Результат интеллектуального суммирования зависит от организационной культуры, внутрифирменных институтов, психологических особенностей участников и много другого» [50, с. 80].

Увеличение скорости изменений, происходящих во внешней среде рынка и самой организации, приводит к дальнейшей эволюции объекта новой конкуренции – предпринимательской фирме в контексте теорий, описывающих конкурентное взаимодействие. Описывая объект новой конкуренции как предпринимательскую фирму, можно выделить такие ее характеристики: способность к самообучению и генерации коллективного знания, гибкость и быстрая адаптация, существование единой организационной культуры.

Конкурентное взаимодействие М. Бест называет совещательной координацией и определяет его как форму связи поставщиков и потребителей в рамках технологически связанных производственных цепочек, которая формируется на основе кооперации, обратных связей и взаимной ответственности [45, с. 28]. Целью совещательной координации является создание и обмен новыми знаниями, инновациями и рутинными. При этом, такой обмен невозможен в условиях краткосрочных взаимодействий, он формируется в условиях долгосрочных контрактов и кооперативного сотрудничества.

В рамках теории кооперативного поведения фирм В. Вайдлих определяет принцип существования совещательной координации: «самосогласованность сохраняется, если индивидуальные действия и демократические институты соответствуют друг другу и, таким образом, система остается стабильной» [51].

Совещательная координация в теории управления цепочкой ценности М. Портера определяется как «система взаимосвязанных видов деятельности, между которыми существуют связи. Связи имеют место, когда способ выполнения одного вида деятельности

влияет на издержки или эффективность других видов деятельности» [52, с. 87]. Так описывается зависимость между фирмами в рамках производственной цепи.

Дж. Ф. Мур в теории экосистем совещательную координацию называет «коэволюцией» [53]. По его мнению, стратегия развития компании должна быть направлена на адаптацию к условиям совместной эволюции всех элементов «предпринимательской экосистемы» и сочетать различные формы соперничества и сотрудничества с другими хозяйствующими субъектами, в том числе и с конкурентами. Лидерство фирмы на рынке в условиях роста и ужесточения конкуренции не может обеспечить только стратегия, нацеленная на создание односторонних преимуществ, фирме необходимо создавать и поддерживать экосистему, сочетающую в себе параметры внешней среды, конкуренцию и эволюцию.

Совещательная координация (термин по М. Бесту [45]) становится теоретическим базисом описания эволюции объекта новой конкуренции: из предпринимательской фирмы в предпринимательскую сеть. Ее формы, условия и эффекты существования становятся основанием научного поиска множества теорий: так, описание формы находится в плоскостях сетевой теории, экосистем, технологических платформ; условий – в рамках теории контрактов; эффектов – в рамках теории транзакционных издержек, системного подхода (в части оценки синергетического эффекта). А дальнейшее развитие находит отражение в теории создания рынков будущего. Г. Хамел [54] провозглашает окончание «эры прогресса» (т. е. линейного эволюционного развития и пошаговых изменений) и вводит понятие «нелинейной» инновации, под которой понимает создание «рынков будущего» (рынков революционных технологий). Конкурентные преимущества на рынках будущего заключаются в особенности менеджмента быстро мобилизовать имеющийся потенциал и адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, по-другому «интеллектуальное лидерство». Такие рынки в книге К. Чана и Р. Моборна называются «голубым океаном» [55].

Ключевым фактором эволюционирования предпринимательской сети становится, по

мнению Р. М. Кантера, наличие «электронной культуры». Под которой понимается использование современных цифровых технологий, позволяющих усиливать преимущества и возможности фирмы, действовать с большей гибкостью, открывать новые источники творческого, инновационного развития в рамках интегрированных технологических цифровых сред [56].

Авторы не претендуют на полноту охвата представленных теорий, описывающих развитие положений новой конкуренции – есть и другие, будут появляться новые. Это еще раз подтверждает динамизм и неформленность границ теоретической платформы новой конкуренции и ее огромный потенциал в части исследований экосистем и иных гибридных бизнес-моделей и оценки эффектов от их деятельности.

Моделирование новой конкуренции

Изучение особых характеристик экосистем и онтогенеза экономических теорий позволяет выстроить модель новой конкуренции, где основными условиями конкурентоспособности бизнеса становится его встроенность в экосистему, а на отдельных рынках – конструирование собственной экосистемы.

Доказать появление новой конкуренции возможно, не только анализируя новые формы организации бизнеса, эволюцию экономической теорий, но и с помощью компаративной диагностики принципов новой и классической трактовки конкуренции. В качестве классической модели выбрана трактовка конкуренции в рамках шумпетерианского подхода: «конкуренция – это модель развития рынка» [22 с. 53]. Выбор является не случайным, и определен единством динамического подхода к развитию конкуренции. Это и определило набор параметров сравнения (табл. 3).

Модель новой конкуренции в виде системы схематически представлена на рисунке 3.

Таким образом, авторы определяют новую конкуренцию как развивающуюся теоретическую платформу описания условий и механизмов взаимодействия экосистем. Главной предпосылкой необходимости появления этой платформы является эволюция форм организации бизнеса от предпринимателя к предпринимательской сети.

Таблица 3 – Сравнительный анализ основных положений идеологии классической и новой конкуренции
Table 3 – Comparative analysis of the main provisions of classical and new competition

Параметр	Классическая	Новая конкуренция
Содержание конкуренции	Процесс отбора фирмы с лучшим продуктом по лучшей цене	Процесс эволюции предпринимательской сети
Объект конкуренции	Предпринимательские идеи на уровне продукта, технологии или организации	Предпринимательская фирма (сеть) и ее стратегия (или экосистема и ее бизнес-модель - в терминах экосистемного подхода)
Субъект конкуренции	Предприниматель	Коллективный предприниматель (экосистема) в рамках совещательной координации
Область конкуренции	Инновационная деятельность на уровне отдельной фирмы	Инновационная деятельность коллективного производителя в рамках ценностной цепочки
Способы конкуренции	Неценовой	Неценовой
Функции конкуренции	Порождать стимулы к преобразованиям путем выявления лучших предпринимателей	Стимулировать инновационную деятельность путем преобразования бизнес-моделей, реализуя различные формы сочетания цифрового и физического мира
Роль конкуренции	Генерировать рыночные изменения реализуя технический прогресс	Формирование разнообразия форм сетевых рыночных структур

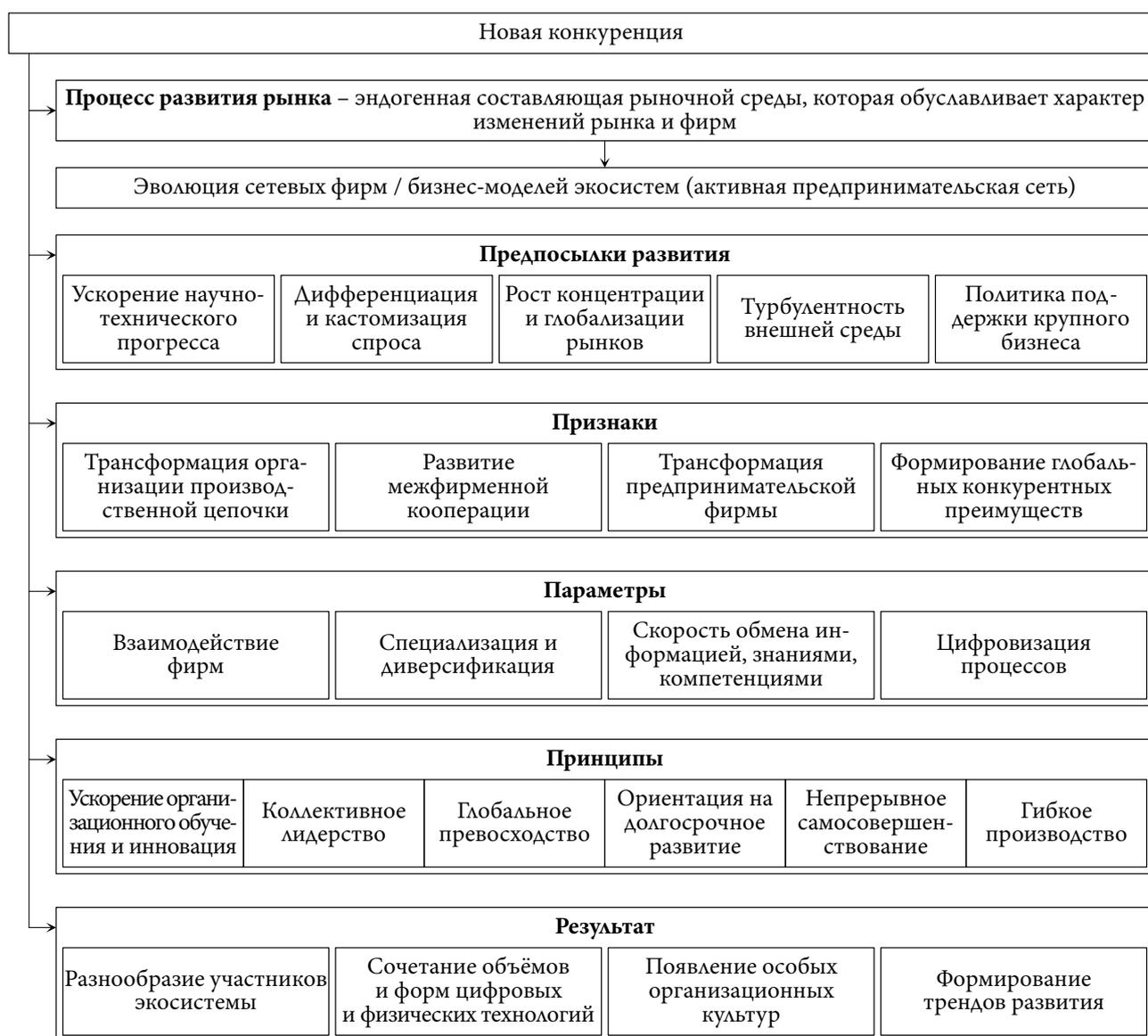

Рисунок 3 – Модель новой конкуренции
Figure 3 – The model of the new competition

Заключение

Исследование особенностей развития экосистем позволило установить динамический характер их развития, определенный эндогенными факторами и инновационным характером функционирования. Это определило появление иных условий и форм конкуренции – новой конкуренции. Теоретическая платформа новой конкуренции строится на онтогенезе экономических теорий, описывающих развитие организационных форм бизнеса от предпринимателя к предпринимательской сети.

Взаимное влияние в паре «экосистема – новая конкуренция» объясняется единством

предметной области изучаемых экономических явлений; нечеткостью границ изучаемых теорий; увеличением сложности и скорости рыночных трансакций. Новая конкуренция выступает одновременно условием и следствием развития экосистем.

Оперирование к модели новой конкуренции позволит исследователю выстраивать четкую логику в описании процессов трансформации рыночной среды, описании изменений в поведении потребителей, отдельных фирм и сетей, механизмах и формах государственного регулирования и корпоративного управления, межорганизационного и межстранового взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Blew R. D. (1996). On the Definition of Ecosystem, *Bulletin of the Ecological Society of America*, vol. 77, no. 3, pp. 171–173.
2. Valdez J. (1998). The entrepreneurial ecosystem: toward a theory of new business formation. Proceedings of the Small Business Institute Director's Association. San Antonio: University of Texas. 102 p.
3. Moore J.F. (1998). The Rise of a New Corporate Form Washington Quarterly, vol. 21, no. 1, pp. 167–181.
4. Adner R. (2006). Match your innovation strategy to your innovation ecosystem, *Harvard Business Review*, vol. 84, no. 4, pp. 98–107.
5. Carayannis E.G., Campbell D.F. (2009). «Mode 3» and «Quadruple Helix»: toward a 21st century fractal innovation ecosystem, *International Journal of Technology Management*, vol. 46, no. 3–4, pp. 201–234.
6. Ron A., Kapoor R. (2010). Value creation in innovation ecosystems: how the structure of technological interdependence affects firm performance in new technology generations, *Strategic Management Journal*, vol. 31, no. 3, pp. 306–333.
7. Isenberg D.J. (2010). How to start an entrepreneurial revolution, *Harvard Business Review*, vol. 88, pp. 40–50.
8. Jackson D.J. (2011). What is an innovation ecosystem National Science Foundation. Arlington, VA. 12 p.
9. Russell M.G., Still K., Huhtamäki J., Yu C., Rubens N. (2011). Transforming Innovation Ecosystems through Shared Vision and Network Orchestration Proceedings of Triple Helix IX Conference. Stanford University. 22 p.
10. Hwang V.W., Horowitz G. (2012). The Rainforest: The Secret to Building the Next Silicon Valley. Regenwald, Los Altos Hills, CA, USA. 304 p.
11. Autio E., Thomas L.D.W. (2014). Innovation ecosystems: implications for innovation management? In: Dodgson M., Gann D., Phillips N. (eds.). *The Oxford Handbook of Innovation Management*. Oxford University Press, Oxford. Pp. 204–288.
12. Gobble M.M. (2014). Charting the innovation ecosystem, *Research Technology Management*, vol. 57, no. 4, pp. 55–57.
13. Gawer A. (2014). Bridging differing perspectives on technological platforms: toward an integrative framework, *Research Policy*, vol. 43, no. 7, pp. 1239–1249.
14. Still K., Huhtamäki J., Russell M.G., Rubens N. (2014). Insights for orchestrating innovation ecosystems: the case of EIT ICT Labs and data-driven network visualizations, *International Journal of Technology Management*, vol. 66, no. 2/3, pp. 243–265.
15. Scozzi B., Bellantuono N., Pontrandolfo P. (2017). Managing open innovation in Urban labs Group, *Group Decision and Negotiation*, vol. 26, no. 5, pp. 857–874.
16. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. (2018). Towards a theory of ecosystems, *Strategic Management Journal*, vol. 39, pp. 2255–2276.
17. Crane D. (2019). Ecosystem Competition and the Antitrust Laws, *Nebraska Law Review*, vol. 98, pp. 412–422.

18. Harima J. (2020). Public accelerators in entrepreneurial ecosystems: resource orchestration in the early ecosystem evolution. Springer. Berlin. Springer Gabler. 263 p.
19. Jacobides M.G. (2020). What Drives and Defines Digital Platform Power? A framework, with an illustration of App dynamics in the Apple Ecosystem. White Paper. 57 p.
20. Baldwin C.Y, Clark K.B. (2000). Design Rules: The Power of Modularity. Vol. 1. MIT Press: Cambridge, MA.
21. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 455 с.
22. Penrose E.T. (1959). The theory of the growth of the firm. New York: Oxford University Press. 272 p.
23. Hu H., Hasekamp O., Butz A., Galli A., Landgraf J., Aan de Brugh J., Borsdorff T., Scheepmaker R., Aben I. (2016). The operational methane retrieval algorithm for TROPOMI, *Atmospheric Measurement Techniques*, vol. 9, pp. 5423–5440.
24. Gonzalo L., Tejero A., Dévora N., Pau I. (2020). University as a platform: an evolutionary process towards an open educational ecosystem in Europe. DOI: 10.35542/osf.io/nj6bp.
25. Matutes C., Regibeau R. (1988). Mix and Match: Product compatibility without network externalities, *Rand Journal of Economics*, vol. 19, no. 2, p. 221.
26. Hurkens S., Doh-Shin J., Menicucci D. (2019). Dominance and Competitive Bundling, *American Economic Journal*, vol. 11, no. 3, pp. 1–33.
27. Zott C., Amit C., Massa L. (2011). Business Model: Recent Developments and Future Research, *Journal of Management*, vol. 37, no. 4, pp. 1019–1042.
28. Petit N. (2020). Big Tech and the Digital Economy: The Moligopoly Scenario. Oxford University Press. 10.1093/oso/9780198837701.001.0001.
29. Попов Е.В., Симонова В.А., Челак И.П. Систематизация факторов развития инновационной экосистемы предприятия // Вопросы управления. 2021. № 4 (71). С. 151–165. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-4-151-165.
30. Jacobides M.G. (2020). What Drives and Defines Digital Platform Power: Understanding Bottlenecks and Gatekeepers – with an Apple/Tinder case study. Evolution Ltd White Paper. P. 13.
31. Gundlach G.T. (2006). Complexity Science and Antitrust? *The Antitrust Bulletin*, vol. 51, no. 1, pp. 17–30. DOI: 10.1177/0003603X0605100102.
32. Орехова С.В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // Journal of Economic Regulation. 2017. Т. 8. № 4. С. 6–12.
33. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602.
34. Stahl B.C. (2022). Responsible innovation ecosystems: Ethical implications of the application of the ecosystem concept to artificial intelligence, *International Journal of Information Management*, vol. 62, pp. 102–441. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2021.102441.
35. Blok V., Hoffmans L., Wubben E. F. M. (2015). Stakeholder engagement for responsible innovation in the private sector: critical issues and management practices, *Journal on Chain and Network Science*, vol. 15, no. 2, pp. 147–164. DOI: 10.3920/JCNS2015.x003.
36. Granstrand O., Holgersson M. (2020). Innovation ecosystems: a conceptual review and a new definition, *Technovation*, 90–91, Art. 102098. DOI: 10.1016/j.technovation.2019.102098.
37. Senyo P. K., Liu K., Effah J. (2019). Digital business ecosystem: Literature review and a framework for future research, *International Journal of Information Management*, vol. 47, no. 52–64. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.002.
38. Орехова С.В., Мисюра А.В., Кислицын Е.В. Управление возрастающей отдачей высокотехнологичной бизнес-модели в промышленности: классические и экосистемные эффекты // Управление. 2020. Т. 11. № 4. С. 43–58. DOI: 10.29141/218-5003-2020-11-4-4.
39. Trabskaja J., Mets T. (2019). Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 4, pp. 10–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.10.22.
40. Мизес Л. Фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М. : Экономика, 2000. 875 с.
41. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательская деятельность. Челябинск : Социум, 2009. 202 с.
42. Шаститко А.Е. Конкуренция и антимонопольная политика в неавстрийской теории // Экономическая политика. 2008. № 2. С. 106–126.
43. Маркс К. Экономические рукописи. М. : Политиздат, 1980. 619 с.
44. Нельсон Р.Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. Россия. Центр эволюц. экономики. Москва : Финстатинформ, 2000. 472 с.
45. Бест М. Новая конкуренция. Институты промышленного развития. М. : ТЕИС, 2002. 366 с.

46. Burney J.B. (1991). Firm recourses and sustained competitive advantage, *Journal of Management*, vol. 17, no. 1, pp. 99–120.

47. Teece D.J., Pisano G.P., Shuen A. (1997). Dynamic capabilities and strategic management, *Strategic Management Journal*, no. 18, pp. 509–533.

48. Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации. Москва : Поколение, 2007. 368 с.

49. Сергеев А.А. Интеллектуальный капитал менеджмента. Теория и тенденции в России. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 316 с.

50. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная теория фирмы // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 73–97.

51. Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках. М. : УРСС, 2004. С. 42–46.

52. Портер М. Конкуренция. М. : Издательский дом «Вильямс», 2003. 496 с.

53. Moore J. F. (1996). *The Death of Competition*. N. Y.: Harper Business. 384 p.

54. Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. М. : Олимп-бизнес, 2002. 208 с.

55. Чан К.В., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 336 с.

56. Кантер Р.М. Рубежи менеджмента: пер. с англ. М. : Олимп-бизнес, 1999. 360 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Орехова Светлана Владимировна – доктор экономических наук, профессор; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); bentarask@list.ru.

Ярошевич Наталья Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); yaroshevichny@gmail.com.

ECOSYSTEMS AND NEW COMPETITION: “CHICKEN-AND-EGG” PHENOMENON

S.V. Orekhova^{12a}, N.Yu. Yaroshevich^{13a}

^aUral State University of Economics

ABSTRACT:

The economy transformation is reflected in the evolution of the business organization forms from hierarchy to ecosystems. This transformation is at the same time associated with changes in the competition terms: price and quality of the products fall by the wayside, while the offer differentiation and customization, the speed of innovation introduction are gaining significance. The most successful in the markets are businesses that can offer a wide range of products and services in one system. Thus, there is a two-sided effect: new competition makes companies fit into (or create) ecosystems, which in turn change markets.

The methodological basis of the research is represented by the process and ecosystem approaches in terms of ecosystems functioning analysis, as well as neo-institutional economic theory, economic sociology and management theories in the context of the new competition provisions development. The paper employs the methods of semantic, bibliometric and comparative analysis, formalization and systematization.

The result of studying the specific features of market interaction of ecosystems is the justified existence and presented model of new competition. It is considered as reinforcing framework of ecosystems development due to changes in endogenous factors and increased innovation rate. The key conditions for the competitiveness of a business are embeddedness in an ecosystem (in certain cases - their own ecosystems

¹²ResearcherID: ABG-9345-2021

¹³RSCI AuthorID: 490015, ORCID: 0000-0003-2372-1196

creation); the ability to use collective knowledge to generate innovations and shape new trends; continuous self-development process; a combination of material and digital elements of the business model and a specific organizational culture. The model of new competition can underpin further theoretical and applied research in the field of studying the ecosystems evolution, especially in terms of combining material and digital technologies.

KEYWORDS: ecosystem, business model, process approach, competition, new competition, economic development.

FOR CITATION: Orekhova S.V., Yaroshevich N.Yu. (2022). Ecosystems and new competition: “chicken-and-egg” phenomenon, *Management Issues*, no. 2, pp. 34–48.

REFERENCES

1. Blew R. D. (1996). On the Definition of Ecosystem, *Bulletin of the Ecological Society of America*, vol. 77, no. 3, pp. 171–173.
2. Valdez J. (1998). The entrepreneurial ecosystem: toward a theory of new business formation. Proceedings of the Small Business Institute Director's Association. San Antonio: University of Texas. 102 p.
3. Moore J.F. (1998). The Rise of a New Corporate Form Washington Quarterly, vol. 21, no. 1, pp. 167–181.
4. Adner R. (2006). Match your innovation strategy to your innovation ecosystem, *Harvard Business Review*, vol. 84, no. 4, pp. 98–107.
5. Carayannis E.G., Campbell D.F. (2009). «Mode 3» and «Quadruple Helix»: toward a 21st century fractal innovation ecosystem, *International Journal of Technology Management*, vol. 46, no. 3–4, pp. 201–234.
6. Ron A., Kapoor R. (2010). Value creation in innovation ecosystems: how the structure of technological interdependence affects firm performance in new technology generations, *Strategic Management Journal*, vol. 31, no. 3, pp. 306–333.
7. Isenberg D.J. (2010). How to start an entrepreneurial revolution, *Harvard Business Review*, vol. 88, pp. 40–50.
8. Jackson D.J. (2011). What is an innovation ecosystem National Science Foundation. Arlington, VA. 12 p.
9. Russell M.G., Still K., Huhtamäki J., Yu C., Rubens N. (2011). Transforming Innovation Ecosystems through Shared Vision and Network Orchestration Proceedings of Triple Helix IX Conference. Stanford University. 22 p.
10. Hwang V.W., Horowitz G. (2012). The Rainforest: The Secret to Building the Next Silicon Valley. Regenwald, Los Altos Hills, CA, USA. 304 p.
11. Autio E., Thomas L.D.W. (2014). Innovation ecosystems: implications for innovation management? In: Dodgson M., Gann D., Phillips N. (eds.). The Oxford Handbook of Innovation Management. Oxford University Press, Oxford. Pp. 204–288.
12. Gobble M.M. (2014). Charting the innovation ecosystem, *Research Technology Management*, vol. 57, no. 4, pp. 55–57.
13. Gawer A. (2014). Bridging differing perspectives on technological platforms: toward an integrative framework, *Research Policy*, vol. 43, no. 7, pp. 1239–1249.
14. Still K., Huhtamäki J., Russell M.G., Rubens N. (2014). Insights for orchestrating innovation ecosystems: the case of EIT ICT Labs and data-driven network visualizations, *International Journal of Technology Management*, vol. 66, no. 2/3, pp. 243–265.
15. Scozzi B., Bellantuono N., Pontrandolfo P. (2017). Managing open innovation in Urban labs Group, *Group Decision and Negotiation*, vol. 26, no. 5, pp. 857–874.
16. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. (2018). Towards a theory of ecosystems, *Strategic Management Journal*, vol. 39, pp. 2255–2276.
17. Crane D. (2019). Ecosystem Competition and the Antitrust Laws, *Nebraska Law Review*, vol. 98, pp. 412–422.
18. Harima J. (2020). Public accelerators in entrepreneurial ecosystems: resource orchestration in the early ecosystem evolution. Springer. Berlin. Springer Gabler. 263 p.
19. Jacobides M.G. (2020). What Drives and Defines Digital Platform Power? A framework, with an illustration of App dynamics in the Apple Ecosystem. White Paper. 57 p.
20. Baldwin C.Y, Clark K.B. (2000). Design Rules: The Power of Modularity. Vol. 1. MIT Press: Cambridge, MA.
21. Schumpeter J. (1982). Theory of Economic Development. Moscow: Progress. 455 p.

22. Penrose E.T. (1959). The theory of the growth of the firm. New York: Oxford University Press. 272 p.
23. Hu H., Hasekamp O., Butz A., Galli A., Landgraf J., Aan de Brugh J., Borsdorff T., Scheepmaker R., Aben I. (2016). The operational methane retrieval algorithm for TROPOMI, *Atmospheric Measurement Techniques*, vol. 9, pp. 5423–5440.
24. Gonzalo L., Tejero A., Dévora N., Pau I. (2020). University as a platform: an evolutionary process towards an open educational ecosystem in Europe. DOI: 10.35542/osf.io/nj6bp.
25. Matutes C., Regibeau R. (1988). Mix and Match: Product compatibility without network externalities, *Rand Journal of Economics*, vol. 19, no. 2, p. 221.
26. Hurkens S., Doh-Shin J., Menicucci D. (2019). Dominance and Competitive Bundling, *American Economic Journal*, vol. 11, no. 3, pp. 1–33.
27. Zott C., Amit C., Massa L. (2011). Business Model: Recent Developments and Future Research, *Journal of Management*, vol. 37, no. 4, pp. 1019–1042.
28. Petit N. (2020). Big Tech and the Digital Economy: The Moligopoly Scenario. Oxford University Press. 10.1093/oso/9780198837701.001.0001.
29. Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P. (2021). Classification of the factors of an enterprise innovation ecosystem development, *Management issues*, no. 4 (71), pp. 151–165. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-4-151-165.
30. Jacobides M.G. (2020). What Drives and Defines Digital Platform Power: Understanding Bottlenecks and Gatekeepers – with an Apple/Tinder case study. Evolution Ltd White Paper. P. 13.
31. Gundlach G.T. (2006). Complexity Science and Antitrust? *The Antitrust Bulletin*, vol. 51, no. 1, pp. 17–30. DOI: 10.1177/0003603X0605100102.
32. Orekhova S.V. (2017). Technological platforms and new industrial policy in Russia, *Journal of Economic Regulation*, vol. 8, no. 4, pp. 6–12.
33. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. (2018). Digital platforms in the economy: essence, models, development trends, *Scientific and technical statements of St. Petersburg State University. Economic sciences*, vol. 11, no. 6, pp. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602.
34. Stahl B.C. (2022). Responsible innovation ecosystems: Ethical implications of the application of the ecosystem concept to artificial intelligence, *International Journal of Information Management*, vol. 62, pp. 102–441. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2021.102441.
35. Blok V., Hoffmans L., Wubben E. F. M. (2015). Stakeholder engagement for responsible innovation in the private sector: critical issues and management practices, *Journal on Chain and Network Science*, vol. 15, no. 2, pp. 147–164. DOI: 10.3920/JCNS2015.x003.
36. Granstrand O., Holgersson M. (2020). Innovation ecosystems: a conceptual review and a new definition, *Technovation*, 90–91, Art. 102098. DOI: 10.1016/j.technovation.2019.102098.
37. Senyo P. K., Liu K., Effah J. (2019). Digital business ecosystem: Literature review and a framework for future research, *International Journal of Information Management*, vol. 47, no. 52–64. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.002.
38. Orekhova S.V., Misyura A.V., Kislitsyn E.V. (2020). Managing the increasing returns of a high-tech business model in industry: Classic and ecosystem effects, *Upravlenets – The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 43–58. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-4.
39. Trabskaja J., Mets T. (2019). Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 4, pp. 10–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.10.22.
40. Mizes L. Fon. (2000). Human activity: Treatise on economic theory. Moscow: Ekonomika. 875 p.
41. Werta de Soto H. (2009). Austrian Economic School: Market and Business Activities. Chelyabinsk: Socium. 202 p.
42. Shastitko A.E. (2008). Competition and antitrust policy in neoavustian theory, *Economic policy*, no. 2, pp. 106–126.
43. Marx K. Economic manuscripts. Moscow: Politizdat, 1980. 619 p.
44. Nelson R.R., Winter S.J. (2000). Evolutionary theory of economic changes. Russia. Center for Evolutionary Economics. Moscow: Finstatinform. 472 p.
45. Best M. (2002). New Competition. Institutes of Industrial Development. Moscow: TEIS. 366 p.
46. Burney J.B. (1991). Firm recourses and sustained competitive advantage, *Journal of Management*, vol. 17, no. 1, pp. 99–120.
47. Teece D.J., Pisano G.P., Shuen A. (1997). Dynamic capabilities and strategic management, *Strategic Management Journal*, no. 18, pp. 509–533.
48. Stewart T.A. (2007). Intellectual capital. New source of richness of the organization. Moscow: Pokolenie. 368 p.
49. Sergeev A.L. (2012). Intellectual management capital. Theory and trends in Russia. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 316 p.
50. Kleiner G.B. (2021). Intellectual theory of the company, *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 73–97.

51. Weidlich V. (2004). Socyodynamics: a systematic approach to mathematical modeling in social sciences. Moscow: URSS. Pp. 42–46.

52. Porter M. (2003). Competition. Moscow: Publishing House “Williams”. 496 p.

53. Moore J. F. (1996). The Death of Competition. N. Y.: Harper Business. 384 p.

54. Hamel G., Prahalad K.K. (2002). Competing for the future. Moscow: Olympus Business. 208 p.

55. Chan K.V., Moborn R. (2017). Strategy of the Blue Ocean. How to find or create a market free from other players. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 336 p.

56. Kanter R.M. (1999). The Frontiers of Management. Moscow: Olympus Business. 360 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Svetlana V. Orekhova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); bentarask@list.ru.

Natalia Yu. Yaroshevich – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); yaroshevichny@gmail.com.

ASSESSING THE CENTRAL BANK OF ARMENIA POLICY UNDER CRISIS

E.M. Sandoyan^{1a}, M.A. Voskanyan^{2a}, A.G. Galstyan^{3a}

^aRussian-Armenian University

ABSTRACT:

The anti-crisis monetary regulation problem has become extremely relevant in the last two decades, both in developed and developing economies. This article is devoted to the anti-crisis monetary policy analysis and assessment regarding the fundamental basis and its practical application in Armenia. The research subject is the monetary policy of the Central Bank of the Republic of Armenia from the point of view of its efficiency in a down economy.

The methodological basis of the research is a review of theoretical and practical models of the monetary policy under crisis, recognized in the scientific literature, as well as its practical application in the developed and developing economies. The main goal of the research is an attempt to identify and assess the monetary policy of the Central Bank of Armenia from the point of view of its practical use over the past two decades. The research finding is the conclusion that under crisis, the monetary policy leads to controversial results, however generally, is the best option for reducing crisis consequences, in particular, in terms of developing economies, which involve the Republic of Armenia.

FUNDING: The article is part of the “Financial policy regulation in the Republic of Armenia: assessment and development prospects” scientific project, supported by the subsidy from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to finance research activity of the Russian-Armenian University.

KEYWORDS: countercyclical policy, macroeconomic regulation, monetary policy, anticrisis policy.

FOR CITATION: Sandoyan E.M., Voskanyan M.A., Galstyan A.G. (2022). Assessing the Central Bank of Armenia policy under crisis, *Management Issues*, no. 2, pp. 49–59.

Introduction

The modern understanding of countercyclical policy comes from the experience of macroeconomic regulation during the Great Depression. The countercyclical policy aims at smoothing the economic cycles. It means that in conditions of growth, it is necessary to pursue a restraining macroeconomic policy, and during a crisis, the policy has to be stimulating. In contrast to procyclical policy, we should highlight that most research on countercyclical regulation puts monetary regulation at the forefront. In particular, we can trace this emphasis during a crisis, when the policymakers need short-term and flexible instruments, and monetary policy in this sense is more effective for the countercyclical regulation of the economy.

Implementing monetary policy in an open economic environment is a rather tricky task from

the point of view of countercyclical policy. Many economists are wondering whether the monetary policy should be countercyclical at all. Essentially, the answer is what the price of the issue is? What are the economic benefits of a policy that aims to stabilise aggregate output in the face of external shocks?

Among the first authors who addressed the issue under review are Fisher [1] and then Phelps et al. [2], who concluded that the task of monetary policy is to stabilise aggregate output through changes in the money supply, to counteract the effects of external and internal shocks. For example, due to the high dependence on world prices for resources, the countries resort to tight monetary policy to maintain macroeconomic stability in the domestic market, which contradicts the countercyclical policy as such [3]. Despite the extensive literature on optimal monetary policy in an open

¹RSCI AuthorID: 820057

²RSCI AuthorID: 814902

³RSCI AuthorID: 966366

economy, it is difficult to draw causal conclusions from macroeconomic data because both demand shocks and policy responses are often endogenous to underlying economic conditions. In this regard, most of the research is mainly focused on theoretical models and equations [4].

During the global financial crisis that began in 2007, many central banks pursued stimulating monetary policies to ease financial market issues, boost output, and stabilise inflation. Monetary policy has mainly been successful in minimising financial market issues, but output growth and inflation have been weak in many developed economies, slowing recovery growth [5]. These observations have led to a reasonably widespread debate about whether the transmission channels of monetary policy can be considered successful during a crisis, in particular during a financial crisis, and in general, to what extent the monetary policy is successful in the context of financial globalisation and a high degree of volatility in the world economy [6]. Moreover, it is argued that after the global financial crisis the transmission mechanism of monetary policy changed, giving a central role to credit markets and banking system [7].

In this regard, it is crucial to find out whether a countercyclical monetary policy is possible and whether it is necessary to prioritise a stimulating fiscal policy during a crisis. In addition, the issue of undesirable side effects of countercyclical monetary policy, such as the emergence of excessive risks and inflated prices for financial assets, which may result from an extended expansionary policy on the part of the monetary authorities, becomes essential [8, 9, 10, 11]. Moreover, a study argues that an expansionary monetary policy leads to the banks taking higher risks [12]. Evidence shows that the institutional quality has a crucial role in taking cyclical or counter-cyclical measures [13]. And the volatility of output and consumption during crisis can recover with counter-cyclical regulation only if there is a mild response of policy rate to credit spreads [14, 15, 16].

We should highlight that current research on the cyclical nature of monetary policy [17, 18, 19] generally suggests that monetary policy is often countercyclical in industrialised countries and pro-cyclical in developing countries.

Modern research in financial system regulation

from the point of view of the countercyclical policy pays great attention to informal factors that are the basis of the rigidity or softness of financial regulation in the modern economy. A relatively large part of research [20, 21] examines financial regulation and its focus due to bargaining for the interests of specific institutions of financial intermediation. Although the informal institutions of pressure and private interests are subject to constant change, Calomiris et al. [21] argue that private benefit underlies many banking regulations in different countries, regardless of time. This point of view finds its confirmation in the extensive literature on this topic. On the other hand, from the point of view of the causes of deregulation or softening of the financial supervision policy, many studies [22, 23, 24, 25, 26, 27] confirm the thesis about the domination of private interests in the process of implementing the policy for the financial system regulation. Thus, in many respects, we can argue that the policy for regulating financial systems is not cyclical due to biased reasons. More precisely, we can say that financial regulation, as a rule, is cyclical due to these biased reasons. On the other hand, some researchers argue that regulatory compliance in the banking system increases the efficiency of banking regulation especially during crisis situations [28]. However, counter-cyclical regulation measures may lead to a decrease in bank profits [29].

In general, there are not many papers devoted to the issues of the cyclical nature of financial regulation. We should note the work of Reinhart and Rogoff [30]. In their work on the recent global financial crisis, they put forward the thesis about the danger of tight regulation, leading to worse economic consequences than deregulation. Blinder [31], in turn, presents the opposite point of view, according to which only tight regulation can be efficient during a crisis. According to Blinder, financial system regulation policies should be more pro-cyclical. An interesting point of view regarding the cyclical nature of the policy for regulating the financial market is present in the work of Aizenman and Glick [32]. They put forward the thesis that the financial system itself and the mechanisms of its regulation underlie the cyclical nature of the economy. Therefore, the optimal policy for regulating financial markets can smooth out the cyclicity of the economy.

Nevertheless, we can argue that regulating the financial system is mostly not cyclical, both in theory and in practice.

Monetary and Currency Regulation of the Central Bank of the Republic of Armenia in Crisis Conditions

Considering the deep economic recession in Armenia in 2009 due to the global financial crisis and the consequent economic stagnation in the last decade, it is necessary to study and evaluate the monetary and financial regulation policy of the monetary authorities of Armenia. The monetary policy regime in Armenia is inflation targeting to ensure the primary goal of prices stability of the Central bank of Armenia (CBA) [33]. The second primary goal of the CBA has been financial stability since 2017. Figure 1 shows the inflation rates and targets in Armenia. Considering the latter, we can conclude that although the target level mostly remains in the three-year interval, we can observe high inflation fluctuations in shorter time periods.

From 2000 until the global financial crisis CBA was conducting expansionary monetary policy accompanied by cheap money policy to stimulate economic growth. The high inflow of capital through remittances and foreign direct investments (FDI) helped implement this policy without depreciating pressures on the Armenian dram. As shown in Figure 2, the reserve requirement gradually decreased from 38 % in January 2000 to 8 % in January 2008.

In 2008, due to the global financial crisis, there was high pressure on prices stability. To stabilise

the situation in financial markets, CBA implemented a strict monetary policy. The refinancing rate increased from 6.25 in 2008 to 7.75 at the beginning of 2009 to restrain the money supply (Figure 3).

On the other hand, to prevent the high depreciation of the Armenian dram due to the reduction in capital inflow in 2008, CBA directly intervened in the currency markets by selling foreign currency until March 2009. The overall direct intervention at the expense of international reserves amounted to about 700 million USD. It is evident that after CBA stopped direct intervention, the exchange rate of Armenian dram overshoot from 305 to 365 during a day (Figure 4). From 2009 to 2014, CBA applied corridor regulation foreign exchange rate policy. By strictly regulating the money supply and exchange rate of the Armenian dram, CBA managed the inflation rate and could stabilise the prices already in 2009 (Figure 3). Application of the described monetary policy instruments indicates the implementation of pro-cyclical monetary policy during the global financial crisis in Armenia. The latter contributed to a deeper economic recession in 2009 (-14.1 %).

Next was the regional crisis that started in December 2014. The transmission mechanism of the crisis was the same as in the case of the global financial crisis. So, the decrease in capital inflow created high depreciation pressure on the national currency in Armenia. To maintain price stability, CBA applied strict monetary policy again. The refinancing rate increased from 6.75 % in the fourth

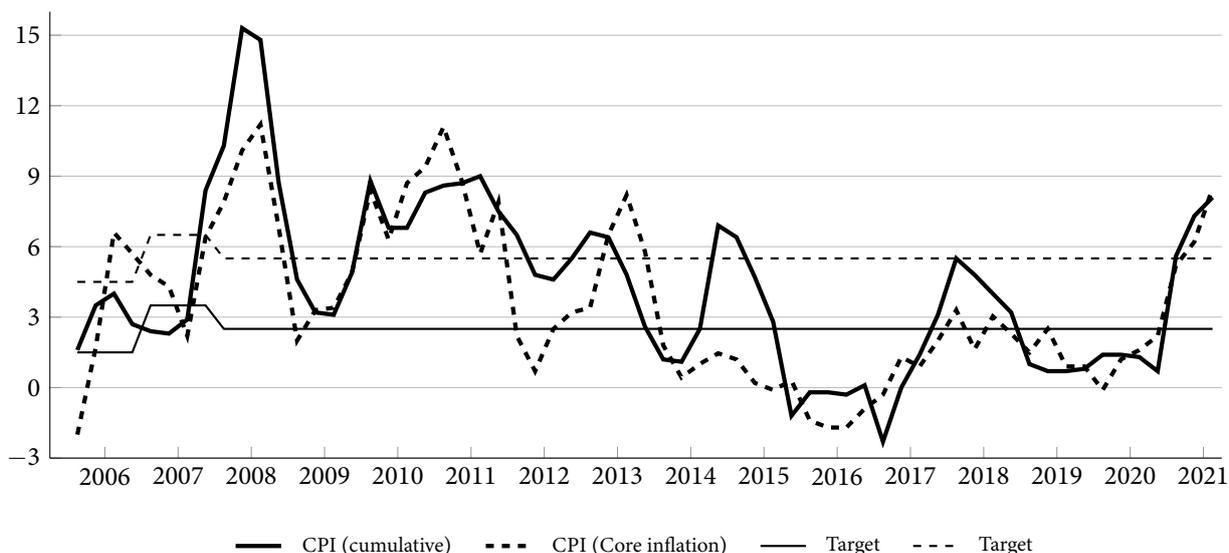

Figure 1 – CPI indicators and inflation targets in Armenia
(Source: Database of the Central bank of Armenia. URL: <http://cba.am/>.)

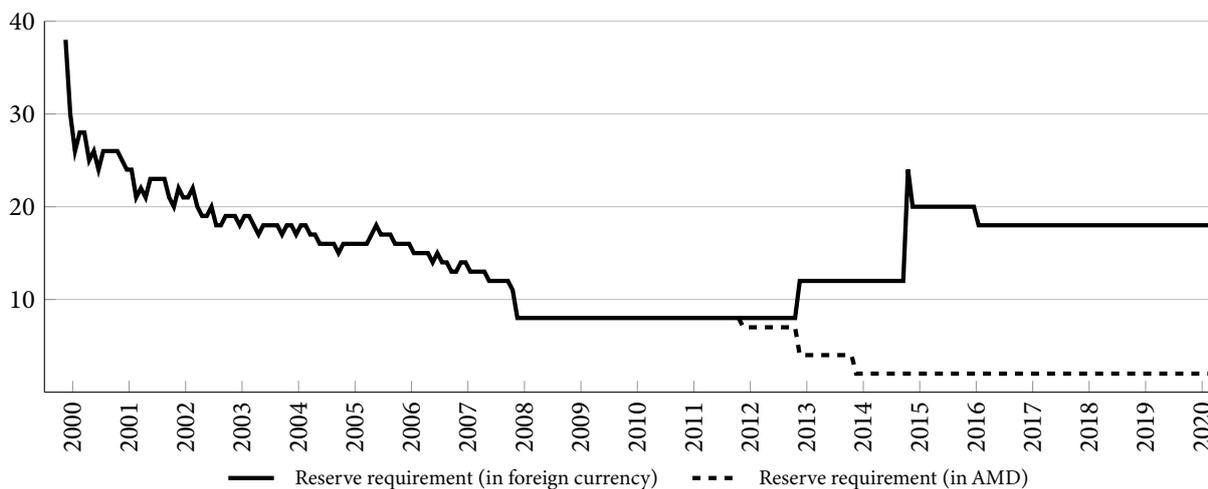

Figure 2 – The reserve requirement of CBA
 (Source: Database of the Central bank of Armenia. URL: <http://cba.am/>.)

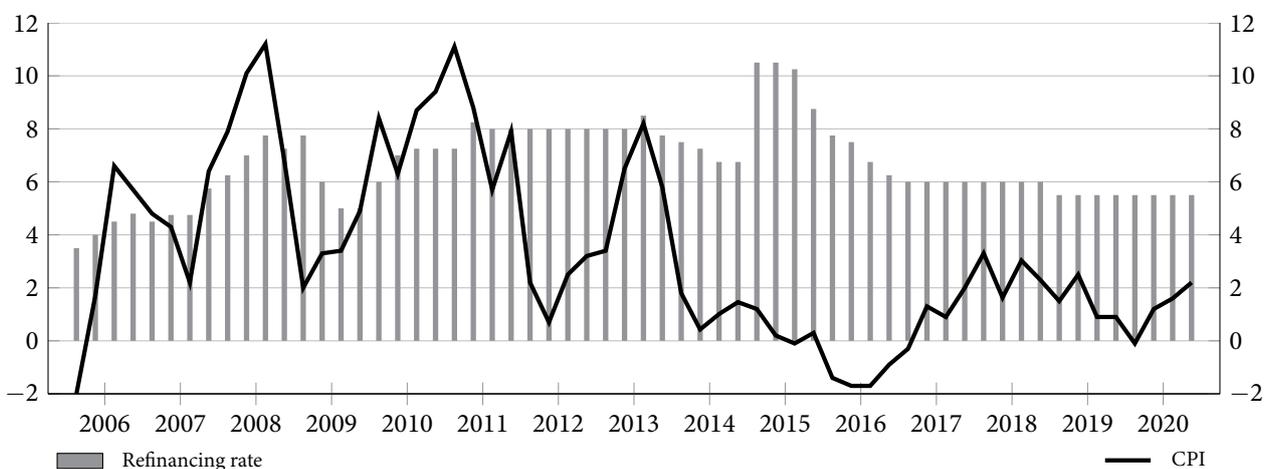

Figure 4 – The refinancing rate and CPI in Armenia
 (Source: Database of the Central bank of Armenia. URL: <http://cba.am/>.)

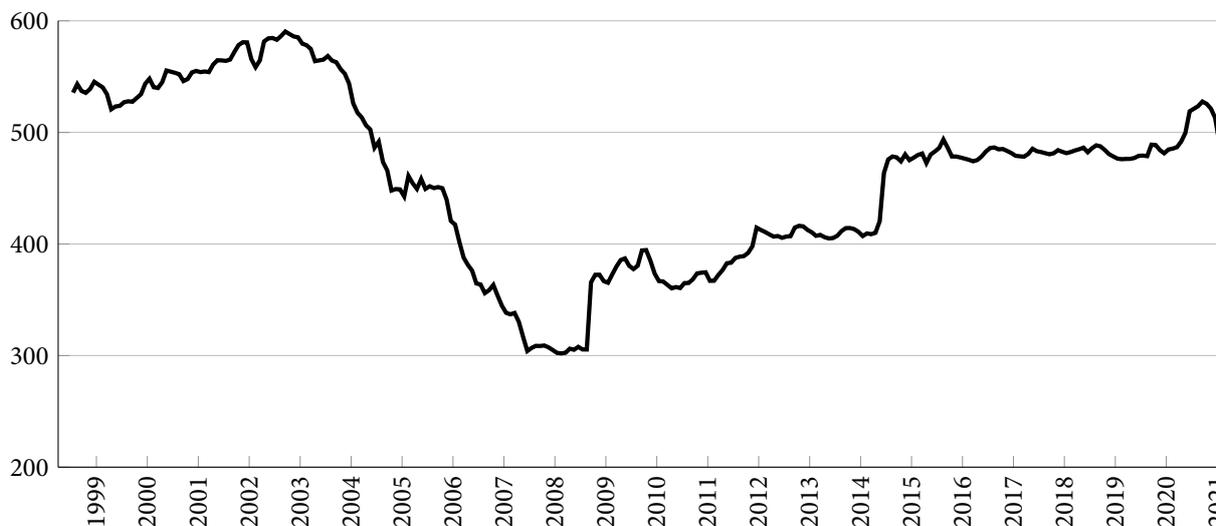

Figure 4 – The USD/AMD exchange rate, monthly
 (Source: Database of the Central bank of Armenia. URL: <http://cba.am/>.)

quarter of 2014 to 10.5 % in the first quarter of 2015 (Figure 3). At the same time, CBA intervened in the currency market by selling foreign currency for two months. However, in December 2014, the exchange rate of the Armenian dram increased from 420 to 463. During the regional economic crisis, CBA also applied an expensive money policy to restrain the money supply and prevent further depreciation of the Armenian dram without direct interventions. Thus, in December 2014, the reserve requirement for foreign currency deposits doubled (Figure 2). According to our estimations, the change in reserve requirement withdrew from money circulation an additional 310 million USD denominated in Armenian drams. The latter, combined with the 372 million USD direct intervention, eased the pressure on national currency and prices. We can conclude again about a pro-cyclical monetary policy during the regional economic crisis. It contributed to the further economic stagnation in Armenia.

CBA slightly changed its traditional anti-crisis monetary policy in 2020, when the Armenian economy was hardly hit by the crisis due to the covid-19 pandemic and second Artsakh war. Due to massive lockdowns since March 2020, the economic activity slowed down. The war in autumn further halted the economic growth. The pressure on national currency and prices was again high. However, the monetary policy remained somewhat neutral during this crisis.

As a consequence, the exchange rate of the Armenian dram started to increase gradually since October 2020, reaching 527 during five months. It drove up the inflation rate. The latter reached 5.2 %, 6.2 % and 8.5 % during the first three quarters of 2021, respectively. However, since July 2021, the exchange rate has been stabilising. Hence, we expect a stabilisation in prices.

Financial market regulation amid the crisis in Armenia

The unstable state in the financial system can hinder both implementation and efficiency of monetary policy, and provision of long-term and sustainable economic growth. Since January 2008, CBA implemented a regulatory document setting banking standards [34]. The latter was created according to Basel standards.

As we know, the negative impact of the global financial crisis started in the fourth quarter of 2008

and was further deepened in 2009. 2009 was a controversial and difficult period for the financial market. The international financial crisis posed new challenges for financial market participants. However, the Armenian financial market played a vital role in maintaining the stability of the financial system. It was able to effectively redistribute liquidity among the participants of different institutions of the financial system of Armenia. Figure 5 shows how the capital adequacy ratio sharply decreased until the end of 2007 making the banking system more vulnerable to external shocks. However, in regard to this banking standard, Armenian banking system demonstrated good robustness during both global financial and regional economic crises. During both crises we can see a slight decrease in capital adequacy, which recovered during two quarters. The same we can say about the latest covid-19 crises. We should highlight that despite a slight change in capital adequacy minimal requirement in May 2020 (decrease from 10 % to 9 %), the ratio in regard to regulatory capital remained higher than 17 % (minimum requirement – 12 %), and regulatory Tier 1 capital remained higher than 15 %.

After the regional crises, in January 2015, CBA decided to increase the minimum limit of regulatory capital six times – from 5 billion AMD to 30 billion AMD, in force since January 2017 [34]. It was a crucial change in the banking system leading to a significant reduction of the quantity of commercial banks. Such change aimed to increase the sustainability of banking system to external shocks. On the other hand, in two years the total regulatory capital increased by about 40 % reaching 649,3 trillion AMD in the first quarter of 2017 (Figure 5).

In the case of liquidity ratio, the minimum requirement for liquid asset ratio is 15 %, and for liquid assets to short term liabilities – 60 %. We should note that after the implementation of the latter and recovery from the global financial crisis it increased to 140 % creating a reliable liquidity buffer to withstand any future external shocks (Figure 6). In the first quarter of 2009, certain reductions in the level of excess liquidity of the Armenian banking system, as well as current liquidity ratios, were accompanied by an increase in the volume of repo transactions (interbank with the Central Bank of Armenia). In parallel with the re-

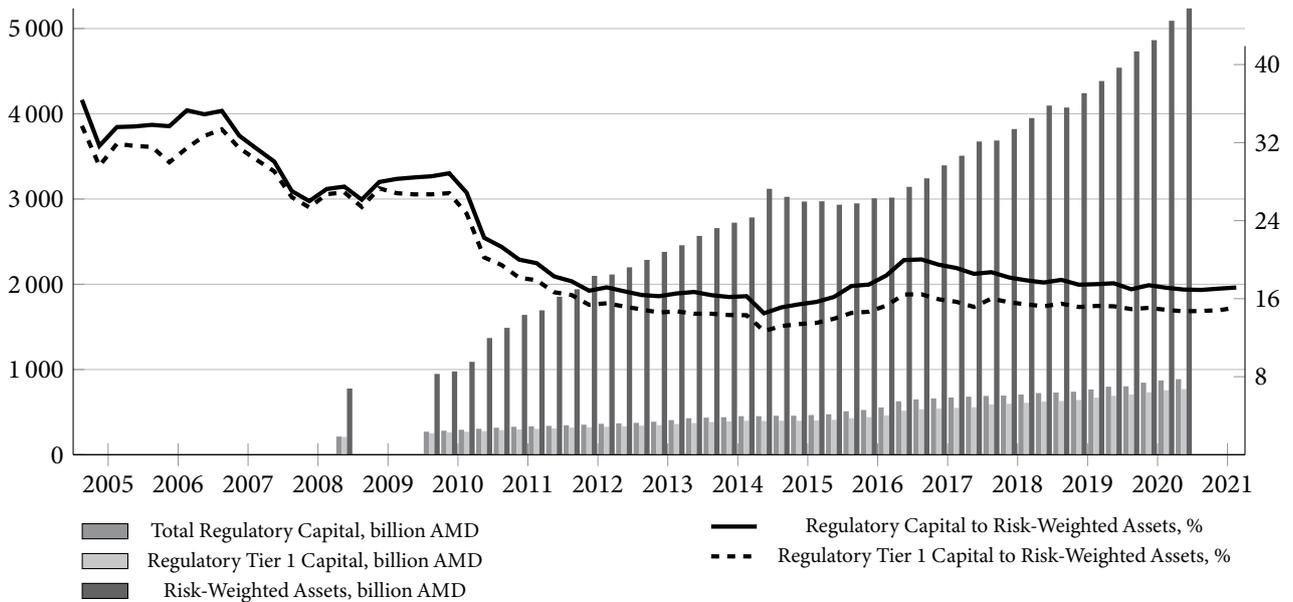

Figure 5 – Regulatory capital and regulatory tier 1 capital to risk-weighted assets ratio (% on right axis)
 (Source: Database of International Monetary Bank. URL: <http://data.imf.org/>)

duction of the refinancing rate by 2.25 percentage points at the beginning of 2009, the Central Bank also intensified its expansionist operations by expanding the resources of commercial banks through active long-term repo instruments and government securities in the secondary market. In the second half of the year, however, financial institutions re-established a stable high level of liquidity, combined with lower central bank participation in the financial market.

The decrease in liquidity ratios during the regional economic crisis wasn't significant. The recovery period accounted for one quarter and al-

ready at the beginning of the second quarter of 2015 the banking system was already stable.

In the first half of 2009, the banking system a rather cautious approach to lending, leading to a lower activity in the credit market. However, activity in the credit market has resumed since the second half of the year, which has been facilitated by the formation of certain expectations towards stability in the income of banks and population, the decrease in the refinancing rate, and various state-sponsored programs. However, the growth rate of loans in 2009, compared to the growth rate of the previous year, sharply decreased to 14 %.

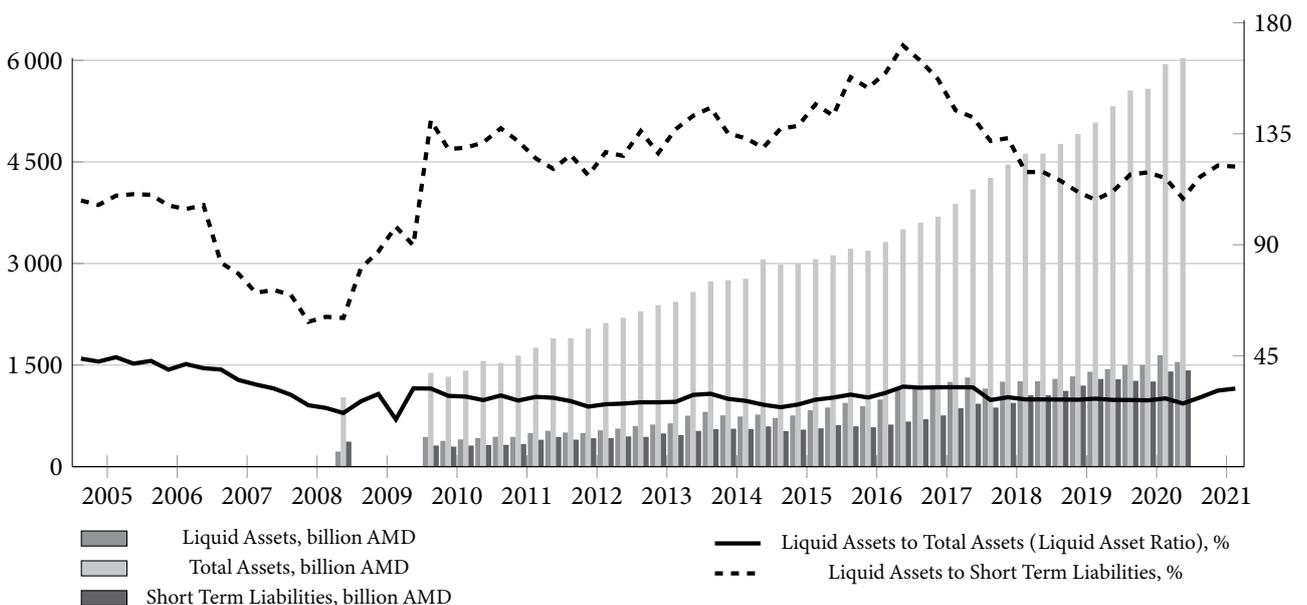

Figure 6 – Liquid asset ratio and liquid assets to short term liabilities (% on right axis)
 (Source: Database of International Monetary Bank. URL: <http://data.imf.org/>)

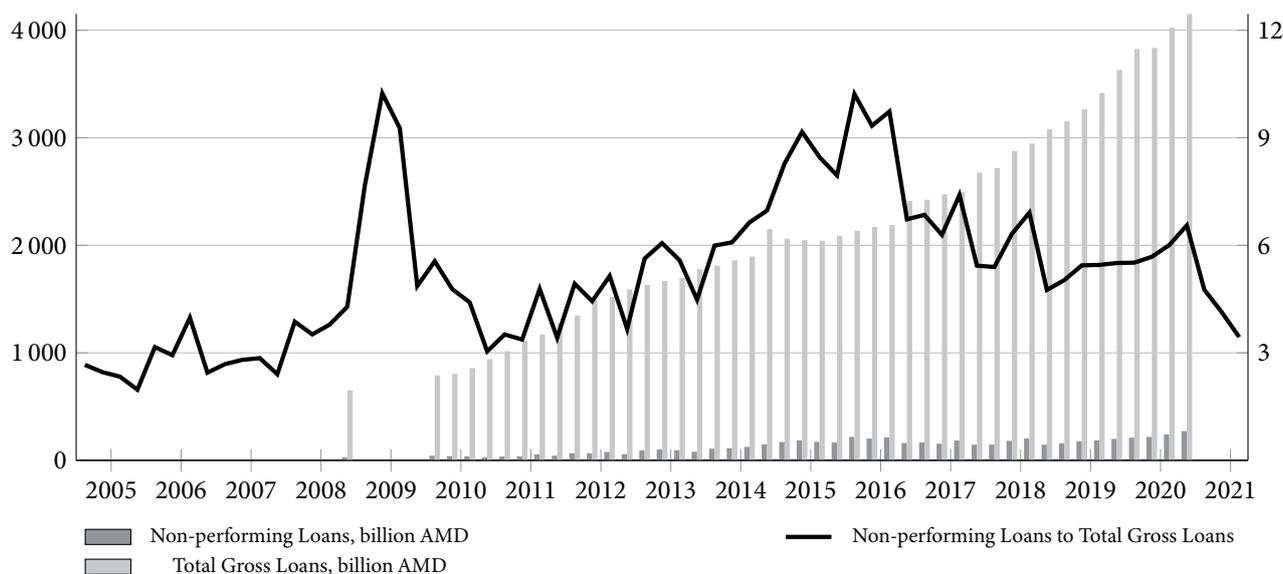

Figure 7 – Non-performing loans to total gross loans ratio
 (Source: Database of International Monetary Bank. URL: <http://data.imf.org/>.)

We should note that the share of non-performing loans in the first half of the year increased from 4.4 % in 2008 to 10.2 % at the end of the first half of 2009, and decreased in the second half. At the end of the year, it accounted to 4.9 % of the total loans (Figure 7). During the regional crisis the share of non-performing loans sharply increased to 9.2 % in the second quarter of 2015. The recovery period took up to 6 months. At the end of 2016 this indicator decreased to 6.7 %. During the covid-19 crisis and second Artsakh war there was no significant change in the indicator of non-performing loans. From the second quarter to the fourth quarter of 2020 the change amounted to 1 %, with a consequent decrease of 3.3 % until mid-2021.

Conclusions

Overall, the monetary policy during crisis situations in Armenia has a procyclical nature. The

latter presumes a strict monetary policy during the decreasing period of economic cycle. Such a policy usually leads to a deeper economic recession. However, being loyal to the procyclical policy, the recovery period usually is accompanied with a relatable softer and expansionary monetary policy.

As for the financial regulation policy, here we should note that the Central bank of Armenia mostly followed Basel I, II and III banking standards since January 2008. The most significant change was the requirement for regulatory capital of 30 billion AMD instead of 5 billion in January 2017. The existence of relatively bigger banks with higher capital adequacy ratio improved the robustness of the commercial banks to external shocks during all the crises. Moreover, usually the banking system needs 2-3 quarters for recovery. The other banking standards mostly remained stable during the whole period under consideration.

REFERENCES

1. Fischer, S. (1977). Long-Term Contracts, Rational Expectations, and the Optimal Money Supply Rule. *JPE* 85, pp. 191–205.
2. Phelps, E.S., Taylor, J.B. (1977). Stabilising Powers of Monetary Policy under Rational Expectations. *JPE* 85, pp. 163–90.
3. Frankel, J. (2010). Monetary policy in emerging markets, *Handbook of Monetary Economics*, vol. 3. Elsevier. Pp. 1439–1520.
4. Corsetti G., Dedola L., Sylvain L. (2010). Opti-

- mal monetary policy in open economies, *Handbook of Monetary Economics*, vol. 3. Elsevier. Pp. 861–933.
5. Pain N., Lewis C., Dang T., Jin Y., Richardson P. (2014). OECD forecasts during and after the financial crisis: A post mortem. OECD Economics Department Working Paper. No. 1077.
6. Bouis R., Rawdanowicz L., Renne J.-P., Watanabe S., Christensen A.K. (2013). The effectiveness of monetary policy since the onset of the financial cri-

sis. OECD Economics Department Working Paper. No. 1081.

7. Rubio M. (2020). Monetary policy, credit markets, and banks: A DSGE perspective, *Economics Letters*, vol. 195, no. 109481. DOI: 10.1016/j.econlet.2020.109481.

8. Rajan R.G. (2005). Has financial development made the world riskier? Proceedings – Economic Policy Symposium – Jackson Hole. Federal Reserve Bank of Kansas City. August. Pp. 313–369.

9. Altunbasa Y., Gambacorta L., Marques-Ibanez D. (2014). Does monetary policy affect bank risk? *International Journal of Central Banking*. March. Pp. 95–135.

10. Jiménez G., Ongena S., Peydró J.-L., Saurina J. (2014). Hazardous times for monetary policy: What do twenty-three million bank loans say about the effects of monetary policy on credit risk-taking? *Econometrica*, vol. 82, no. 2, pp. 463–505.

11. Filiani P. (2021). Optimal monetary-fiscal policy in the euro area liquidity crisis, *Journal of Macroeconomics*, vol. 70, no. 103364. DOI: 10.1016/j.jmacro.2021.103364.

12. Andries A.M., Plescau I. (2020). The Risk-Taking Channel of Monetary Policy: Do Macroprudential Regulation and Central Bank Independence Influence the Transmission of Interest Rates? *Romanian Journal of Economic Forecasting*, vol. 23, no. 3, pp. 5–30.

13. Nawaz M., Mazhar Iqbal M., Ali A. (2018). Institutional Quality and Cyclicity of Monetary and Fiscal Policies in SAARC Countries, *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, vol. 55E, pp. 32–44. DOI: 10.24193/tras.55E.3.

14. Aliaga-Diaz R., Olivero M.P., Powell A. (2018). Monetary Policy and Anti-Cyclical Bank Capital Regulation, *Economic Inquiry*, vol. 56, no. 2, pp. 837–858. DOI: 10.1111/ecin.12501.

15. Azariadis C., Bullard J., Singh A., Suda J. (2019). Incomplete credit markets and monetary policy. *Journal of Economic Dynamics & Control*, vol. 103, pp. 83–101. DOI: 10.1016/j.jedc.2019.03.005.

16. Medina J.P., Roldos J. (2018). Monetary and Macroprudential Policies to Manage Capital Flows, *International Journal of Central Banking*, vol. 14, no. 1, pp. 201–257.

17. Frankel J.A. (2011). Monetary policy in emerging markets. In: Freidman B., Woodford M. (eds.). *Handbook of Monetary Economics*, vol. 3B. North Holland, Amsterdam. Pp. 1439–1520.

18. McGettingham D., Moriyama K., Ntsama J.N.N., Painchard F., Qu H., Steinberg C. (2013). Monetary

policy in emerging markets: taming the cycle. IMF Working Paper 13/96.

19. Vegh C.A., Vuletin G. (2013) Overcoming the fear of free falling: monetary policy graduation in emerging markets. NBER Working Paper 18175.

20. Stigler G. (1971). The Theory of Economic Regulation, *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 2, no. 1, pp. 3–21.

21. Calomiris C.W., Haber S.H. (2014). Fragile by design. The political origin of banking crises and scarce credit. In: Joel Mokyr (ed.). *The Princeton Economic History of the Western World*.

22. Posner E.A. (1997). The political economy of the Bankruptcy Reform Act of 1978, *Michigan Law Review*, vol. 96, no. 1, pp. 47–126.

23. Kroszner R., Strahan P. (1999). What Drives Deregulation? Economics and Politics of the Relaxation of Bank Branching Restriction, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 114, no. 4, pp. 1437–1467.

24. Benmelech E., and Moskowitz T.J. (2010). The political economy of financial regulation: evidence from US state usury laws in the 19th century, *The journal of finance*, vol. 65, no. 3, pp. 1029–1073.

25. Mian A., Sufi A., Trebbi F. (2010). The political economy of the subprime mortgage credit expansion. No. w16107. National Bureau of Economic Research.

26. Mian A., Sufi A., Trebbi F. (2013). The Political Economy of the Subprime Mortgage Credit Expansion, *Quarterly Journal of Political Science*, vol. 8, no. 4, pp. 373–408.

27. Rajan R.G., Ramcharan R. (2011). Constituencies and legislation: The fight over the mcfadden act of 1927. No. w17266. National Bureau of Economic Research.

28. Reinhart C.M., Rogoff K. (2009). This time is different: eight centuries of financial folly. Princeton university press.

29. Andaiyani Hidayat A., Djambak S., Hamidi I. (2021). Counter-Cyclical Capital Buffer and Regional Development Bank Profitability: An Empirical Study in Indonesia, *Journal of Asian Finance Economics and Business*, vol. 8, no. 5, pp. 829–837. DOI: 10.13106/jafeb.2021.vol8.no5.0829.

30. Chaikovska I. (2019). Implementation and Effects of The Post-Crisis Banking Regulations in European Union. In: International Scientific Conference on Economic and Social Development. Proceedings Paper. Pp. 212–220.

31. Blinder A.S. (2015). Financial Entropy and the Optimality of Over-regulation. In: The New International Financial System: Analyzing the Cumulative Impact of Regulatory Reform. Pp. 3–35.

32. Aizenman A., Glick R. (2009). Sterilization,

Monetary Policy, and Global Financial Integration. *Review of International Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 777–801. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2009.00848.x.

33. RA Law on the Central Bank.

34. Regulation 2 on “Regulation of banking, prudential standards for banking”, Central Bank of Armenia.

AUTHORS' INFORMATION:

Edvard M. Sandoyan – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); edward.sandoyan@rau.am.

Mariam A. Voskanyan – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); voskanyanm@gmail.com.

Ani G. Galstyan – Ph.D. of Economic Sciences; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); ani.galstyan@rau.am.

ОЦЕНКА ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА АРМЕНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Э.М. Сандоян^{4а}, М.А. Восканян^{5а}, А.Г. Галстян^{6а}

^аРоссийско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ:

Проблема антикризисного монетарного регулирования в последние два десятилетия стала очень актуальной, как в развитых, так и в развивающихся странах. Данная статья посвящена анализу и оценке антикризисной монетарной политики с точки зрения фундаментальной базы, а также ее практического применения в Армении. Предметом исследования является монетарная политика ЦБ Республики Армения с точки зрения ее результативности в условиях экономического кризиса.

Методологической базой исследования стал обзор теоретических и практических моделей монетарной политики в условиях кризиса, известных в научной литературе, а также ее практическое применение в развитых и развивающихся странах. Ключевой целью исследования стала попытка выявить и дать оценку монетарной политики Центрального Банка Армении с точки зрения практики применения в течение последних двух десятилетий. Результатом исследования стал вывод о том, что в условиях кризиса монетарная политика приводит к неоднозначным результатам, однако в целом наиболее оптимальная для нивелирования последствий кризиса, в частности в условиях развивающихся экономик, в котором относится Республика Армения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Политика финансового регулирования в РА: оценка и перспективы развития», финансируемого за счет средств, выделенных в рамках субсидии Министерства науки и высшего образования РФ на финансирование научно-исследовательской деятельности Российско-Армянского университета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контрциклическая политика государства, макроэкономическое регулирование, монетарная политика, антикризисная политика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сандоян Э.М., Восканян М.А., Галстян А.Г. (2022). Оценка политики Центрального банка Армении в условиях кризиса // Вопросы управления. № 2. С. 49–59.

⁴AuthorID РИНЦ: 820057

⁵AuthorID РИНЦ: 814902

⁶AuthorID РИНЦ: 966366

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fischer, S. (1977). Long-Term Contracts, Rational Expectations, and the Optimal Money Supply Rule. *JPE* 85, pp. 191–205.
2. Phelps, E.S., Taylor, J.B. (1977). Stabilising Powers of Monetary Policy under Rational Expectations. *JPE* 85, pp. 163–90.
3. Frankel, J. (2010). Monetary policy in emerging markets, *Handbook of Monetary Economics*, vol. 3. Elsevier. Pp. 1439–1520.
4. Corsetti G., Dedola L., Sylvain L. (2010). Optimal monetary policy in open economies, *Handbook of Monetary Economics*, vol. 3. Elsevier. Pp. 861–933.
5. Pain N., Lewis C., Dang T., Jin Y., Richardson P. (2014). OECD forecasts during and after the financial crisis: A post mortem. OECD Economics Department Working Paper. No. 1077.
6. Bouis R., Rawdanowicz L., Renne J.-P., Watanabe S., Christensen A.K. (2013). The effectiveness of monetary policy since the onset of the financial crisis. OECD Economics Department Working Paper. No. 1081.
7. Rubio M. (2020). Monetary policy, credit markets, and banks: A DSGE perspective, *Economics Letters*, vol. 195, no. 109481. DOI: 10.1016/j.econlet.2020.109481.
8. Rajan R.G. (2005). Has financial development made the world riskier? Proceedings – Economic Policy Symposium – Jackson Hole. Federal Reserve Bank of Kansas City. August. Pp. 313–369.
9. Altunbasa Y., Gambacorta L., Marques-Ibanez D. (2014). Does monetary policy affect bank risk? *International Journal of Central Banking*. March. Pp. 95–135.
10. Jiménez G., Ongena S., Peydró J.-L., Saurina J. (2014). Hazardous times for monetary policy: What do twenty-three million bank loans say about the effects of monetary policy on credit risk-taking? *Econometrica*, vol. 82, no. 2, pp. 463–505.
11. Filiani P. (2021). Optimal monetary-fiscal policy in the euro area liquidity crisis, *Journal of Macroeconomics*, vol. 70, no. 103364. DOI: 10.1016/j.jmacro.2021.103364.
12. Andries A.M., Plescau I. (2020). The Risk-Taking Channel of Monetary Policy: Do Macroprudential Regulation and Central Bank Independence Influence the Transmission of Interest Rates? *Romanian Journal of Economic Forecasting*, vol. 23, no. 3, pp. 5–30.
13. Nawaz M., Mazhar Iqbal M., Ali A. (2018). Institutional Quality and Cyclicity of Monetary and Fiscal Policies in SAARC Countries, *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, vol. 55E, pp. 32–44. DOI: 10.24193/tras.55E.3.
14. Aliaga-Diaz R., Olivero M.P., Powell A. (2018). Monetary Policy and Anti-Cyclical Bank Capital Regulation, *Economic Inquiry*, vol. 56, no. 2, pp. 837–858. DOI: 10.1111/ecin.12501.
15. Azariadis C., Bullard J., Singh A., Suda J. (2019). Incomplete credit markets and monetary policy. *Journal of Economic Dynamics & Control*, vol. 103, pp. 83–101. DOI: 10.1016/j.jedc.2019.03.005.
16. Medina J.P., Roldos J. (2018). Monetary and Macroprudential Policies to Manage Capital Flows, *International Journal of Central Banking*, vol. 14, no. 1, pp. 201–257.
17. Frankel J.A. (2011). Monetary policy in emerging markets. In: Freidman B., Woodford M. (eds.). *Handbook of Monetary Economics*, vol. 3B. North Holland, Amsterdam. Pp. 1439–1520.
18. McGettingham D., Moriyama K., Ntsama J.N.N., Painchard F., Qu H., Steinberg C. (2013). Monetary policy in emerging markets: taming the cycle. IMF Working Paper 13/96.
19. Vegh C.A., Vuletin G. (2013) Overcoming the fear of free falling: monetary policy graduation in emerging markets. NBER Working Paper 18175.
20. Stigler G. (1971). The Theory of Economic Regulation, *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 2, no. 1, pp. 3–21.
21. Calomiris C.W., Haber S.H. (2014). Fragile by design. The political origin of banking crises and scarce credit. In: Joel Mokyr (ed.). *The Princeton Economic History of the Western World*.
22. Posner E.A. (1997). The political economy of the Bankruptcy Reform Act of 1978, *Michigan Law Review*, vol. 96, no. 1, pp. 47–126.
23. Kroszner R., Strahan P. (1999). What Drives Deregulation? Economics and Politics of the Relaxation of Bank Branching Restriction, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 114, no. 4, pp. 1437–1467.
24. Benmelech E., and Moskowitz T.J. (2010). The political economy of financial regulation: evidence from US state usury laws in the 19th century, *The journal of finance*, vol. 65, no. 3, pp. 1029–1073.
25. Mian A., Sufi A., Trebbi F. (2010). The political economy of the subprime mortgage credit expansion. No. w16107. National Bureau of Economic Research.
26. Mian A., Sufi A., Trebbi F. (2013). The Political Economy of the Subprime Mortgage Credit Expansion, *Quarterly Journal of Political Science*, vol. 8, no. 4, pp. 373–408.

27. Rajan R.G., Ramcharan R. (2011). Constituencies and legislation: The fight over the mcfadden act of 1927. No. w17266. National Bureau of Economic Research.

28. Reinhart C.M., Rogoff K. (2009). This time is different: eight centuries of financial folly. Princeton university press.

29. Andaiyani Hidayat A., Djambak S., Hamidi I. (2021). Counter-Cyclical Capital Buffer and Regional Development Bank Profitability: An Empirical Study in Indonesia, *Journal of Asian Finance Economics and Business*, vol. 8, no. 5, pp. 829–837. DOI: 10.13106/jafeb.2021.vol8.no5.0829.

30. Chaikovska I. (2019). Implementation and Effects of The Post-Crisis Banking Regulations in European Union. In: International Scientific Con-

ference on Economic and Social Development. Proceedings Paper. Pp. 212–220.

31. Blinder A.S. (2015). Financial Entropy and the Optimality of Over-regulation. In: *The New International Financial System: Analyzing the Cumulative Impact of Regulatory Reform*. Pp. 3–35.

32. Aizenman A., Glick R. (2009). Sterilization, Monetary Policy, and Global Financial Integration. *Review of International Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 777–801. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2009.00848.x.

33. RA Law on the Central Bank.

34. Regulation 2 on “Regulation of banking, prudential standards for banking”, Central Bank of Armenia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сандоян Эдвард Мартинович – доктор экономических наук, профессор; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); edward.sandoyan@rau.am.

Восканян Мариам Амбарцумовна – доктор экономических наук, доцент; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); voskanyanm@gmail.com.

Галстян Ани Гамлетовна – кандидат экономических наук; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); ani.galstyan@rau.am.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МИКРОЛОКАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ГОРОДСКИХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

О.В. Нотман^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Противоречивые условия существования местного самоуправления в современной России актуализируют вопросы поиска действенных инструментальных средств вовлечения гражданского общества в управление городским развитием. Целью статьи является представление социальной технологии, разработанной и апробированной в ходе проектирования программ развития микрорайонов Екатеринбурга, направленной на совершенствование процессов взаимодействия муниципальной власти и городских стейкхолдеров.

Данная технология базируется на авторском концепте «микролокальных городских режимов» – режимов взаимодействия районных администраций с резидентами (организациями и населением) внутригородских территорий. Новизна предложенной социальной технологии заключается в выстраивании последовательных многоступенчатых коммуникаций с учетом диагностического скрининга качества среды городских микрорайонов, а также организации коммуникативного пространства для взаимодействия власти и городских стейкхолдеров не только на общегородском, но и на локальном микроуровне.

По результатам апробации социальной технологии сформулированы ее ключевые принципы: 1) интеграция результатов эмпирической диагностической работы и мультисубъектных «согласовательных» коммуникаций, направленных на разработку программ совершенствования качества среды городских микрорайонов; 2) организация взаимодействия городских акторов в многоуровневом коммуникативном пространстве, включающем в себя прямые и обратные коммуникации между городской администрацией, районными администрациями, исследователями, экспертами, локальными резидентами; 3) использование комплекса взаимосвязанных процедур, позволяющих принимать обоснованные решения с учетом объективной и субъективной информации о качестве городской среды, а также с учетом постдиагностического сравнительного анализа и обсуждения средовых профилей микрорайонов; 4) совмещение традиционных исследовательских функций (диагностических, аналитических) с модераторскими, консультативными, проектными, позволяющее реализовать «активистско-преобразовательную» стратегию участия исследовательской группы; 5) самообучение участников взаимодействия, способствующее росту взаимной информированности.

Делается вывод о том, что «взрачивание» микролокальных режимов взаимодействия городских акторов по поводу совершенствования качества среды локальных территорий будет способствовать интенсификации процессов вовлечения различных групп общественности в решение проблем общегородского уровня.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-1327.2022.2).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная технология, микролокальный городской режим, взаимодействие городских стейкхолдеров, социальное участие, городская среда, городские микрорайоны, районные администрации, локальные резиденты.

¹AuthorID РИНЦ: 397903, ORCID: 0000-0002-3393-9933, ScopusID: 57200194835, ResearcherID: C-9914-2018

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нотман О.В. Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 61–75.

Введение

Одной из остро востребованных областей для разработки социальных технологий взаимодействия власти и населения выступает сегодня городское управление. Противоречивый контекст его функционирования в современной России – общенациональный курс на централизацию управления и укрепление вертикали власти, институциональные барьеры для реализации местного самоуправления, слабо работающие механизмы вовлечения населения в решение вопросов городского развития – требует поиска и апробации действенных инструментальных средств, направленных на достижение баланса между субъект-объектным административным способом управленческой регуляции и субъект-субъектным механизмом самоорганизации городских сообществ.

Несмотря на законодательное закрепление различных форм участия граждан в решении вопросов местного значения, многие из них остаются не использованными горожанами. Причины слабо работающих механизмов вовлечения гражданского общества в управление городским развитием имеют комплексный и взаимообусловленный характер. Наиболее значимые причины, на протяжении ряда лет фиксируемые общероссийскими и локальными исследованиями, – это низкий уровень доверия муниципальной власти и невысокая оценка ее деятельности со стороны населения; низкий уровень информированности населения о возможных способах участия в осуществлении местного самоуправления; неведение в возможность повлиять на принимаемые властью решения; слабая заинтересованность самой муниципальной власти в привлечении граждан к решению вопросов городского развития, либо формально-декларативный характер таких привлечений [1; 2; 3; 4; 5].

Так, например, анализ правоприменительной практики публичных слушаний, проведенный Е. С. Шугриной в российских городах на основе судебных дел о нарушениях их процедуры, организации и проведения, показы-

вает выхолащивание их предназначения, провоцирующее дополнительные городские конфликты [6]. Рекомендательный (не обязывающий) для органов власти характер ряда форм участия населения в решении вопросов городского развития не в последнюю очередь выступает фактором укоренения имитационных, «отчетных» практик взаимодействия, не удовлетворяющих общественным ожиданиям и в итоге еще более увеличивающих уровень отчуждения жителей от местной власти.

Активно внедряющиеся сегодня в практику взаимодействия власти и населения информационные технологии, позволяющие информировать население о проектах городского благоустройства, проводить онлайн-опросы, голосования, сбор предложений пока не стали эффективной альтернативой слабо работающим традиционным инструментам коммуникации. При очевидных достоинствах онлайн-технологий (удобство, оперативность, экономичность, массовый охват) их результативность, также как и традиционных инструментов коммуникации, находится в прямой зависимости от наличия обратной связи. Так, например, анализ функционирования на официальном сайте городской администрации Екатеринбурга сервиса народных инициатив «Я предлагаю!», проведенный уральскими социологами, показал, что наблюдаемый в начале «запуска» сервиса наплыв предложений от горожан впоследствии значительно снизился по причине отсутствия реакции муниципальных властей – не только одобрения предложений («администрация будет делать»), но и официальных ответов на них, сигнализирующих хотя бы о том, что предложения были увидены [7, с. 24].

Оценивая практики взаимодействия власти и населения в ходе осуществления федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», российские исследователи отмечают, что ключевым барьером для выстраивания конструктивного публичного диалога выступает ориентация муниципальной власти на проблемно-догоняющий, а не превентивный подход [8, с. 203]. Информиро-

вание населения по вопросам развития городской среды и привлечение ресурсов экспертного сообщества, как правило, происходит в период обострения проблемы, в ситуации уже случившегося кризиса. Тогда как в условиях объективной сложности осуществления многосубъектных коммуникаций (например, выбор коммуникативных инструментов и площадок для согласования позиций множества городских стейкхолдеров) необходима долгосрочная информационная стратегия, регулярный диалог с общественностью – от момента принятия управленческих решений до их реализации.

Вместе с тем, происходящие в последние годы в крупнейших российских городах процессы активизации гражданского общества – уменьшение доли пассивного населения и появление явно выраженного общественного запроса на участие в местном самоуправлении со стороны прогрессивных, образованных групп населения, имеющих высокий уровень жизненных притязаний и не нуждающихся в государственной «опеке» [9; 10]; рост гражданской активности среди молодежи; консолидация сообществ на уровне микрорегионального городского пространства [11]; активизация протестной активности против нежелательной застройки, реконструкции или сноса объектов, уничтожения рекреационных пространств [12] – свидетельствуют о постепенном преодолении «инертного синдрома», формировании разнообразных практик общественной самоорганизации, даже в условиях кризиса доверия власти и слабой способности формальных институтов интегрировать горожан с высокими мобилизационными ресурсами.

Наиболее перспективным «полем» для повышения интенсивности вовлечения гражданского общества, трансформации имеющегося потенциала гражданской активности (готовности участвовать) в реальное участие, создания полноценных интерактивных арен взаимодействия муниципальной власти и на-

селения выступает локальное территориальное пространство – район, микрорайон, квартал, улица проживания. Проблемы, касающиеся непосредственно качества среды жизнедеятельности, воспринимаются населением сквозь призму высокой личностной значимости. Поэтому непосредственная среда обитания становится сегодня важнейшей сферой проявления неформальных гражданских инициатив «по месту жительства», получения горожанами опыта самоорганизации и взаимодействия с властью, который при благоприятных исходах может стимулировать интерес к другим, более масштабным видам социального участия в управлении городским развитием.

Целью настоящей статьи является представление разработанной и апробированной в ходе проектирования программ развития микрорайонов Екатеринбурга социальной технологии формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров².

Социальные технологии в управлении: теоретическое обоснование

Проблематика социальных технологий применительно к сфере управления (рассматриваемой как в рамках широкой перспективы, так и узкой – как управления организацией и персоналом) начиная с конца 70-х гг. XX века получает осмысление в трудах ряда отечественных и зарубежных ученых. Базовые основания для легитимизации термина «технология» применительно к социальным наукам были заложены К. Поппером, в концепции которого социальная технология рассматривается как способ осуществления социальных изменений (общества в целом либо его отдельных институтов), основанный на «внедрении» теоретических знаний, выводов в практическую деятельность [13, с. 54]. Отечественный философ В. Г. Афанасьев, указывая на взаимосвязь социальных технологий с научным знанием, отмечает, что социальные технологии, будучи элементом системы управления, выступают

²Данная социальная технология является авторской методологической рефлексией итогов работы междисциплинарного научного коллектива экономистов и социологов (Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Институт государственного управления и предпринимательства УрФУ). Работа велась в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 года». Муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17.11.2016.

средством перевода абстрактного языка науки, отражающей объективные законы развития общества, на конкретный язык практики – решений, нормативов, предписаний, регламентирующих деятельность людей и способствующих достижению поставленных целей [14, с. 369]. В работах болгарских философов Н. Стефанова и М. Маркова, в значительной степени повлиявших на внедрение термина в российский научный тезаурус и язык практикующих управленческих консультантов, социальная технология трактуется как разновидность технологии (тем самым подчеркивается ее сходство со сложившимся в материально-технической сфере пониманием), ориентированная на активное и целенаправленное преобразование деятельности и протекающих в ее рамках социальных процессов [15; 16]. Социальная технология, выступая способом организации деятельности, предполагает «расчленение» этой деятельности на серию последовательных и взаимосвязанных процедур, элементов, обязательное выполнение которых приводит к достижению поставленной цели – заданного результата [16, с. 57].

Таким образом, главные признаки социальных технологий, сформулированные Н. Стефановым и М. Марковым и считающиеся на сегодняшний день сферой согласованных определений большинства ученых, – это предварительно заданные цели, связанные с изменением объекта, преобразованием деятельности, поведения, отношений, процессов; наличие взаимосвязанных между собой процедур (операций); скоординированность, поэтапность, однозначность и обязательность их выполнения.

В отечественной социологии указанную линию в понимании социальной технологии (как основанного на научных выводах и положениях универсального инструмента рационализации деятельности и достижения определенного результата) развивают В. В. Щербина и Ж. Т. Тощенко. Согласно мнению В. В. Щербины, социальная технология – это средство организации и рационализации управленческой деятельности, направленное на решение задач социальной регуляции в деловых организациях [17]. Ж. Т. Тощенко, также определяя предназначение социальной технологии через

оптимизацию управленческого процесса посредством рационализации деятельности, вместе с тем, расширяет сферу применения данного понятия, «привязывая» его не только к управлению конкретными организациями, но и к управлению обществом в целом и любыми социальными объектами на разных уровнях организации общества [18, с. 136].

Для Т. М. Дридзе социальная технология выступает в качестве инструмента социально-проектной деятельности, направленного на выработку эффективных вариантов решения социальных проблем и повышение обоснованности принимаемых управленческих решений [19]. В. Н. Иванов и В. И. Патрушев, рассматривая социальные технологии как важнейшую составляющую управления, акцентируют внимание на их инновационных функциях, призванных выявлять и использовать скрытые потенциалы системы и обеспечивать на этой основе получение общественно полезного результата с наименьшими затратами [20, с. 4].

При существующих особенностях социальных технологий, используемых в управлении объектами разного масштаба (общество, регион, город, территориальное сообщество, организация и др.), их объединяет общее «видение» главного предназначения – оптимизировать, рационализировать посредством создания алгоритма деятельности управленческий процесс с целью повышения эффективности принимаемых решений и достижения максимально возможного социального результата. Так или иначе, любые социальные технологии направлены на решение возникающих на различных уровнях организации общества и в его различных сферах проблем жизни людей.

Важно отметить, что собственно сам «технологический» подход как некая алгоритмизация операций, являющийся альфа и омега инженерной мысли, применительно к социальным объектам предполагает несколько иное преломление. С одной стороны, социальные технологии имеют «родовую» связь с технологиями, создаваемыми на базе естественно-научного и технического знания, поэтому им в равной степени присущи свойства технологий как таковых – стандартизованность, формализация, упорядоченность, воспроизводи-

мость. Но, с другой стороны, специфика объекта «технологизации» – социальные процессы, деятельность, отношения и механизмы регуляции этих отношений – вносит определенную долю импровизации, непредсказуемости, творческого начала, интуиции, которые всегда присутствуют в «человекообразных объектах». Следовательно, социальные технологии обладают меньшей инструментально-алгоритмической «жесткостью» и инвариантностью в сравнении, например, с производственными, информационными, медицинскими и прочими технологиями. Свойства социальных объектов в значительной мере определяют специфику социальных технологий, обладающих, наряду с возможностями тиражирования инструментальных средств, приемов и методов в аналогичных обстоятельствах, большей гибкостью и адаптивностью к особенностям конкретной ситуации и включенным в процесс решения проблемы с помощью разработанной технологии взаимодействующим субъектам. Вариативность внедренческих результатов в значительной степени зависит от взаимодействующих в процессе создания и последующей реализации социальной технологии конкретных акторов, обладающих определенным компетентностным, социокультурным, коммуникативным «багажом».

Результаты и обсуждение

При разработке нашей технологии мы опирались на общеметодологические положения Ж. Т. Тощенко о социальных технологиях как неотъемлемом элементе управленческого процесса, авторский концепт «микрорегиональных

городских режимов», канонические принципы технологии социального участия П. Геддеса и проектно-технологические разработки межотраслевого научного коллектива под руководством Т. М. Дридзе, связанные непосредственно с реализацией модели социального участия в управлении развитием городской среды и принятии градостроительных решений.

Ж. Т. Тощенко, определяя содержательную суть социальной технологии через «совокупность последовательных операций, процедур, направленных на реализацию намеченных планов и получение оптимального социального результата» [18, с. 141], подчеркивает, что социальная технология выступает в двух формах. Во-первых, это проект – технологически оформленный программный продукт с прописанными этапами, процедурами, операциями. Однако, социальная технология – это не только разработка, это, во-вторых, еще и сама деятельность, построенная в соответствии с разработанным проектом и направленная на реализацию намеченной цели [18, с. 142]. Такое понимание социальной технологии соединяет собственно проектную и практическую работу, направленную на апробацию/реализацию разработанной технологии.

В соответствии с указанным пониманием и с учетом специфики решаемой практической проблемы – совершенствование качества среды городских микрорайонов – представим общую схему разработанной социальной технологии (рис. 1.), на основе которой далее подробно раскроем содержательные этапы и составляющие их виды деятельности.

Рисунок 1 – Общая схема социальной технологии формирования микрорегиональных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров

Figure 1 – General scheme of social technology for the formation of microlocal regime of interaction between municipal authorities and urban stakeholders

В основе разработанной технологии лежит авторский концепт «микролокальных городских режимов». Отталкиваясь от современной субъект-полисубъектной управленческой парадигмы и соответствующего ей теоретического конструкта «городского режима» [21; 22] как кросс-секторального партнерства для производства значимых результатов в управлении городским развитием, мы полагаем, что сверхкрупные и высокодифференцированные городские системы (мегаполисы) правомерно рассматривать не только сквозь призму единого городского режима, но и через микролокальные режимы. Данные режимы мы определяем как взаимодействия (не только постоянные, но и эпизодические) администрации городских районов с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимодействия последних друг с другом. В отличие от общегородского режима, в значительной степени детерминированного общенациональным вектором институциональной модернизации и имеющего выраженную политическую повестку, микролокальные режимы в большей степени ориентированы на повседневную, аполитичную повестку – решение вопросов обеспечения качества и комфортности среды жизнедеятельности на уровне внутригородских территорий (районов, микрорайонов) [23, с. 91]. Прямая заинтересованность жителей и территориально «привязанных» коммерческих и общественных организаций в улучшении локальной среды обитания, на наш взгляд, является важным фактором, способствующим превращению потенциальной гражданской активности в реальное участие – соуправление на микролокальном городском уровне [23, с. 91].

В таблице 1 приведена содержательная характеристика всех этапов технологического процесса (виды деятельности, участники, результат), позволяющая сформулировать ключевые принципы, на которых базировалась разработанная социальная технология.

1. Интеграция эмпирической диагностической работы и мультисубъектных «согласовательных» коммуникаций в практику выработки управленческих решений и программ, направленных на совершенствование качества городской среды.

2. Организация взаимодействия городских акторов в многоуровневом коммуникативном пространстве, включающем в себя прямые и обратные коммуникации между городской администрацией, районными администрациями, исследователями, экспертами, локальными резидентами (организациями и населением).

3. Использование комплекса взаимосвязанных преддиагностических, диагностических, согласовательных-коммуникативных и проектно-реализационных процедур (операций), позволяющих принимать обоснованные управленческие решения с учетом объективной и субъективной информации о качестве городской среды, а также с учетом постдиагностического сравнительного анализа и обобщения средовых профилей микрорайонов.

4. Совмещение традиционных исследовательских функций (диагностических, аналитических) с модераторскими, консультативными, проектными, обеспечивающее реализацию «активистско-преобразовательной» стратегии участия исследовательской группы.

5. Самообучение участников взаимодействия в процессе реализации многоступенчатых коммуникаций, способствующее росту взаимной информированности и достижению на этой основе согласованных позиций.

Обозначенные принципы в целом согласуются с каноническими принципами технологии социального участия, сформулированными еще в первой половине XX в. английским социологом П. Геддесом [24] и впоследствии воплощавшимися с той или иной степенью редакции в различных законодательно-правовых документах, хартиях, программах, посвященных вопросам организации городского самоуправления. Это принципы «двойного информирования» и «взаимодействия в проектировании».

Первый принцип провозглашает необходимость двухстороннего информационного потока – со стороны властей осуществляется информирование населения о программах, проектах городского развития, со стороны населения – информирование (в том числе через посредников – исследователей) властей о ключевых проблемах городской жизни, актуальных потребностях и запросах горожан.

Таблица 1 – Характеристика этапов технологического процесса

Table 1 – Characteristics of the technological process stages

Виды деятельности	Участники	Результат
Этапы исследовательской работы – диагностика качества среды городских микрорайонов		
<i>Преддиагностический</i>		
Выбор показателей оценки качества городской среды в соответствии с актуальной версией Стратегического плана развития Екатеринбурга	Исследователи, городская администрация	Программа и методика диагностического исследования качества среды городских микрорайонов
Разработка методики и инструментария статистического и социологического скрининга качества среды микрорайонов	Исследователи	
Представление и обсуждение разработанной методики и инструментария	Исследователи, городская администрация, эксперты	
Модификация разработанной методики и инструментария в соответствии с заключением экспертов	Исследователи	
Утверждение разработанной методики и инструментария	Исследователи, городская администрация	
<i>Диагностический</i>		
Создание базы данных статистических параметров микрорайонов	Исследовательская группа (экономисты)	Объективные, субъективные и интегративные профили микрорайонов (таблицы, картограммы)
Проведение опроса населения, формирование базы данных субъективных оценок качества городской среды микрорайонов	Исследовательская группа (социологи)	Аналитический отчет по результатам исследования (сравнительный анализ микрорайонов по качеству среды)
Постдиагностические этапы – формирование режимов взаимодействия		
<i>Коммуникативный</i>		
Презентация и обсуждение результатов исследования территориальной дифференциации качества городской среды на общегородском уровне	Исследователи, городская администрация, эксперты	Отчет по итогам обсуждения результатов исследования
Презентация и обсуждение результатов исследования качества среды микрорайонов на площадках районных городских администраций (сравнительный анализ каждого микрорайона в общей картине административного района и всего города)	Исследователи, районные администрации, жители микрорайонов, представители НКО, ТОС, бизнес-организаций, городские активисты	Постпрезентационная рассылка результатов исследования представителям бизнес-организаций, ТОС. Отчет по итогам обсуждения результатов исследования в районных администрациях
Проектирование структуры паспортов развития микрорайонов и выбор ключевых параметров	Общее собрание глав районов в городской администрации при участии исследователей	Структура паспортов развития микрорайонов как результат 2-х туров обсуждений
<i>Проектно-реализационный</i>		
Разработка паспортов развития микрорайонов	Исследователи, городская администрация	Проекты паспортов развития городских микрорайонов
Модернизация паспортов развития микрорайонов	Районные администрации, эксперты	Рабочие программы реализации комплексного развития микрорайонов
Выбор, согласование с локальными резидентами и утверждение приоритетных направлений, мероприятий, градостроительных преобразований, направленных на улучшение качества среды микрорайонов ³	3) Исследовательская группа, представители городской и районных администраций, локальные резиденты	

³ Данный этап удалось реализовать в полной мере (через согласование с локальными резидентами) не во всех городских районах. В ряде районных администраций паспорта развития микрорайонов находятся в стадии корректировки.

Второй принцип подразумевает оценку жителями разработанных профессионалами проектов городского развития, а также внесение корректирующих либо альтернативных предложений. Таким образом, коммуникативные методы выступают инструментальной основой социального участия, предполагающего реализацию двух указанных принципов, которые собственно и обеспечивают управление с обратной связью. Наше авторское «преломление» классических принципов технологии социального участия осуществлялось в соответствии с этапами технологического процесса и охваченным в рамках каждого этапа коммуникативным «кругом» (спектром участников), а также расширенным функционалом (многокомпонентной деятельностью) исследовательской группы.

Новизна разработанной нами социальной технологии заключается в выстраивании многоступенчатых коммуникаций с учетом результатов предыдущих этапов работ и организации коммуникативного пространства для взаимодействия власти и городских стейкхолдеров не только на общегородском уровне (в данном случае физической площадкой для коммуникаций выступала «территория» городской администрации), но и на локальном микроуровне (в этом случае площадками для коммуникаций выступали «территории» районных администраций, в ведении которых находятся конкретные микрорайоны). На общегородском коммуникативном уровне осуществлялась серия прямых и опосредованных (в форме отчетов и «реакций» на них) взаимодействий городской администрации, исследовательской группы, экспертов, районных администраций. Эти взаимодействия «пронизывали» все этапы работы и являлись «точками сведения» промежуточных результатов. На микрокоммуникативном уровне главными участниками взаимодействия выступали районные администрации, локальные резиденты (жители микрорайонов и территориально привязанные организации), исследователи. Эти взаимодействия осуществлялись на финальных этапах работ и были направлены на согласование приоритетных направлений совершенствования качества среды микрорайонов по итогам обсуждения представленных ис-

следователями профилей микрорайонов. Главным результатом реализации многоуровневых коммуникаций, последовательно выстраиваемых с учетом поставленных для каждого технологического этапа задач, выступили проекты паспортов развития микрорайонов.

Специфической отличительной чертой нашей социальной технологии явилась организация пред- и постдиагностической работы, а также роль исследовательской группы. Преддиагностическая работа реализовывалась в формате перманентной экспертизы – диалога с заказчиком (городской администрации) и привлеченными заказчиком экспертами. Так, выбор показателей оценки качества городской среды и разработка методики исследования проходили несколько стадий корректировки: согласование внутри междисциплинарной исследовательской группы, приведение в соответствие предложенного исследователями теоретического обоснования с актуальной версией Стратегического плана развития Екатеринбурга, модификация с учетом замечаний экспертов и предложений городской администрации.

Результаты исследования территориальной дифференциации качества городской среды не просто предоставлялись заказчику в форме аналитического отчета и сопровождающих его рекомендаций (что характеризует традиционный подход к иницируемым властью социально-диагностическим исследованиям), но и обсуждались с целью выработки «согласовательных» решений на макро- и микроуровнях – в городской администрации и администрациях районов – с приглашением экспертов, представителей территориально привязанных коммерческих и некоммерческих организаций, населения (локальных резидентов). При этом обсуждение результатов осуществлялось на основе презентации средового профиля каждого микрорайона в общей картине административного района и всего города. Сравнение проводилось как по интегральным показателям качества городской среды, так и по отдельным средовым параметрам [25]. Такой подход позволил, во-первых, получить многомерное представление о качестве среды каждого микрорайона, во-вторых, увидеть позиции каждого микрорайона на общегород-

ской карте и карте административного района (в сравнении с микрорайонами-соседями), в третьих, с учетом выявленных позиций и имеющих у администрации ресурсов сформулировать ключевые направления совершенствования качества среды микрорайонов. Особое внимание при обсуждении результатов исследования территориальной дифференциации качества среды уделялось тем сферам городской жизни, которые получили максимально низкие оценки со стороны локальных резидентов, а также дефицитным услугам/сервисам пешеходной доступности. Выявленные в ходе исследования потребности резидентов в определенных услугах явились предметом «фокусировки» не только непосредственно для районных администраций, но, в значительной степени, для представителей коммерческих организаций, участвующих в обсуждениях с целью выбора перспективных ниш для развития локальных, в том числе социально-ориентированных, бизнесов.

Чрезвычайно важно отметить, что роль исследователей не ограничивалась исключительно диагностической и информирующей функциями (доведение результатов исследования до сведения властей и жителей), они в равной мере выполняли функции полноправных участников диалога (как локальные резиденты-жители конкретных микрорайонов) и координаторов-посредников коммуникативного процесса согласования потребностей жителей и возможностей властей, формируя промежуточные отчеты по результатам каждого тура обсуждения и информируя власть о «точках» напряжения, связанных с модернизацией тех или иных объектов и условий среды либо отсутствием планов такой модернизации.

Обозначенный дополнительный функционал исследовательской группы в значительной степени сближает реализованное исследование со стратегией «активного исследования», предполагающей включенность исследователя не только собственно в диагностическую работу, но и проектный, коммуникативный виды деятельности, направленные на поиск путей решения социальных проблем, согласование позиций участников и нахождение компромиссов. Данная стратегия, воплощающая идеи активистской методологии, на-

целена на изменение, преобразование определенного «фрагмента» социальной реальности путем исследования, сопровождающего и предопределяющего действие. Ее характеризует тесное взаимодействие всех участников процесса «производства» действия (на основе организованной «обратной связи») и постоянная рефлексия относительно полученных результатов – диагностических и проектных. Стратегия «активного исследования» при разработке нашей технологии была реализована посредством сочетания диагностических, коммуникативных и проектных методов, нацеленных на получение положительных преобразований в сфере развития конструктивных коммуникаций власти и горожан по поводу совершенствования качества городской среды. Исследователь здесь – не объективный сторонний диагност или консультант, а непосредственный активный участник ситуации, ее организатор и проектант, к тому же имеющий как резидент (горожанин) непосредственную заинтересованность в полученных результатах взаимодействия.

В данном случае роль исследовательской группы не может быть отнесена ни к строгой объективистской традиции научного познания, ни к клиентоориентированной традиции управленческого консультирования (пришедшей в муниципальный консалтинг из системы бизнес- и менеджмент-консультирования). В первом случае исследователь-проектант ориентирован исключительно на согласование интересов участников, занимая объективную независимую позицию и не «работая» на достижение целей какой-либо стороны (например, власти, застройщика). Во втором случае, напротив, интересы заказчика определяют порядок действий, соответственно консультант решает путем «согласования интересов» исключительно задачи, поставленные перед ним заказчиком.

Наше самоопределение в роли городского исследователя-проектанта-коммуникативного модератора в большей мере созвучно идеям Т. М. Дридзе о социальном участии, которое строится на «коммуникациях с людьми и представляющими их интересы исследователями на всех этапах разработки и реализации программ развития территорий» [26, с. 9]. Мы

полагаем, что именно такой подход позволяет в полной мере реализовать принципы «социально-ориентированного управления» (термин Т. М. Дридзе), в котором исследователь не может оставаться полностью беспристрастным объективным диагностом или модератором диалога, он – его активный участник и, что особенно важно отметить, «проводник» интересов горожан. Несмотря на то, что в работах междотраслевого научного коллектива под руководством профессора Т. М. Дридзе обосновывается методический тезис о «независимости» исследовательской группы (трактуемой как ориентация на согласование интересов участников диалога, а не на достижение целей какой-либо одной из сторон), методологическая платформа «человекоориентированности», на которой последовательно выстраивается логика всей эмпирико-диагностической и последующей коммуникативной и проектно-технологической работы, позволяет судить о том, что именно защита прав населения (человека в его среде обитания) выступает главным этическим ориентиром для такого специфического многокомпонентного вида деятельности, как городской исследователь-коммуникативный консультант-проектант.

Риски утраты полностью «независимой позиции», так или иначе, сопровождают весь проектно-технологический цикл. В одном случае, исследователь сталкивается с дилеммой узко понимаемой управленческой задачи – решение проблем заказчика (муниципальной власти, инвестора, застройщика), связанных с внедрением, сопровождением какого-либо проекта преобразования городской среды. В другом случае утрата независимой позиции происходит по причине абсолютизации правозащитных функций – здесь исследователь рискует превратиться в общественного деятеля, революционера, оппозиционера и т.д. Но если посмотреть на проблему шире, то конечным заказчиком программ городских преобразований выступает не власть или коалиция власти и бизнеса, а население, которое с разной степенью активности участвует в принятии решений по вопросам местного значения, в том числе способом делегирования своих прав в решении вопросов местной жизни органам местного самоуправления. Поэтому в

любом случае исследователь выполняет социальный заказ, вопрос лишь в том, каким образом этот заказ интерпретируется с точки зрения его истинного субъекта (заказчика) и каким образом видится конечная цель социолого-диагностического и конструктивно-коммуникативного сопровождения принятия управленческих решений. Если взглянуть на проблему еще шире – с точки зрения самоопределения социально-гуманитарной науки (в частности, социологии) в управлении социально-территориальными объектами – то трансформация ее роли от объясняющей, обслуживающей к созидательно-преобразующей возможна лишь на основе принятия ученым-исследователем позиции подлинного «включенного» гражданского участия, обусловленного, прежде всего, насущными запросами и потребностями местного населения.

На наш взгляд, неизбежное «противоречие» между объективностью научного знания и субъектностью исследователя (живущего в городе и остро чувствующего его проблемы) здесь не может быть «снято» в полной мере, его «оправдывает» лишь то, что ученые – носители знания, являясь в определенном смысле посредниками между представителями власти и населением, взаимодействуя и с теми, и с другими, имеют такие же определенные законом права на участие в управлении территорией и решение вопросов местной жизни. Кроме этого, без соединения исследовательских, коммуникативных, проектных функций с «правозащитными» (в данном случае мы используем этот термин в широком метафорическом смысле) невозможны в полной мере разработка, принятие и реализация «человекоориентированных» управленческих решений. «Гуманизация» любых преобразований городской среды предполагает не просто «внедрение» научного знания в управленческую практику, но активное многофункциональное участие исследователей в этом процессе – в качестве собственно исследователей (объективных диагностов, аналитиков), проектантов, посредников-коммуникаторов во взаимодействии городских стейкхолдеров и одновременно субъектов непосредственного социального участия в управлении развитием городской среды.

При отмеченных акцентах нашего «активистско-преобразовательного» понимания функционала исследовательской группы (который, подчеркнем, не лишен внутренней сложности и противоречивости) мы в полной мере разделяем сформулированные межотраслевым научным коллективом под руководством Т. М. Дридзе базовые целевые императивы проектно-технологической работы, направленной на сближение социального участия и социально-ориентированного управления. Среди этих императивов главными для нас выступили следующие:

1) предварительная диагностика социально значимых проблем;

2) выработка вариантов решения таких проблем на основе механизма конструктивной коммуникации заинтересованных сторон;

3) расширение коммуникативного круга путем включения в него максимально возможного количества стейкхолдеров;

4) целенаправленное обеспечение обратной диалогичной связи между взаимодействующими сторонами;

5) интеграция разных видов деятельности (исследовательской, проектной, коммуникативной, консультативной), расширяющая традиционные функции социологии в практике управления социально-территориальными объектами [19; 27].

Разработанная нами социальная технология (неотъемлемой частью которой является активная позиция исследовательской группы), также как технология прогнозного социального проектирования Т. М. Дридзе, основана на использовании комплекса взаимосвязанных диагностических и коммуникативных процедур, направленных на предотвращение управленческих решений, имеющих негативное влияние на качество жизни горожан. Как отмечает сама Т. М. Дридзе, «цель прогнозного социального проектирования состоит не в том, чтобы предсказать, что будет там, за поворотом, а в том, чтобы предотвратить за поворотом возможную беду» [27, с. 20] – имея в виду, прежде всего, градостроительные преобразования, «возмущающие» и разрушающие сложившуюся среду обитания лю-

дей. Иными словами, ключевая задача технологии прогнозного социального проектирования заключается не в прогнозе последствий неадекватных потребностям жителей управленческих решений, а в «профилактике» таких последствий – на этапе, предвещающем принятие управленческих решений.

Но в отличие от прогнозного социального проектирования, предусматривающего глубинное социально-диагностическое исследование локального «участка» городской действительности (в связи с реконструкцией, строительством определенных объектов в городских районах) и социально-проектное сопровождение планируемых преобразований (в виде согласования интересов сторон, устранения социальных напряжений и конфликтов, разработки пакета компенсационных мер для предотвращения возможных негативных последствий для жителей), разработанная нами технология предполагает несколько иной масштаб охвата и спектр решаемых задач. При микродетальном «скрининге» она охватывает все городское пространство в сравнительной перспективе, что позволяет, наряду с локальностью, «схватить» целостность территориально дифференцированной городской среды. Кроме этого, социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров нацелена на создание длительных, устойчивых коммуникативных практик, связанных не только с сопровождением (согласованием) уже запланированных градостроительных проектов, но и «взращиванием» и стимулированием участия горожан в разработке и реализации комплексных программ развития их микрорайонов.

Заключение

Разработанная и апробированная на примере Екатеринбурга социальная технология, на наш взгляд, представляет собой работоспособное инструментальное средство реализации модели соуправления в российском мегаполисе на основе формирования микролокальных режимов взаимодействия широкого спектра городских акторов по поводу совершенствования качества среды локальных внутригородских территорий (микрорайонов). Данная технология, обладая универ-

сальностью в части алгоритмики проектирования и гибкостью в части операционного наполнения, может быть применена для решения аналогичных проблем (связанных с вопросами улучшения качества городской среды) в рамках любого мегаполиса или крупного города. Мы полагаем, что «взращивание» микролокальных городских режимов, основанных на непосредственном и активном взаимодействии участников «по месту жительства», в конечном итоге будет способствовать успеш-

ному осуществлению разработанных в ходе этого взаимодействия программ развития городских микрорайонов. Кроме этого, «запущенный» на микролокальном уровне коммуникативный процесс, безусловно, не лишенный сложностей и противоречий в согласовании позиций городских стейкхолдеров, можно рассматривать как перспективный триггер для интенсификации процессов вовлечения различных групп общественности в решение проблем общегородского уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях // *Власть*. 2014. № 1. С. 90–94.
2. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // *Социологический журнал*. 2014. № 2. С. 48–71.
3. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 59–64.
4. Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2018. № 4 (25). С. 26–32.
5. Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6.
6. Шугрина Е.С. Публичные слушания и общественные обсуждения как инструмент выявления мнения населения по вопросам городского развития // *Градостроительное право*. 2019. № 4. С. 30–34.
7. Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С. Социальные практики участия населения города в местном самоуправлении // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2018. № 3 (24). С. 20–26.
8. Кудряшова Е.В., Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В. Модели коммуникативного управления в контексте формирования комфортной городской среды (на примере городов Архангельской области) // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 4. С. 191–213.
9. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть*. 2014. № 9. С. 11–12.
10. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // *Социологические исследования*. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
11. Запорожец О., Багина Я. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 269–284. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284.
12. Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // *Социологические исследования*. 2019. № 12. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250007746-3.
13. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 448 с.
14. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М. : Политиздат. 1981. 432 с.
15. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология / пер. с болг. М. : Прогресс, 1977. 250 с.
16. Марков М. Технология и эффективность социального управления / пер. с болг. М. : Прогресс, 1982. 267 с.
17. Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // *Социологические исследования*. 2007. № 3. С. 30–42.
18. Тощенко Ж.Т. Социология управления. М. :

Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300 с.

19. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : Наука, 1994. 304 с.

20. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М. : Изд-во «Экономика», 2001. 324 с.

21. Davies J.S., Imbroscio D.L. (2009). Introduction: urban politics in the twenty-first century. In: Jonathan S. Davies, David L. Imbroscio (eds.). *Theories of Urban Politics*. Second edition. London: Sage, pp. 1–15.

22. Ледаев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.

23. Нотман О.В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 86–94.

24. Geddes P. (1915). *Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics*. London: Williams & Norgate. 442 p. URL: <https://archive.org/details/citiesin-evolutio00gedduoft/page/n9/mode/2up> (accessed 15.03.2022).

25. Багирова А.П., Нотман О.В. Качество среды мегаполиса как элемент качества жизни населения: оценка территориальной дифференциации // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. URL: http://sa.vscs.ac.ru/article/29071/full?_lang=ru (дата обращения: 15.03.2022).

26. Дридзе Т.М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблема коммуникации и управленческого консультирования. М. : ИС РАН, 1999. Вып. 2. С. 8–17.

27. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах : В 2 кн. / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : Издательство Института социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Нотман Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); o.v.notman@urfu.ru.

SOCIAL TECHNOLOGY OF DEVELOPING MICROLOCAL MODES OF MUNICIPAL GOVERNMENT SUBJECTS AND URBAN STAKEHOLDERS INTERACTION

O.V. Notman^{4a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The contradicting conditions of the local self-government existence in modern Russia provide for actual search for the efficient tools for the civil society involvement in the urban development management. The purpose of the article is to introduce a social technology developed and tested in the course of designing Ekaterinburg microdistricts development programs, aimed at improving interaction processes between the municipal authorities and urban stakeholders.

The given technology is based on the author's concept of "microlocal urban modes", that is, modes of interaction between district administrations and intracity territories residents (organizations and population). The novelty of the proposed social technology is in building consecutive multi-level communications

⁴RSCI AuthorID: 397903, ORCID: 0000-0002-3393-9933, ScopusID: 57200194835, ResearcherID: C-9914-2018

with consideration for the diagnostic screening of the urban microdistricts environment quality, together with a communication space arrangement for the authorities and urban stakeholders interaction, not only citywide but also at local microlevel.

Following the results of the social technology evaluation, its key principles have been formulated: 1) integration of the results of empirical diagnostics and multi-subject "coordinating" communications aimed at developing programs to improve the urban microdistricts environment quality; 2) organization of the city actors interaction in a multi-level communication space, involving direct and reverse communications between the city administration, district administrations, researchers, experts and local residents; 3) using a set of interrelated procedures providing for informed decision-making, considering objective and subjective information on the urban environment quality, and involving the post-diagnostic comparative analysis and discussion of microdistricts environmental profiles; 4) combining traditional research functions (diagnostic, analytical) with moderator, consultative, project functions, allowing for the "activist-transformative" strategy implementation for the research group participation; 5) interaction participants self-training, which contributes to the mutual awareness growth.

The conclusion is made that "cultivation" of the microlocal modes of city actors interaction regarding the local territories environment quality improvement will contribute to the intensification of processes of various public groups involvement in solving problems at the city level.

FUNDING: The article is supported by the Council on grants of the President of the Russian Federation for State Support to Leading Scientific Schools of the Russian Federation (project SS-1327.2022.2).

KEYWORDS: social technology, microlocal urban mode, urban stakeholders interaction, social participation, urban environment, urban microdistricts, district administrations, local residents.

FOR CITATION: Notman O.V. (2022). Social technology of developing microlocal modes of municipal government subjects and urban stakeholders interaction, *Management Issues*, no. 2, pp. 61–75.

REFERENCES

1. Maykova E.Yu., Simonova E.V. (2014). Civil participation of the population as a factor in the development of local self-government in Russian municipalities, *Power*, no. 1, pp. 90–94.
2. Sedova N.N. (2014). Civil activism in modern Russia: formats, factors, social base, *Sociological Journal*, no. 2, pp. 48–71.
3. Frolova E.V. (2016). The interaction of the population and local authorities: problems and new opportunities, *Sociological studies*, no. 4, pp. 59–64.
4. Vasilyeva E.I., Guselnikova O.Yu. (2018). Problems of development of local government, *Municipality: Economics and Management*, no. 4 (25), pp. 26–32.
5. Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereschagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V. (2021). The formation of a comfortable urban environment: the problems of interaction between society and the authorities in the implementation of priority projects at the municipal level of management, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 14, no. 1, pp. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6.
6. Shugrina E.S. (2019). Public hearings and public discussions as an instrument for identifying the opinion of the population on urban development, *Urban Planning Law*, no. 4, pp. 30–34.
7. Zerechaninova T.E., Tarbeeva I.S. (2018). Social practices of participation of the city in the local self-government, *Municipality: Economics and Management*, no. 3 (24), pp. 20–26.
8. Kudryashova E.V., Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereschagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V. (2020). Models of communicative management in the context of the formation of a comfortable urban environment (on the example of cities of the Arkhangelsk region), *Issues of state and municipal administration*, no. 4, pp. 191–213.
9. Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. (2014). Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation, *Power*, no. 9, pp. 11–12.
10. Petukhov V.V. (2019). Civil participation in modern Russia: the interaction of political and social practices, *Sociological research*, no. 12, pp. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
11. Zaporozhets O., Bagina Ya. (2021). Power of hopes: defending infrastructure in new urban areas, *Journal of Social Policy Research*, vol. 19, no. 2,

pp. 269–284. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-2-269-284.

12. Semenov A.V. (2019). Roots of grass: Patterns of the lower urban mobilization in Russia, *Sociological studies*, no. 12, pp. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250007746-3.

13. Popper K.R. (1992). Open society and its enemies. Moscow: Feniks, International Foundation “Cultural Initiative”. Vol. 1. 448 p.

14. Afanasyev V.G. (1981). Society: systematic, cognition, management. Moscow: Politizdat. 432 p.

15. Stefanov N. (1977). Social Sciences and Social Technology. Moscow: Progress. 250 p.

16. Markov M. (1982). Technology and the effectiveness of social management. Moscow: Progress. 267 p.

17. Scherbina V.V. (2007). Sociological and diagnostic technologies in management: theoretical and methodological aspects of development and application, *Sociological studies*, no. 3, pp. 30–42.

18. Toschenko J.T. (2011). Sociology of management. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 300 p.

19. Dridze T.M. (ed.) (1994). Forecast social design: theoretical, methodological and methodological problems. Moscow: Science. 304 p.

20. Ivanov V.N., Patrushev V.I. (2001). Innovative social technologies of state and municipal administration. Moscow: Publishing House “Economika”. 324 p.

21. Davies J.S., Imbroscio D.L. (2009). Introduction: urban politics in the twenty-first century. In: Jonathan S. Davies, David L. Imbroscio (eds.). *Theories of Urban Politics*. Second edition. London: Sage, pp. 1–15.

22. Ledyayev V.G. (2012). Sociology of power. The theory and experience of empirical investigation in urban communities. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 472 p.

23. Notman O.V. (2021). Prospects for the implementation of the co-management model in Russian megacities: new civil activism and microlocal city regimes, *Bulletin of the University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, no. 2 (62), pp. 86–94.

24. Geddes P. (1915). Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. London: Williams & Norgate. 442 p. URL: <https://archive.org/details/citiesin-evolutio00gedduoft/page/n9/mode/2up> (accessed 15.03.2022).

25. Bagirova A.P., Notman O.V. (2021). The quality of the medium of the metropolis as an element of the quality of life of the population: assessment of territorial differentiation, *Social space*, vol. 7, no. 4. URL: http://sa.vsc.ac.ru/article/29071/full?_lang=ru (accessed 15.03.2022).

26. Dridze T.M. (1999). Social administration and social communication at the turn of the XXI century: to overcome the paradigmatic crisis in sociology. In: In the context of conflictology: the problem of communication and managerial counseling. Moscow: IS RAS. Issue 2, pp. 8–17.

27. Dridze T.M. (2000). Two new paradigms for social cognition and social practice: In: Dridze T.M. (ed.) *Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms*. In 2 vol. Moscow: Publishing house of the Institute for Sociology of RAS. Book 1, pp. 5–42.

AUTHORS' INFORMATION:

Ol'ga V. Notman – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); o.v.notman@urfu.ru.

ПРИОРИТЕТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ПО ЛИНИИ «ГОРОД – СЕЛО»

С.А. Кожевников^{1а}, С.С. Патракова^{2а}

^аВологодский научный центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Дезинтеграция экономического пространства является одной из главных проблем Российской Федерации на современном этапе развития. Проявляется она в разрушении меж- и внутрирегиональных хозяйственных связей, пространственной сжатии освоенных ранее территорий, усилении диспропорций и асимметрии в качестве жизни населения и уровне инфраструктурной обустроенности. Решение обозначенной проблемы обуславливает необходимость развития концептуальных основ и совершенствования методического инструментария обеспечения пространственной интеграции страны на меж- и внутрирегиональном уровнях.

Цель статьи – обоснование приоритетных направлений и инструментов обеспечения пространственной интеграции России на внутрирегиональном уровне по линии «город – село». В ходе исследования определено, что значение сельско-городской интеграции заключается в укреплении хозяйственных, социально-экономических, культурных связей, объединении потенциалов, ресурсов и производительных сил территорий, что вкуче позволяет преодолевать дезинтегрированность регионального пространства.

На основе бенчмаркинга зарубежного и отечественного опыта разработан ряд приоритетных направлений для развития внутрирегиональной пространственной интеграции в РФ по линии «город – село»: повышение связанности городской и сельской экономики, развитие связующей инфраструктуры, развитие культурных связей между городской и сельской местностью. Определено, что в целях повышения степени интегрированности узловых и внеузловых форм организации пространства в России необходим ряд изменений в системе государственного управления территориальным развитием, касающихся, прежде всего, разработки концептуальных основ интегрированного сельско-городского развития, повышения степени децентрализации полномочий, создания институтов финансовой и консультационной поддержки. Полученные результаты могут быть использованы в целях совершенствования национальной и региональной политики в области социально-экономического развития, а также при дальнейшем развитии отдельных аспектов тематики исследования.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2099.2020.6 «Механизмы управления пространственной интеграцией экономики регионов Европейского Севера России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическое пространство, городская местность, сельская местность, внутрирегиональная интеграция, партнерство, кооперация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кожевников С.А., Патракова С.С. Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село» // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 76–90.

¹AuthorID РИНЦ: 216155, ORCID: 0000-0001-9063-6587, ResearcherID: I-8373-2016

²AuthorID РИНЦ: 1039205, ORCID: 0000-0002-4834-3083, ResearcherID: B-5054-2019

Введение

Усиление интереса к регулированию сферы пространственного развития в России обусловлено действием ряда факторов. В их числе можно выделить такие как: изменение нормативно-правовых аспектов деятельности, связанной со стратегическим планированием, трансформацию внешнеполитических условий и макроэкономических факторов, обострение социально-экономических проблем РФ, связанных с низким уровнем и качеством жизни, сохранением ресурсно ориентированного характера экономики и разрушением межрегиональных и внутрирегиональных связей, о чем свидетельствуют исследования современных ученых (см. [1; 2]).

Однако, несмотря на пристальное внимание общества к вопросам пространственного развития России и наличие значительного объема отечественной и зарубежной литературы по соответствующей тематике, в российской практике довольно слабо используются инструменты и механизмы управления пространственным развитием, в т. ч. пространственной интеграцией.

Как результат, к настоящему времени территориальные диспропорции в уровне социально-экономического развития и качестве жизни населения приобрели небывалый размах. Так, валовой региональный продукт на душу населения в 2019 г. в Ненецком автономном округе в 52 раза превысил уровень Республики Ингушетия и в 11 раз среднероссийский уровень; в то же время разница медианного уровня денежных доходов населения составила 4,2 и 2,2 раза соответственно. Вместе с тем и на внутрирегиональном уровне диспропорции в России не менее значительны. Например, в 2019 г. в муниципальных образованиях Вологодской области отношение максимальных и минимальных значений объёма инвестиций в основной капитал на 1 жителя достигло 573,6 раз. Как отмечено в [3, с. 44], опыт многих стран демонстрирует, что неоднородность экономического пространства является одной из центральных проблем на пути устойчивого развития регионов.

Эти и многие другие факторы свидетельствуют о необходимости решения проблемы несбалансированности пространственного развития страны и дезинтеграции ее пространства.

Цель настоящей статьи заключается в обосновании приоритетных направлений и инструментов обеспечения пространственной интеграции России на внутрирегиональном уровне по линии «город – село».

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области пространственной и региональной экономики, экономической географии, международной и региональной интеграции. В качестве источников информации использовались официальные сайты Росстата, органов государственной и муниципальной власти, а также нормативно-правовые акты и аналитические отчеты по вопросам формирования и осуществления политики социально-экономического и пространственного развития в странах Европейского Союза, КНР, России. В работе использовались методы обобщения, сравнительного анализа и синтеза, аналогии, бенчмаркинга.

Теоретико-методологические основы развития внутрирегиональной пространственной интеграции

Слово «интеграция» происходит от латинского слова «integer», что дословно означает «целый». То есть, интеграция, по сути, предполагает образование некоего самостоятельного целого объекта из совокупности отдельных частей. В свою очередь экономическая интеграция в наиболее общем смысле подразумевает под собой процесс объединения и взаимодействия отдельных экономических агентов на различных уровнях: микро-, мезо-, макроуровнях³.

Стоит отметить, что единого и общепринятого подхода к толкованию термина «экономическая интеграция» среди ученых не сложилось: научные дискурсы развиваются в рамках нескольких направлений (неолиберального, дирижизма, федерализма и т.д.). Однако среди этих направлений значительно мало

³При этом необходимо понимать, что в зависимости от целей проводимых исследований интеграция может рассматриваться не только как динамический процесс, но и как состояние (состояние отсутствия различных форм дискриминации между национальными хозяйствами; согласно концепции Б. Баласса [4]).

тех, которые бы комплексно объясняли процессы интеграции региональных социально-экономических систем с точки зрения пространственного подхода (когда регион рассматривается не как точка, а как система, имеющая внутреннее пространственное измерение) [5, с. 340]. В связи с этим развитие концептуальных основ управления пространственной интеграцией является актуальной научной задачей.

Сравнительный анализ и обобщение положений научных теорий интеграции, а также публикаций ведущих ученых в области пространственной и региональной экономики, межрегиональной экономической интеграции (П. А. Минакира, В. Н. Лаженцева, Е. А. Колодиной и других [6–11]) позволяют сделать вывод, что «пространственная интеграция регионов является управляемым полифакторным процессом, характеризующимся ростом связности и сближением сегментов экономического пространства вследствие увеличения масштабыности и интенсивности экономических, социальных, культурных и других контактов между его элементами, в результате которого возникает новая система с новым качеством» [5, с. 340].

В свою очередь процесс внутрирегиональной интеграции заключается в повышении и укреплении связности отдельных частей региона (например, районов, городов и деревень). И в настоящее время для России, как и для зарубежных стран особую актуальность приобретает задача обеспечения пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне между городской и сельской местностью, повышения их территориальной сплоченности и

связности. Обусловлено это переходом в науке и практике от противопоставления села и города (в рамках контрастного, дискретно-дихотомического подхода [12, с. 53–54]) к рассмотрению их во взаимосвязи и взаимозависимости (в рамках концепций сельско-городского континуума, глобального сотрудничества).

В целом можно отметить, что существующие между городом и селом социально-экономические связи, являющиеся основной предпосылкой для их интеграции, весьма разнообразны. С. Таколи [13, с. 147] выделяет такие укрупненные категории, как связи в пространстве (потоки людей, товаров, денег и др.) и связи между секторами экономики (прямые и обратные связи между сельскохозяйственными и несельскохозяйственными секторами). К. Линч, классифицируя сельско-городские связи, делает акцент на их двунаправленности: «от села к городу» и «от города к селу» (табл. 1).

Несмотря на некоторые различия в классификации видов связей, ученые сходятся во мнении, что именно в развитии разнонаправленных взаимодействий узловых и внеузловых форм организации пространства скрыт потенциал устойчивого социально-экономического и сбалансированного пространственного развития современного общества.

Как свидетельствует теория и практика, интеграция села и города, развитие между ними связей⁴ и партнерских отношений, преодоление конфликтов интересов, невозможны без непосредственного участия органов власти, бизнес-структур, некоммерческих организаций и населения. Соответственно, наиболее распространенными формами партнер-

Таблица 1 – Типовые сельско-городские связи
Table 1 – Typical rural-urban relationship

Тип связей	Направление	
	Сельская местность – городской	Городская местность – сельской
Ресурсно-экологические	Вода, энергия, полезные ископаемые и т.п.	Загрязнение окружающей среды
Миграционные	Трудовая, учебная миграция	Возвратная, пенсионная миграция
Продовольственные	Свежие продукты питания и сельхозпродукция	Переработанная продукция (продукты питания, промышленные товары и др.)
Денежные	Сбережения	Инвестиции
Идеологические	Крестьянизация, рурализация	Культурная урбанизация

Составлено с опорой на К. Линч [14, с. 6].

⁴Имеются ввиду именно устойчивые, повторяющиеся в течение определенного периода связи, которые имеют несколько иной характер, чем случайные.

ских отношений между городской и сельской местностями как в России, так и за рубежом являются межмуниципальные (горизонтальные и вертикальные) сотрудничества, государственно-частные и муниципально-частные партнерства, производственные и потребительские кооперации, ассоциации, советы и другие формы, в которых предполагается участие всех или части из обозначенных сторон.

Однако особую роль в развитии всех форм сельско-городских партнерств играет деятельность органов государственной, региональной, муниципальной власти, которые выполняют преимущественно функции инициаторов и координаторов интеграционных процессов.

Так, в Австрии в целях стимулирования межмуниципального сотрудничества, в т. ч. сельско-городского, в столичной области Штирия было создано Региональное агентство по управлению (RMA). В наиболее общем смысле RMA может быть определена как сервисно-ориентированная посредническая организация, которая действует как генератор идей, советник, модератор и проводник процессов регионального развития [15, с. 11].

В России в целом отсутствуют институты развития сельско-городской интеграции, инструменты государственной поддержки и стимулирования развития взаимодействий сельских и городских районов. Однако возможность создания сельско-городских партнерств как одной из форм интеграционных объединений закреплена в ст. 8 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В наиболее общем виде можно выделить два подхода к интеграции пространства города и села:

- 1) организация формальных (прямых) партнерских отношений посредством заключения контрактов, соглашений и т.п.;
- 2) организация, неформальных (непрямых) партнерских отношений⁵.

Такое разделение, как полагают представители ОЭСР, обуславливается различием инструментов оказания государственной под-

держки, временных периодов достижения целей и другими причинами.

Так, основными способами поддержки развития формальных партнерств в ОЭСР признаются: устранение разрозненности в сельской и городской политике, поиск и выявление источников финансирования, улучшение качества и доступности информации по сельским и городским районам и др. Для неформальных: политическая поддержка партнерств, правовая и нормативная политика, способствующая развитию партнерств между сельскими и городскими районами, создание стимулов для сотрудничества, а также отказ от практик, признаваемых неэффективными, и др.

На развитие интеграционных процессов между городской и сельской местностью влияет большое количество внешних и внутренних факторов, которые либо стимулируют развитие партнерских отношений, либо создают барьеры на пути.

К факторам, способствующим развитию сельско-городских партнерств, могут быть отнесены: понимание обществом взаимозависимости и взаимосвязанности развития сельских и городских районов; наличие четких целей и задач, видение перспектив развития территорий; наличие институциональных, экономических, инфраструктурных основ для интеграции и т.д.

К факторам, препятствующим развитию сельско-городских партнерств, могут быть отнесены: нормативные, политические, культурные барьеры; недостаток доверия между сторонами-участникам; низкая вовлеченность частного сектора, государственных органов власти и других ключевых участников и др. Для России (особенно северных ее территорий) значительное негативное влияние также оказывает разреженность городских опорных поселений, концентрирующих в себе ресурсы развития и являющихся центрами роста для окружающих их сельских территорий.

В целом, несмотря на выбранную форму и подход к развитию сельско-городской интеграции, выгоды от реализации совместных проектов и выработки общей политики в раз-

⁵Governing rural-urban partnerships: lessons from the field // OECD. URL: <https://www.oecd.org/cfe/regionaldevelopment/Session%20III%20presentations.pdf>

личных сферах (общественный транспорт, инфраструктура, туризм и др.) заключаются в:

– укреплении и эффективном использовании сильных сторон потенциалов урбанизированных и неурбанизированных территорий;

– повышении уровня и качества жизни как городского, так и сельского населения;

– снижении взаимной конкуренции между территориями и объединении ресурсов для развития;

– двусторонней передаче знаний, информации и опыта, снижении трансакционных издержек и т.д.

Кроме того, как отмечают А. В. Никифоров и Т. Е. Кузнецова, «единая интеграционная структура „город – село“ создает возможности для выравнивания характера труда и социального типа работника в промышленности и сельском хозяйстве» [16, с. 188], что являлось актуальной задачей для России еще в советский период.

Развитие внутрирегиональной интеграции по линии «город – село»: отечественный и зарубежный опыт

В работе сотрудников Центра политико-экономических исследований ИЭ РАН [16] доказано и обосновано, что процесс интеграции был признан как перспективное направление развития города и села в России относительно недавно. Между тем, характер и особенности современных взаимосвязей села и города в значительной степени определяются не текущей мировой повесткой, а последствиями проводимой в советский период политики государственного регулирования, спецификой индустриализации экономики СССР, и, в частности, отголосками реформ 90-х гг. XX вв. Как отмечено в [16, с. 192], «интеграция города и села приобрела своеобразные, а часто и уродливые формы, не отвечающие потенциалу ни того, ни другого. Этот процесс в ряде случаев можно охарактеризовать как своего рода антиинтеграцию».

Исходя из вышеизложенного следует, что в научном сообществе довольно четко осознается необходимость и актуальность развития

интеграции городской и сельской местности России. В то же время в сфере государственного управления этому вопросу не уделяется должного внимания.

Так, в настоящее время в России отсутствуют государственные институты развития территориальных, в т. ч. сельско-городских, партнерств как таковые, отсутствуют методические рекомендации по общим вопросам такого сотрудничества, в том числе в сферах жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, социальной защиты и других. Ряд перспективных форм и инструментов развития сельско-городской интеграции используется не используется ввиду барьеров и проблем организационного характера.

Например, не используются инструменты развития сельско-городских взаимодействий в рамках агломераций. Так, размещенный в сентябре 2020 г. на портале проектов нормативно-правовых актов⁶ федеральный закон «О городских агломерациях» уже год находится в стадии проекта. В то же время его оперативное принятие обеспечило бы правовые условия для развития сельско-городского сотрудничества в границах городских агломераций. Современная ситуация такова, что законодательство хотя и не запрещает процессы образования и развития агломераций, но и не содействует им⁷.

В контексте реализации мероприятий различных государственных программ и проектов (например, госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий») не предусматривается возможность подачи совместных заявок от нескольких муниципалитетов. Хотя посредством подачи общих заявок, совместного финансирования и объединения административных ресурсов могут быть более эффективно решены общие для муниципалитетов проблемы (например, строительство межмуниципального детского сада, межмуниципального дома культуры).

Однако главным барьером на пути развития внутрирегиональной интеграции по линии «город – село» является отсутствие в России в целом концептуальных, стратегических

⁶Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

⁷Георгиева Т.П. Агломерации в России: когда практика опережает теорию // Бюджет.RU. URL: <http://www.budget.ru/article/295543.php>.

основ развития территориального сотрудничества, в то время как в большинстве зарубежных стран межтерриториальное (в т.ч. сельско-городское) сотрудничество является основой политики социально-экономического и пространственного развития.

Так, в КНР скоординированное городско-сельское развитие было объявлено национальной политикой с 2003 г. Первостепенная цель этой политики заключалась в обеспечении более эффективной и справедливой урбанизации, приносящей пользу как городским, так и сельским районам путем облегчения передвижения людей, товаров, капитала и услуг и сокращения разрыва между городом и деревней в доходах, государственных услугах, инфраструктуре и производительности и т.д. При этом в настоящее время в этой области разработана новая концепция интегрированного городского и сельского развития Китая, направленная на интеграцию «двойной» сельско-городской экономики в единую.

Как отмечают исследователи [17], успех Китая в сфере интеграции города и села в значительной мере обусловлен тем что, доходы и полномочия децентрализованы не только между национальными и субнациональными правительствами, но и между разными административными уровнями (провинциями, городами, округами и др.).

В странах Европейского союза с 1980-х гг. реализуется т.н. политика сплочения (*Cohesion Policy*), целью которой является укрепление экономической, социальной и территориальной сплоченности в Евросоюзе, устранение дисбалансов между странами, регионами, территориями. Стоит отметить, что к реализации политики сплочения присоединились также страны, не являющиеся членами ЕС, например, Норвегия. На реализацию политики в 2014–2020 гг. направлялись порядка 1/3 бюджета ЕС из трех фондов (Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд, Фонд сплочения), а также государственные и частные национальные взносы.

В целом политика реализуется исходя из таких принципов, как:

– предметная, территориальная и финансовая концентрация усилий (достигается путём выбора ограниченного количества направле-

ний деятельности, отбора нуждающихся районов согласно специально устанавливаемым критериям, вложения средств в наиболее нуждающиеся районы и приоритетные направления);

– комплексный многолетний программный подход;

– партнёрство властей на всех уровнях;

– дополнительность финансового вклада ЕС (использование средств фондов в дополнение к национальным ресурсам, но не вместо них) [18].

Однако говорить о полном отсутствии инструментов развития внутрирегиональной интеграции по линии «город – село» всё же нельзя. В российской практике к их числу можно отнести, например:

1. Межмуниципальное сотрудничество, механизмы реализации которого закреплены в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131 (образование межмуниципальных объединений, учреждение хозяйственных обществ и других межмуниципальных организаций и т.д.) и Бюджетном кодексе РФ (предоставление горизонтальных субсидий и иных межбюджетных трансфертов местным бюджетам из местных бюджетов, которые могут использоваться для совместного выполнения полномочий несколькими муниципальными образованиями).

2. Развитие кластерных объединений (промышленных, инновационных и т.д.) с участием органов власти, бизнеса, некоммерческих организаций и гражданских сообществ, регулируемых Постановлениями Правительства от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров», от 27.12.2019 № 1863 «О требованиях к промышленным технопаркам и УК» и рядом других нормативно-правовых актов.

3. Развитие кооперационных объединений в сфере производства и потребления (в соответствии с федеральными законами от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» и др.).

4. Институты государственно-частного и муниципально-частного партнерства, нацеленные на долгосрочное партнерство органов

Таблица 2 – Российская и зарубежные модели поддержки взаимодействий и развития интеграции между городской и сельской местностью

Table 2 – Russian and foreign models for supporting interactions and developing integration between urban and rural areas

Признак	Россия	Страны ЕС	КНР
1. Законодательное оформление концептуальных основ взаимодействий городских и сельских районов	Концептуальные основы и актуальность развития взаимодействий между городской и сельской местностью не отражены в федеральных стратегиях и концепциях как приоритетные стратегические направления.	Концептуальные основы сельско-городского взаимодействия закреплены в программах Европейского территориального сотрудничества, хартиях, национальных стратегиях и программах стран Евросоюза.	Скоординированное и интегрированное городско-сельское развитие объявлено национальной политикой.
2. Подход к организации сотрудничества («сверху-вниз» или «снизу-вверх»)	Организация сотрудничества чаще осуществляется «снизу-вверх», т.к. цели, задачи, формы не заданы вышестоящими уровнями управления, а проекты являются инициативой «снизу» в рамках межмуниципального сотрудничества, государственно-частного и муниципально-частного сотрудничества.	Используются оба подхода к организации сельско-городского сотрудничества. Так, подход «сверху-вниз» характерен, например, для Франции, Германии, Италии. Подход «снизу-вверх» реализуется, например, в политике Испании, Австрии.	Используются оба подхода к организации сотрудничества между городскими и сельскими районами.
3. Составляющие механизма управления сотрудничеством сельских и городских районов	Формы: отсутствуют (нет стратегий, концепций, программ, проектов). Методы: административные, экономические, информационные. Инструменты: нормативно-правовое регулирование (нормативно-правовые акты в сфере межмуниципального сотрудничества, ГЧП и МЧП), формирование особых экономических зон, функциональных парков, создание кластеров, объединяющих города и прилегающие к ним сельские территории, межмуниципальное сотрудничество в договорной, ассоциативной и хозяйственной формах.	Формы: стратегии и планы, программы, проекты развития. Методы: административные, экономические, информационные. Инструменты: преимущественно сочетание финансовых (софинансирование проектов развития сельско-городских партнерств) и институциональных (создание институтов развития, координационных советов, ассоциаций, агентств) инструментов; также применяются инструменты нормативно-правового регулирования.	Формы: стратегии и планы, проекты. Методы: административные, экономические, информационные. Инструменты: преимущественно сочетание инструментов административно-правового регулирования (нормы, НПА и др.), в т.ч. в сфере землепользования, и финансовых (компенсации за переселение сельских жителей, финансирование развития сельской инфраструктуры и др.).

Составлено авторами на основе: [19–22]⁸.

власти и бизнеса (деятельность регулируется Федеральным законом от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»).

В целом система поддержки взаимодействий и развития интеграции между городской и сельской местностью в России и за рубежом отличается по ряду аспектов (табл. 2).

Актуальные направления обеспечения интеграции между городской и сельской местностью в России

В современных условиях развитие интеграционных взаимодействий между городской и сельской местностью в России должно исходить из учета природно-климатических и экономико-географических особенностей, внутреннего потенциала этих территорий, национальных целей и приоритетов, а также миро-

⁸Rural-urban partnerships. An integrated approach to economic development. OECD Rural Policy Reviews. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/58c775b8-b7ac-4817-bca8-d9ba4bd08672>. Partnership for sustainable rural-urban development. Existing evidences: Exectutive summary. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/9e74648a-8c94-4c24-8ea4-f73d0f0570a1/language-en/format-PDF/source-search>. Partnership for sustainable rural-urban development. Existing evidences: final report. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/21ba8cd7-7436-4347-bf62-2f179a0e8747/language-en/format-PDF/source-search>.

вой повестки в области устойчивого развития, изменений климата и т.д. При этом сельско-городские связи должны быть нацелены не только на решение общих проблем путем объединения усилий и ресурсов, но и на обеспечение комплексного роста и развития территорий.

Для России актуальными, на наш взгляд, являются три направления интеграции сельских и городских территорий.

1. Повышение связанности городской и сельской экономики.

В контексте повышения связанности городской и сельской экономики актуальными являются такие направлениями, как:

– *удлинение существующих цепочек создания добавленной стоимости посредством развития экономической (производственной, сбытовой и др.) кооперации городских и сельских производителей, переноса в сельскую местность отдельных стадий производственных процессов.*

На практике удлинение цепочек создания добавленной стоимости предполагает кооперацию в пределах одной области нескольких городских и сельских предприятий, используя общие рамочные условия, общие административные структуры и совместный маркетинг, инфраструктуру и другие ресурсы. При этом, с одной стороны, за счет отсутствия промежуточных дистрибьюторов повышается экономическая эффективность деятельности предприятий, с другой – создается региональный продукт с более высокой добавленной стоимостью, повышается связность территорий.

Стоит отметить, что необходимость развития сельско-городских связей диктуется и мировой повесткой: распространение новой коронавирусной инфекции Covid-19 в разы усилило интерес не только населения к т.н. «загородной» жизни, но и предприятий к переносу своих производств за границы городов. Так, проведенный в августе 2020 г. опрос 375 предприятий с зарегистрированной в Токио штаб-квартирой показал, что 26 % из них рассматривают возможность офшоринга⁹ или переноса своих штаб-квартир из столицы на перифе-

рию (12 % из них рассматривали этот вопрос еще до пандемии, 14 % – начали изучать этот вопрос в связи с ее началом)¹⁰. В России примеры выноса в сельскую местность отдельных предприятий (с высокой добавленной стоимостью, инновационных, высокотехнологичных) фиксируются в основном в центральных регионах, где агломерационные эффекты город-миллионников, развитая инфраструктура и другие факторы «второй природы» позволяют жить и работать также комфортно, как и в городе.

– *переход к высокотехнологичному круговому (циркулярному) сельскому хозяйству, подразумевающему поиск методов и технологий, минимизирующих потребление ограниченных ресурсов, стимулирующих повторное использование и переработку ресурсов (в т.ч. городских отходов) и т.д.*

Несмотря на то, что территории России характеризуется довольно сложными природно-климатическими условиями, за исключением черноземной зоны, сельское хозяйство было и остается одной из главных отраслей, удовлетворяющих нужны и сельского (в рабочих местах) и городского (в продуктах питания) населения. Развитие отраслей АПК на новой технологической основе и новых принципах (в т.ч. экологичности) в целом будет способствовать концентрации целого ряда обслуживающих и перерабатывающих предприятий в малых и средних городах и сельских населенных пунктах, развитию систем транспортных и информационных связей, повышению роли больших и крупных городов в создании материальной, научной, информационной базы для модернизации сельского хозяйства. То есть в целом будет способствовать повышению связанности села и города в рамках решения задачи модернизации отдельной отрасли.

Примером успешной реализации инициатив по интеграции села и города на основе перехода к циркулярному сельскому хозяйству является завод по производству экологически чистых минеральных удобрений в Нидерландах «De Groene Mineralen Centrale», в рамках

⁹Офшоринг — аутсорсинг, при котором происходит перенос бизнес-процессов с одной территории на другую.

¹⁰Questionnaires conducted by MLIT in August 2020 to listed enterprises that have headquarters in Tokyo. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2577134c-en/index.html?itemId=/content/component/2577134c-en#section-d1e10464>.

которого была объединена переработка органических отходов городского и сельского происхождения.

– ориентация потребителей из городской местности на потребление продукции местных сельских производителей, повышение ценности сельских товаров.

Органы власти и местного самоуправления могут сыграть значительную роль в реализации направления посредством организации госзакупок продукции местного производства, т.е. путем непосредственного влияния на повышение спроса в рамках действующего законодательства. Например, посредством закупки с ферм и сельских агропредприятий продуктов для организации питания в школах, детских садах, больницах и других социальных учреждениях, концентрирующихся преимущественно в городах. Примеры подобных инициатив есть не только за рубежом (проект «Еда – это жизнь» в Австрии), но и России (проект «Социальная органика» компании «Органик Эраунд» в Ставрополье).

– развитие и диверсификация сельской экономики посредством размещения на селе предприятий отдельных отраслей / секторов, нацеленных на удовлетворение нужд горожан.

Среди таких отраслей и секторов можно выделить сельский туризм (экотуризм, фольклорный), который активно развивается в районах с высоким рекреационным потенциалом. Как правило, сельский туризм маломасштабен, но в период распространения пандемии считается хорошей альтернативой стандартному коммерческому массовому туризму и позволяет удовлетворить потребности горожан в отдыхе.

Также стоит отметить возможность развития партнерства городских и сельских территорий в области производства возобновляемых источников энергии. Так, сельские территории, исходя из масштабов занимаемых ими площадей, обладают всеми необходимыми условиями для размещения на их территориях производственных площадок, световых панелей, ветряных мельниц и другого оборудования. В свою очередь растущие города представляют собой оптимальные рынки сбыта электроэнергии. К настоящему времени в Европе уже реализован ряд соответствую-

щих инициатив (например, в сотрудничестве с местными предпринимателями в муниципалитетах Нидерландов были построены солнечные парки). Однако в России подобная практика не получила распространение.

2. Развитие связующей инфраструктуры.

Особое внимание в контексте поддержания и развития интеграции сельских и городских территорий имеет развитие связующей транспортной, информационно-коммуникационной, инженерной инфраструктуры. Этот важный для развития связей между городами и сельскими районами аспект направлен на расширение доступа сельских предприятий к новым рынкам и их интеграцию в региональные производственно-сбытовые цепочки, повышение мобильности людей, товаров, услуг, информации, развитие торговли. Качественная сельская инфраструктура считается одним из факторов привлечения населения в сельскую местность и его последующего удержания, снижения плотности жителей городов.

3. Развитие культурных связей между городской и сельской местностью.

Сельские и городские районы имеют как общие, так и различные культурные особенности, которые ценятся местными жителями и туристами. Так, в современном мире крупные и большие города являются местом концентрации продуктов урбанизированной культуры (концерты, музеи, развлекательные центры и т.п.), которые не могут быть полностью или частично быть перенесены в сельскую местность. В свою очередь сельские районы ввиду их самобытности и близости к природе являются центрами физической и моральной рекреации для горожан.

В современном мире развитие культурных связей между городской и сельской местностью подразумевает не только организацию различного рода мероприятий в сельской местности (фестивали традиционной песни и танца, культурный туризм, гастрономические туры, например), но и реализацию совместных исследовательских, образовательных проектов. Ярким примером здесь служит французская деревня Меллионек, где с 2006 г. проводились фестивали документального кино, организованные местной неправительственной организацией «Tu films». С годами популяр-

ность проекта выросла, в деревне была основана резиденция для кинематографистов, стали проводиться образовательные семинары для молодежи и реализовываться другие связанные проекты. В 2016 г. деревня была избрана региональным центром документального кино региональной администрацией Бретани, а с 2017 г. Университет Западной Бретани включил в учебную программу получения степени бакалавра и магистра документального кино четыре недели практической «полевой» работы, под руководством «Tu Films».

Таким образом, как показывает зарубежный опыт, потенциальных сфер для развития взаимодействий между городской и сельской местностью множество. Выбор конкретного направления и проекта должен осуществляться исходя из анализа имеющегося потенциала территорий, общих целей, учета текущих и перспективных внешних условий, возможностей и угроз.

Совершенствование механизма обеспечения внутрирегиональной интеграции по линии «город – село» в России

Как свидетельствует анализ зарубежного опыта, развитие партнерских отношений между городом и селом (между их основными субъектами: органами власти, бизнес-структурами, некоммерческими организациями, гражданским обществом в сферах экономики, политики, защиты окружающей среды и т.д.) и повышение внутрирегиональной интеграции пространства России требует наличия определенной системы государственного управления: разработки институтов, принципов, направлений, инструментов, нормативно-правовой базы и т.д. Создание такой системы в российских реалиях должно быть инициировано и поддержано «сверху», т.е. федеральными органами власти, в то время как полномочия, касающиеся непосредственной реализации проектов сотрудничества, следует передавать органам региональной власти и местного самоуправления.

Полагаем, что основы (цели, приоритеты, механизмы) развития межтерриториальных взаимодействий в России должны быть формализованы на уровне федерации в виде отдельной концепции или одного из приоритетных направлений Стратегии простран-

ственного развития Российской Федерации до 2025 г. Главной целью данного шага должно стать нормативно-правовое закрепление в политике территориального и пространственного развития России ориентира на развитие взаимовыгодного, сбалансированного, долгосрочного сотрудничества территорий (в т.ч. по линии «город – село»). По своей сути это утвердит переход во внутренней политике от философии соперничества «все против всех» к модели сотрудничества, учитывающей потенциал, сильные и слабые стороны территорий.

Полагаем, что к принципам развития межтерриториальных взаимодействий в числе основных должны быть отнесены:

- стимулирование развития внутреннего потенциала территорий с учетом возможности его использования в рамках решения общих проблем и задач;

- ориентация на развитие долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества;

- партнерство всех уровней власти, бизнес- и гражданского общества;

- децентрализация управления (вопросы разработки и реализации проектов сотрудничества должны быть делегированы органам региональной власти и местного самоуправления);

- дополнительность финансового вклада Федерации в реализацию проектов развития сотрудничества (использование средств в дополнение к ресурсам основных исполнителей, но не вместо них).

Также полагаем, что в рамках развития механизма внутрирегиональной интеграции необходимо обеспечить большую децентрализацию полномочий и деконцентрацию функций, повысить внутрирегиональную бюджетную децентрализацию [23] и увеличить финансовую самостоятельность муниципалитетов. Вкупе это окажет позитивное влияние на способность органов местного самоуправления решать вопросы местного значения.

Таким образом, на уровне федерации следует создать концептуальные основы и условия для обеспечения внутрирегиональной интеграции по линии «город – село».

В то же время на региональном уровне важно обеспечить координацию целей развития муниципалитетов, городов, сельских террито-

рий, деятельности некоммерческих организаций, сельских и городских бизнес-структур в рамках общей концепции/стратегии социально-экономического развития. Здесь будут востребованы не столько формальные административные инструменты (правовое регулирование, законодательные инициативы, как на федеральном уровне), сколько неформальные/полуформальные (например, организация рабочих групп). Как мы полагаем, именно на региональном уровне можно раскрыть потенциал и возможности кооперации городской и сельской местности, заинтересовать стороны и привлечь участников, дать импульс созданию общих сельско-городских структур.

В свою очередь органам местного самоуправления должна быть отведена роль непосредственных инициаторов создания социальных, производственных, финансово-экономических интеграционных связей.

Поскольку непосредственная реализация интеграционных проектов происходит на локальном уровне, то совершенствованию должны подлежать и механизмы межмуниципального сотрудничества РФ.

В настоящее время развитие реального межмуниципального сотрудничества происходит преимущественно в социальной сфере (проведение выставок и ярмарок, совместное решение вопросов местного значения – водоснабжение, транспортное обслуживание населения и т.п.) и официально закрепляется в виде договоров и соглашений, создании ассоциаций, реже – в создании хозяйственных и некоммерческих межмуниципальных предприятий, организаций, учреждений для решения вопросов местного значения. В сфере экономики подобных проектов единицы. Одним из успешных примеров является ООО «Кигинская швейная фабрика»¹¹.

Главные причины низкой активности межмуниципального сотрудничества в сфере

экономики, на наш взгляд, недостаточная заинтересованность со стороны бизнеса и местных органов власти к кооперации в сфере экономики ввиду сложности организации и сопровождения подобных проектов, низкой обеспеченности муниципалитетов собственными доходами, недостаток квалифицированных кадров, недоверие между бизнес-структурами и т.д. Так, по данным опроса руководителей сельхозорганизаций Вологодского области, проводимого сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 г., было выявлено, что 1/4 респондентов не видит мотивов для развития кооперации, хотя с ее помощью, сохраняя экономическую самостоятельность и независимость участников, можно добиться значительных результатов в производстве, совместно выйти на новые рынки сбыта, получить доступ к дополнительным финансовым, трудовым и другим ресурсам (рис. 1) [25, с. 11–12].

Вместе с тем, ввиду актуальности реализации проектов в сфере реальной экономики,

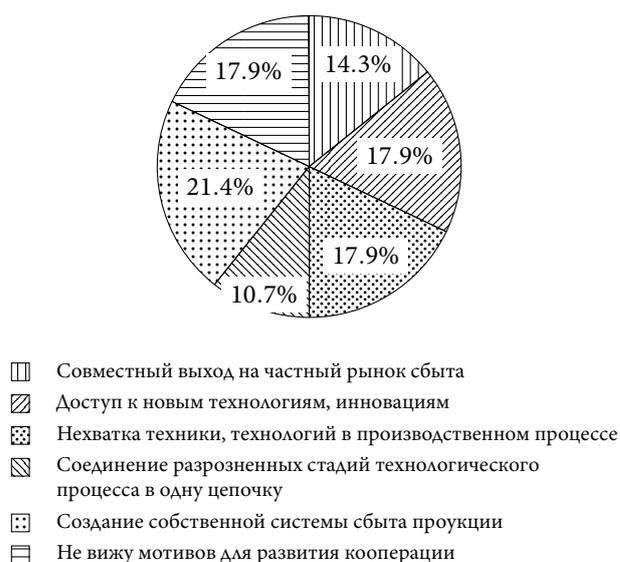

Рисунок 1 – Мотивы развития кооперации с сельхозорганизациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, % от числа ответивших
Figure 1 – Motives for the development of cooperation with agricultural organizations and peasant (farm) enterprises, % of the number of respondents

¹¹ Осуществляет деятельность с 2013 г. в Республике Башкортостан (РБ). Учредители – физические лица. Однако, как отмечено в [24], фабрика является примером именно межмуниципальной кооперации – со стороны Саткинского р-на Челябинской обл. были привлечены инвестиции, технологии и компетенции, со стороны Кигинского р-на РБ – квалифицированные трудовые ресурсы и необходимая инфраструктура (в соответствии с соглашением о сотрудничестве). Помимо успешно работающей швейной фабрики в рамках сотрудничества приграничных районов Челябинской обл. и РБ также созданы комплекс по розливу бутылированной воды и центр семейного отдыха в Абзелиловском р-не, цех по производству древесного угля в Зилаирском р-не РБ. Также в РБ на земельных участках двух муниципальных районов (Уфимский и Иглинский) реализуется инвестиционный проект по созданию Транспортного агро-логистического парка «Уфимский».

развития межмуниципального сотрудничества и необходимости устранения существующих барьеров, целесообразно создать систему региональных агентств поддержки, на которые были бы возложены функции организационного сопровождения и софинансирования. При разработке подобных институтов следует опираться на успешный зарубежный опыт, но при этом не просто копировать инструменты и механизмы, а адаптировать их под российскую специфику.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить научную и практическую актуальность развития механизма внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село» в России.

В целом, значение сельско-городской интеграции определяется тем, что она посредством укрепления хозяйственных и социально-культурных связей, объединения потенциалов, ресурсов и производительных сил территорий, позволяет преодолевать обособленность и изолированность сельских территорий в пространстве регионов, что в свою очередь является неотъемлемым условием обеспечения сбалансированного пространственного развития страны.

Однако реализация подобных задач в России осложняется отсутствием действенного механизма развития сельско-городских партнерств. Как мы полагаем, в целях повышения степени интегрированности узловых и внеузловых форм организации пространства в России необходим ряд изменений в систе-

ме государственного управления территориальным развитием, касающихся, прежде всего, разработки концептуальных основ интегрированного сельско-городского развития, вопросов децентрализации полномочий, создания институтов финансовой, консультационной поддержки.

На основе проведения бенчмаркинга зарубежного и отечественного опыта, предложены перспективные направления развития пространственных взаимодействий по линии «город – село»:

- повышение связанности городской и сельской экономики, посредством удлинения цепочек создания добавленной стоимости, перехода к высокотехнологичному циркулярному сельскому хозяйству, развития и диверсификации сельской экономики;
- развитие связующей инфраструктуры;
- развитие культурных связей между городской и сельской местностью.

Полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о перспективах и проблемах пространственной интеграции России на внутрирегиональном уровне и могут быть использованы в целях совершенствования национальной и региональной политики в области социально-экономического развития, а также при дальнейшем развитии отдельных аспектов тематики исследования.

На следующих этапах работы предполагается разработать организационно-экономический механизм создания и функционирования институтов поддержки внутрирегиональной интеграции территорий России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожевников С.А. Интеграция экономического пространства северного региона: особенности и проблемы обеспечения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 6 (13). С. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4.

2. Суворова А.В. Пространственное развитие: содержание и особенности // Journal of New Economy. 2019. № 3 (20). С. 51–64. DOI: 10.29141/2658-5081-201920-3-4.

3. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерно-

сти социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1 (10). С. 58–75. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.4.

4. Balassa B. (1961). The Theory of Economic Integration. Homewood, Illinois: R.D. Irwin. 304 p.

5. Кожевников С.А. Проблемы обеспечения пространственной интеграции регионов России // Научные труды вольного экономического общества России. 2021. № 4 (230). С. 339–345. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-339-345.

6. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапа-

ло О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54.

7. Экономическая интеграция: пространственный аспект / под общ. ред. П. А. Минакира. М.: Экономика, 2004. 360 с.

8. Лажнецов В.Н. Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 3. С. 99–105.

9. Колодина Е.А. Регулирование межрегиональной экономической интеграции в России: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Колодина Елена Алексеевна; Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск. 2004. 316 с.

10. Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19.

11. Важенина И.С., Важенин С.Г. Конкурентное сотрудничество территорий в современном экономическом пространстве // Экономика региона. 2020. № 2 (16). С. 406–419.

12. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 1 (3). С. 52–70.

13. Tacoli C. (1998). Rural-urban interactions: a guide to the literature, *Environment & Urbanization*, vol. 10, no. 1, pp. 147–166.

14. Lynch K. (2005). Rural-urban interaction in the developing world. London, New York: Routledge. 209 p.

15. Oedl-Wieser T., Hausegger-Nestelberger K., Dax T., Vauchinger L. (2020). Formal and Informal Governance Arrangements to Boost Sustainable and Inclusive Rural-Urban Synergies: An Analysis of the Metropolitan Area of Styria, *Sustainability*, vol. 12, no. 24, p. 10637. DOI: 10.3390/su122410637.

16. Никифоров Л., Кузнецова Т. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2 (5). С. 179–200.

17. Chen C., Le Gates R., Fang C. (2019). From coordinated to integrated urban and rural development in China's megacity regions, *Journal of Urban Affairs*, vol. 41:2, pp. 150–169. DOI: 10.1080/07352166.2017.1413285.

18. Кондратьева Н.Б. Образ Европы в региональной политике ЕС // Современная Европа. 2007. № 2. С. 116–128.

19. Masum F., Klaus M. (2018). Balancing Urban and Rural Development – How to Reach the Goal? In: FIG Congress 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/349377751_Balancing_Urban_and_Rural_Development_-_How_to_Reach_the_Goal (accessed 15.03.2022).

20. Wang M., Yang Y., Guo T. (2021). Measurement of Urban–Rural Integration Level in Suburbs and Exurbs of Big Cities Based on Land-Use Change in Inland China: Chengdu, *Land*, no. 10, p. 474. DOI: 10.3390/land1005047.

21. Tang D., Li B., Qiu Y., Zhao L. (2020). Research on Urban and Rural Coordination Development and Its Driving Force Based on the Space-time Evolvement Taking Guangdong Province as an Example, *Land*, no. 9 (8), p. 253. DOI: 10.3390/land9080253.

22. Wang R., Tan R. (2018). Rural Renewal of China in the Context of Rural-Urban Integration: Governance Fit and Performance Differences, *Sustainability*, no. 10 (2), p. 393. DOI: 10.3390/su10020393.

23. Новоселов А.С., Ковалев А.Е., Гайдук Е.А. Совершенствование муниципального управления на основе моделирования социально-экономических процессов // Регион: экономика и социология. 2021. № 2 (110). С. 236–266. DOI: 10.15372/REG20210210.

24. Тажитдинов И.А. Межмуниципальное сотрудничество – инструмент субрегиональной политики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 4. С. 4–8.

25. Патракова С.С. Состояние сельского хозяйства Вологодской области в оценках аграриев: итоги 2019 года // Социальное пространство. 2020. № 5 (6). DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28769> (дата обращения: 15.03.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кожевников Сергей Александрович – кандидат экономических наук; Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а); kozhevnikov_sa@bk.ru.

Патракова Светлана Сергеевна – Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а); sspatrakova@bk.ru.

PRIORITIES AND TOOLS FOR ENSURING INTRA-REGIONAL SPACE INTEGRATION ALONG THE “URBAN-RURAL” LINE

S.A. Kozhevnikov^{12a}, S.S. Patrakova^{13a}

^aVologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Economic area disintegration is an important problem of the Russian Federation at the present development stage. It is revealed in the inter- and intra-regional economic contacts destruction, spatial compression of the previously developed territories, expanding disproportions and asymmetry in the quality of life of the population and the infrastructural development level. The solution to the given problem justifies the need for the conceptual foundations development and of methodological tools improvement for ensuring spatial integration of the country at the inter- and intra-regional levels.

The purpose of the article is to provide rationale for the priority areas and tools for ensuring spatial integration in Russia at the intra-regional level along the “city-rural” line. The research identified the significance of the rural-urban integration which is in economic, socio-economic, cultural ties strengthening, consolidation of the territorial potentials, resources and productive forces, which together makes it possible to overcome the regional space disintegration.

Based on the foreign and domestic experience benchmarking, a number of priority areas have been developed for the intra-regional spatial integration in the Russian Federation along the “city-rural” line: strengthening the connectivity of the urban and rural economies, developing a connecting infrastructure and cultural ties between urban and rural areas. It is stated that to increase the integration degree of both nodal and non-nodal forms of space organization in Russia, a number of changes should be introduced into public administration system of territorial development, primarily concerning the conceptual foundations elaboration of integrated rural-urban development, increasing the degree of the powers decentralization, creating institutions of financial and advisory support. The obtained results can be used for the national and regional policy improvement in the field of socio-economic development, as well as for the further development of certain research aspects.

FUNDING: Acknowledgments: the article is supported by the grant of the President of the Russian Federation № MK-2099.2020.6

KEYWORDS: economic area, urban territory, rural territory, intra-regional integration, partnership, cooperation.

FOR CITATION: Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2022). Priorities and tools for ensuring intra-regional space integration along the “urban-rural” line, *Management Issues*, no. 2, pp. 76–90.

REFERENCES

1. Kozhevnikov S.A. (2020). Integration of the economic space of the Northern region: features and problems of ensuring, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 6 (13), pp. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4.
2. Suvorova A.V. (2019). Spatial development: content and features, *Journal of New Economy*, no. 3 (20), pp. 51–64. DOI: 10.29141/2658-5081-201920-3-4.
3. Gubanova E.S., Klesch V.S. (2017). Methodological aspects of analysis of the level of uneven socio-economic development of regions, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 1 (10), pp. 58–75. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.4.
4. Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Illinois: R.D. Irwin. 304 p.
5. Kozhevnikov S.A. (2021). Problems of ensuring the spatial integration of the regions of Russia,

¹²RSCI AuthorID: 216155, ORCID: 0000-0001-9063-6587, ResearcherID: I-8373-2016

¹³RSCI AuthorID: 1039205, ORCID: 0000-0002-4834-3083, ResearcherID: B-5054-2019

Scientific works of the Free Economic Society of Russia, no. 4 (230), pp. 339–345. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-339-345.

6. Minakir P.A., Demyanenko A.N., Prokhalo O.M., Goryunov A.P. (2018). Integration and disintegration in the economic space of Russia: Methodological aspect, *Oykumen. Regional studies*, no. 4, pp. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54.

7. Minakir P.A. (ed.) (2004). Economic integration: spatial aspect. Moscow: Ekonomika. 360 p.

8. Lazhentsev V.N. (2010). The relationship of theory and practice (an example of the methodology of economic and geographical research), *Izvestia of the Komi NC Ural Branch of RAS*, no. 3, pp. 99–105.

9. Kolodina E.A. (2004). Regulation of interregional economic integration in Russia. Advanced Doctor's degree dissertation. Baikal State University of Economics and Law. Irkutsk. 316 p.

10. Baklanov P.Ya. (2002). Integration and disintegration processes in the Far East of Russia, *Regional Studies*, no. 1, pp. 11–19.

11. Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. (2020). Competitive cooperation of territories in the modern economic space, *Economics of the region*, no. 2 (16), pp. 406–419.

12. Treyvish A.I. (2016). Agricultural continuum: the fate of the representation and its connection with the spatial mobility of the population, *Demographic Review*, no. 1 (3), pp. 52–70.

13. Tacoli C. (1998). Rural-urban interactions: a guide to the literature, *Environment & Urbanization*, vol. 10, no. 1, pp. 147–166.

14. Lynch K. (2005). Rural-urban interaction in the developing world. London, New York: Routledge. 209 p.

15. Oedl-Wieser T., Hausegger-Nestelberger K., Dax T., Bauchinger L. (2020). Formal and Informal Governance Arrangements to Boost Sustainable and Inclusive Rural-Urban Synergies: An Analysis of the Metropolitan Area of Styria, *Sustainability*, vol. 12, no. 24, p. 10637. DOI: 10.3390/su122410637.

16. Nikiforov L., Kuznetsova T. (2007). City and the village: Features of integration in the Soviet and post-Soviet periods, *Journal of Research of Social Policy*, no. 2 (5), pp. 179–200.

17. Chen C., Le Gates R., Fang C. (2019). From coordinated to integrated urban and rural development in China's megacity regions, *Journal of Urban Affairs*, vol. 41:2, pp. 150–169. DOI: 10.1080/07352166.2017.1413285.

18. Kondratyeva N.B. (2007). The image of Europe in the regional policy of the EU, *Modern Europe*, no. 2, pp. 116–128.

19. Masum F., Klaus M. (2018). Balancing Urban and Rural Development – How to Reach the Goal? In: FIG Congress 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/349377751_Balancing_Urban_and_Rural_Development_-_How_to_Reach_the_Goal (accessed 15.03.2022).

20. Wang M., Yang Y., Guo T. (2021). Measurement of Urban–Rural Integration Level in Suburbs and Exurbs of Big Cities Based on Land-Use Change in Inland China: Chengdu, *Land*, no. 10, p. 474. DOI: 10.3390/land1005047.

21. Tang D., Li B., Qiu Y., Zhao L. (2020). Research on Urban and Rural Coordination Development and Its Driving Force Based on the Space-time Evolvement Taking Guangdong Province as an Example, *Land*, no. 9 (8), p. 253. DOI: 10.3390/land9080253.

22. Wang R., Tan R. (2018). Rural Renewal of China in the Context of Rural-Urban Integration: Governance Fit and Performance Differences, *Sustainability*, no. 10 (2), p. 393. DOI: 10.3390/su10020393.

23. Novoselov A.S., Kovalev A.E., Gayduk E.A. (2021). Improving municipal management based on modeling socio-economic processes, *Region: Economics and Sociology*, no. 2 (110), pp. 236–266. DOI: 10.15372/REG20210210.

24. Tazhitdinov I.A. (2014). Inter-municipal cooperation as a tool of subregional policy, *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, no. 4, pp. 4–8.

25. Patrakova S.S. (2020). The state of agriculture of the Vologda region in the assessments of the farmers: results of 2019, *Social space*, no. 5 (6). DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28769> (accessed 15.03.2022).

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey A. Kozhevnikov – Ph.D. of Economic Sciences; Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia); kozhevnikov_sa@bk.ru.

Svetlana S. Patrakova – Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia); sspatrakova@bk.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ganepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 30.04.2022. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 8,53. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в Уральском институте управления – филиале РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № _____.